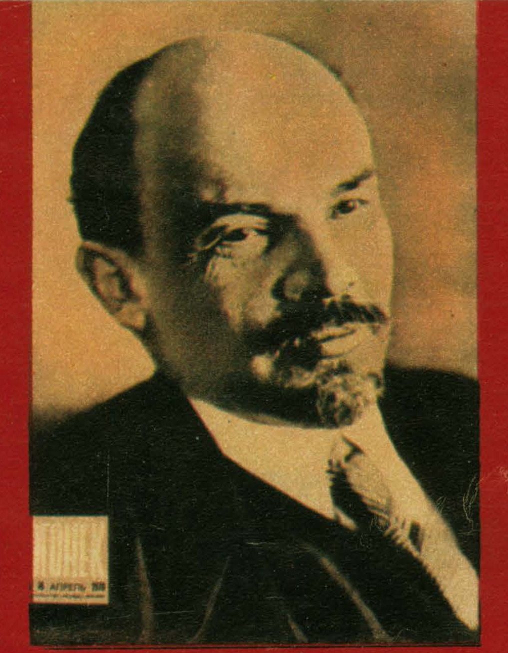
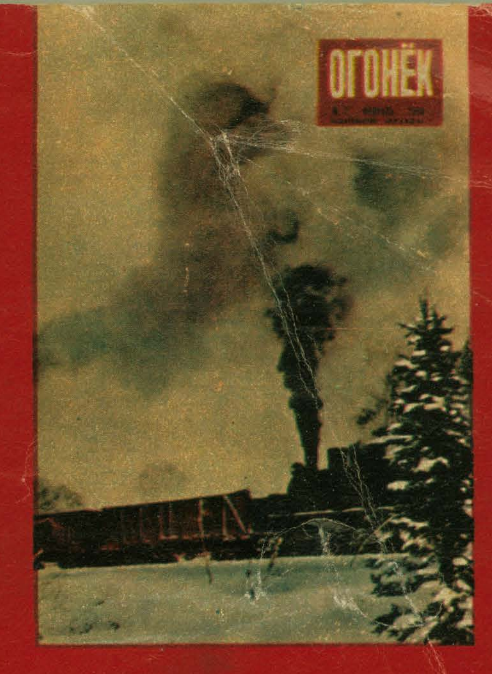
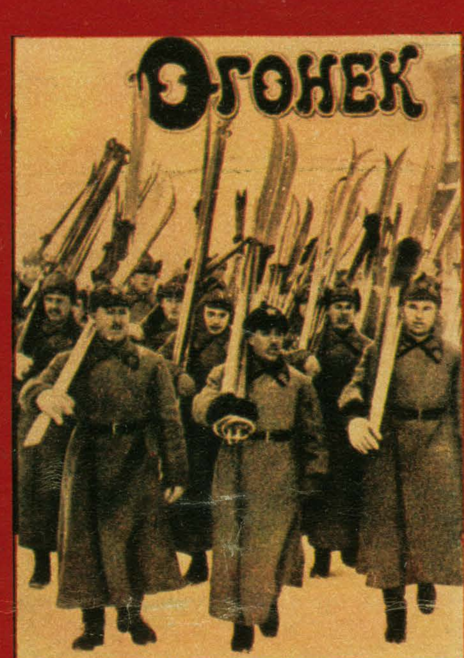
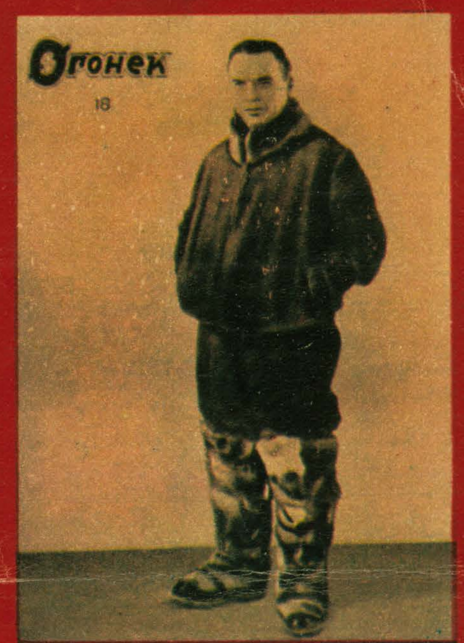

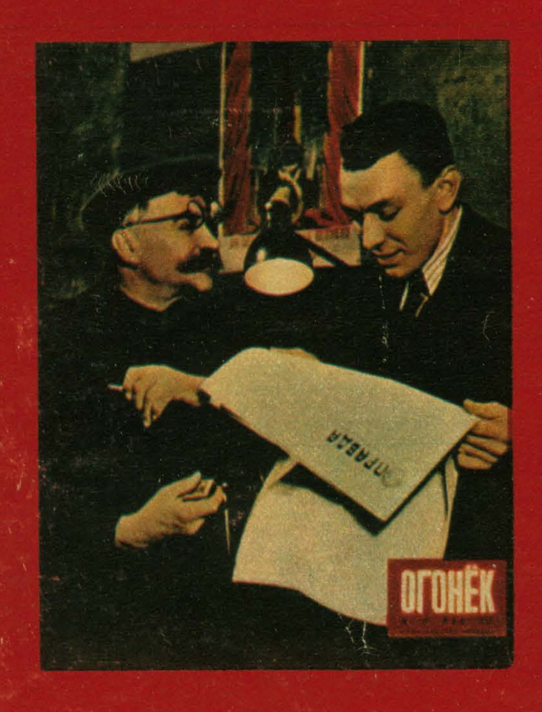

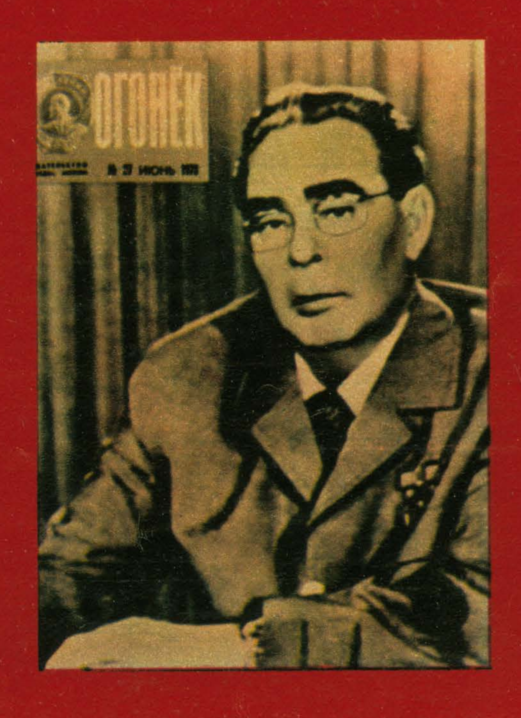

ОГОНЁК №2500

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

23 ИЮНЬ 1975

◀ На заводе двигателей КамАЗа идет монтаж оборудования.

Начальник Управления механизации строительства И. Ф. Мухрыгин и инженер М. П. Камышников.

ОТОК

«Огонек» на КамАЗе

Набережные Челны, КамАЗ... Символ трудового подвига советского народа. Четыре года назад в «Огоньке» был напечатан первый репортаж о рождении автомобильного гиганта. Стройка тогда сидела, — как говорят специалисты, — в земле. В степи широким наступательным росчерком сотен землеройных машин только очерчивался контур будущих заводов. Герои стройки стали героями многих репортажей, публиковавшихся в нашем журнале. Они бывали в гостях у нас в редакции. Производственное объединение «Камгэсэнергострой» и редакция «Огонька» ведут конкурс на лучшую бригаду, работающую на подряде — новой форме хозрасчета.

Сегодня почти во всех огромных корпусах КамАЗа идет сдача площадей под монтаж технологического оборудования — задача колоссальная по своей сложности и размаху. Впервые в широких масштабах здесь применена новая организация работ по принципу потока.

Радостен итог первого квартала 1975 года: производственному объединению «Камгэсэнергострой» присуждено переходящее красное знамя Министерства энергетики и электрификации СССР и ЦК профсоюза рабочих электростанций и электротехнической промышленности. На стройке широко развернулось соревнование в честь XXV съезда КПСС...

Галина КУЛИКОВСКАЯ
Фото Э. ЭТТИНГЕРА

У Камы в Набережных Челнах волжская ширь и величавость: меж дальних берегов медленно, без толчеи плывут льдины-плоты, на отталинах небесными косынками голубеет вода. Тихо...

— Разве это ледоход? —Евгений Никанорович с удивлением вскинул к реке широкую ладонь. — Вилюй — вот это да! За несколько суток разбухает, вздувается, ревет, с грохотом швыряет глыбы. Бешеный поток сметает все на своем пути.

— И долго он так беснуется?

— Пока не израсходует дикую весеннюю силищу, не сбросит избыток воды в Лену...

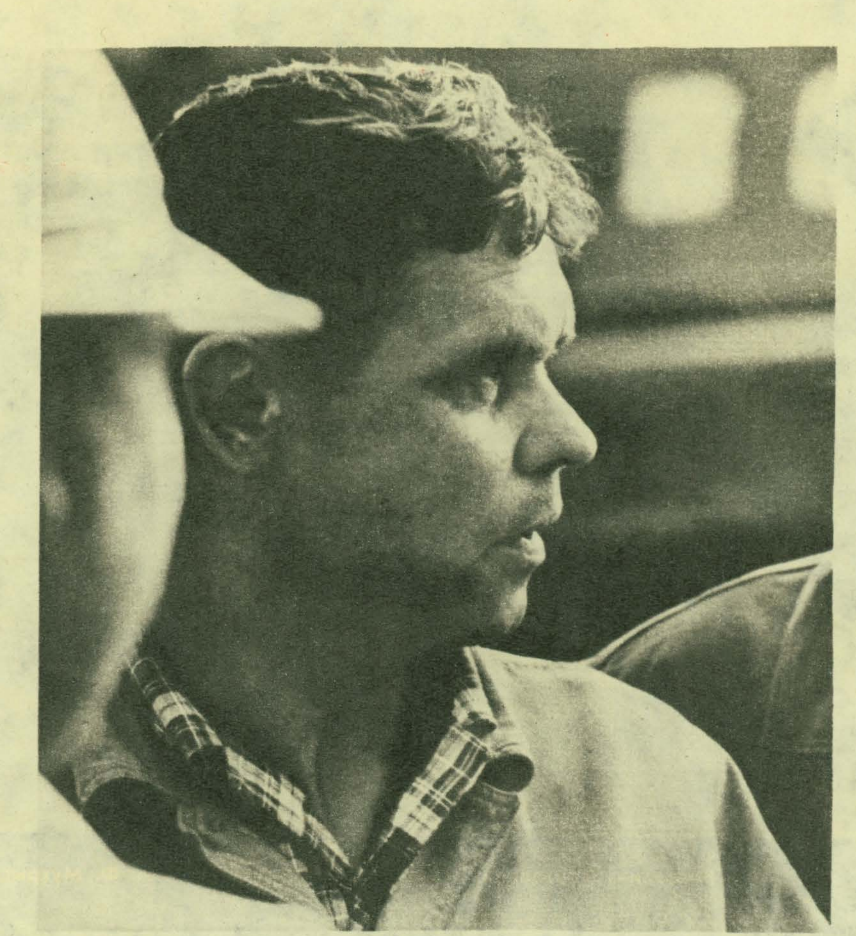
Этот четырехлетней давности разговор с Е. Н. Батенчуком, первым заместителем начальника «Камгэсэнергостроя», вспомнился мне, когда я села писать о челнинских потоках...

Передо мной тоненькая брошюра «Временное положение об организации поточного производства строительных работ в корпусах КамАЗа и переводе специализированных структурных потоков на подряд». Разработано «Положение» Е. Н. Батенчуком, главным инженером стройки В. А. Альфишем, заместителем начальника стройки Е. С. Дунаевым, начальником отдела труда и зарплаты А. В. Кабановым... Список авторов длинный, в нем еще несколько фамилий сотрудников «Гидропроекта» и других институтов. Читаешь эту книжечку — в ней двадцать шесть страниц, — и не можешь не удивиться ее емкости. Речь идет не о потоках на строительстве вообще, а о потоках, которые должны работать внутри корпусов.

Не один ремонтно-инструментальный завод (РИЗ), как было два года назад, когда он вступал в строй, — целых пять заводов автомобильного гиганта готовятся к сдаче площадей под монтаж оборудования, и каждый из них больше РИЗа, общая площадь примерно девятнадцать РИЗов. И во всех пяти работы должны вестись одновременно. Встала проблема, как скоординировать усилия сотен коллективов и наилучшим образом использовать всю ту современную технику от колесной до электронно-вычислительной, которую шлет страна в Набережные Челны.

Инженерный центр стройки нашел выход из положения: поток! Принципиально новая организация работ по единому потоку, включающему в строгой технологической последовательности все операции от нулевого цикла до подписания акта о приемке площадей. Принцип этот, в сущности, не нов, он знаком каждому человеку, бывавшему на современных заводах. Представьте себе поточную или конвейерную линию по сборке, допустим, мотора. Из отдельных деталей в стройном потоке рабочие собирают узлы. Из узлов компонуют мотор. Так и в строительном деле: друг за другом выполняются отдельные операции — выемка грунта, устройство фундаментов и тоннелей... вплоть до облицовки, отделки, устройства чистых полов. В составе потоков — комплексные бригады.

Комплексная бригада... Так это же о ней мечтал, вспоминала я, экскаваторщик Рашид Якупов. Два года назад в дневнике, отрывки из которого были опубликованы в «Огоньке», он писал: «Мы сами по себе, а шоферы сами по себе. Случится поломка на экскаваторе — стоят, ждут. Или мы стоим ждем, пока «КрАЗы» пожалуют Можно устроить так, чтобы не стояли ни экскаваторы, ни самосвалы. Надо создать комплексную бригаду из шоферов и экскаваторщиков и взять план на целый месяц вперед. Бригадиром надо брать шофера, чтобы он был заинтересован не только в рейсах, но и в кубометрах земли». Так думал Якупов. Теперь все это узаконено.

Рашид Якупов.

Как же родились в Челнах потоки? Что собой представляют, например, наиболее сложные механизированные комплексы, занятые на земляных работах?

Мне посоветовали побывать у Ивана Федоровича Мухрыгина, начальника управления механизации строительства (УМС). Тут давно предпринимались попытки объединить в одном коллективе технику разного рода, например, скрепер, грейдер и каток. Теперь предстояло создать комплексы, где работали бы в общий котел не только землеройные машины, но и транспортные. Однако возникли неожиданные осложнения. Механизаторы подчиняются одному управлению, шоферы — другому, у одних работа измеряется километрами, у других — кубометрами... Кроме того, надо было перестроить работу самого УМС. Дело в том, что управления механизации на отдельных стройках обычно работают по принципу проката: предоставляют землеройную технику строительным организациям, сами ответственности за план, за объем вынутого грунта не несут... На сей раз руководство и партком «Камгэсэнергостроя» поставили перед механизаторами небывалую задачу: самим переработать внутри корпусов в сложных условиях за два года — 1974-й и 1975-й — более одиннадцати миллионов кубометров грунта. Целые горы!

Кое-кто сомневался в успехе, говорил, что механизаторам с такой задачей не справиться, кое-кому пришлось сойти с дороги, чтоб не мешать...

— Первые четыре комплекса приступили к земляным работам в корпусах в июле прошлого года,— рассказывал мне Мухрыгин.— Вначале без шоферов. Но уже шестнадцать человек — экскаваторщики, бульдозеристы, машинисты автогрейдера и пневмокатка — работали на единый наряд. За ними наблюдали сотни глаз. Кто с надеждой, а кое-кто и с иронией. Партком стройки видел перспективность такой организации работ, всячески поддерживал ее. В первый же месяц механизаторы выполнили свои задания.

В августе начальник УМС Мухрыгин докладывал пленуму горкома партии: «Механизированные комплексы есть! Существуют!» Потом горком партии еще не один раз вернется к этим вопросам. О них пойдет речь на совещании, в работе которого принимал участие первый секретарь обкома партии Татарской АССР Ф. А. Табеев. В Набережных Челнах проходило заседание выездной коллегии Министерства энергетики и электрификации СССР. П. С. Непорожний, министр, объезжал заводы, смотрел, как работают комплексы. Советовался с людьми.

Решение было долгожданным: «Дорогу новому!» Вот тогда-то и пришла пора подключить к механизаторам транспортников.

— Комплексы пошли! Большие, включающие звено механизаторов и бригаду шоферов. Пошли на одном наряде,— Мухрыгин достал из стола и показал такой наряд.— Люди впервые почувствовали себя в единой семье. Тут и школа самоуправления и нравственное воспитание. Изменилась даже психология. Каждый кровно заинтересован в успехе товарища. Теперь, если пневмокаток вдруг встал, а шофер, привезший грунт, это увидел, непременно забеспокоится:

«Что, друг, случилось? Давай помогу!» Впрочем, посмотрите все сами. Поезжайте на прессово-рамный завод в комплексе № 3. Он у нас большой, специализируется на засыпке грунта. Я своего рода комиссар этого комплекса—партком прикрепил для оказания оперативной помощи. Фоменко, начальник «Камгэсэнергостроя», пешком обошел все наши потоки, во все вникал. Батенчук приезжал к нам каждый день. Он буквально не слезал с комплексов.

Действительно, Евгений Никанорович не раз рассказывал мне об автоматической системе информационного обеспечения, о содружестве «Гидропроекта» со строителями, об огромной инженерной службе нескольких институтов, работающей на потоки.

...Итак, прессово-рамный завод. Кажется, совсем еще недавно, увязая по колено в грязи, в резиновых высоких сапогах я пробиралась с насыпи на насыпь, к левому флангу корпуса. Теперь идешь по плитам пола, как по аэродрому: пусти по ним танк — не покоробятся. На левом фланге (тогда там были лишь подколонники) ревут «КрАЗы» и бульдозеры, старательно утюжат землю катки, разравнивают слой щебня грейдеры. Скоро и тут лягут плиты.

Начальник комплекса совсем еще молод. Взъерошив свою пышную, белую, как лен, шевелюру, представился: «Виктор Бом». Полушутя-полусерьезно, но неизменно с симпатией все называют его Бамом. «Наш Бам», «Вот попадешь к Баму!» В планшете Виктора — задание, своего рода стратегический план на целый месяц вперед. Все тут расписано — где что нужно сделать. В его распоряжении три экскаватора, три бульдозера, пневмокаток, грейдер, пятнадцать «КрАЗов». Обслуживает технику около шестидесяти человек. Бригаду шоферов возглавляет Коньков, звено механизаторов — Якупов.

— Какой Якупов? — спрашиваю я. Эта фамилия очень распространенная, все равно что Иванов. Может быть, это вовсе не тот, знакомый мне Якупов.

— Рашид Якупов,— отвечает Бом. — А что? — мгновенно настораживается Бом.— Он у нас пользуется большим авторитетом, лучший экскаваторщик. Коммунист, председатель совета комплекса. Совет все спорные вопросы решает. Как постановит, так и будет. Вообще Рашид — активный человек.

Я горячо порадовалась за Рашида. Ведь нужно же было появиться именно комплексу, о котором мечтал он еще два года назад, чтоб так красиво раскрылись его способности! Четыре года, да нет, больше, сидел этот скромный до застенчивости человек на своем «Уральце», работал в одиночку, и никто ничего о нем не слыхал! Совместная работа с шоферами, большой коллектив перевернули жизнь, окрылили Якупова. Я рассказываю Бому о первых шагах Рашида на стройке, ведь это именно он весной семьдесят первого «открывал» литейный завод, вынул первый ковш под его фундамент. А сколько радости было в его семье, когда они наконец выбрались из барака и поселились в новой квартире на проспекте Мусы Джалиля!..

— Где же найти Рашида?

— Он работает возле кузнечного корпуса, отсюда километра два.

Забой Якупова. Громадный «Уралец», такой же, каким я видела его в последний раз, — желточно-желтый, как выклюнувшийся цыпленок. Черпачок в два человеческих роста ловко подхватывает огромную глыбу и аккуратно укладывает в кузов. «КрАЗ», уступив место другому, рыча, уползает из забоя.

Якупов наконец заметил меня. Выбрав удобный момент, подымаюсь по ступенькам, как по трапу, в кабину. Рашид улыбается, черные, как маслины, глаза сияют.

— Комплекс — хорошее дело! Все ребята довольны. Простои сократились. Даже приз у нас был. Теперь вырвался вперед комплекс Журавлева на заводе двигателей — знамя обкома партии завоевал.

— А как с заработком?

— Нормально. Полный порядок.

Общая картина на стройке такая: если в первой половине 1974 года государственный план по земляным работам внутри корпусов был выполнен на одну треть, то во второй не только удалось наверстать упущенное, но и досрочно выполнить задание целиком. Еще более оптимистичны итоги первых месяцев года нынешнего: все комплексы, занятые на земляных работах в корпусах КамАЗа, еще в середине марта выполнили квартальный план и даже забежали на полмесяца вперед. В главном корпусе автосборочного завода, например, остались недоделанными лишь маленькие «пятачки». А вслед за механизированными комплексами двинулись комплексы и потоки бетонщиков, монтажников, отделочников, плиточников. Поток за потоком. Как ледоход в половодье. И все шире в корпусах заводов кузнечного, двигателей, прессово-рамного, автосборочного, литейного разлив красного поля: таким цветом затушевываются на схемах сданные площади. КамАЗ встает, образно говоря, на паркет. На только что сданных площадях немедленно начинается монтаж оборудования.

Следующая ступень, на которую предстоит подняться потокам,— хозрасчет, внутрипостроечный подряд. Ему посвящена вторая часть брошюры, с которой я начала рассказ. Тема, близкая «Огоньку»: редакция проводит конкурс на лучшую бригаду, работающую на подряде. А теперь уже не бригады — потоки. С февраля четыре потока перешли на подряд. Пока всего четыре, и в их числе тот, в котором работает Рашид Якупов.

— Идея потоков, — говорит П. П. Фалалеев, заместитель министра энергетики и электрификации СССР, — далеко не первое инженерно-техническое новаторское решение, разработанное в Набережных Челнах. Назову только главные. Здесь впервые в массовых масштабах были применены буронабивные сваи; впервые на индустриальные рельсы была поставлена сборка блоков кровельных перекрытий. И теперь, когда возникла вызывавшая особую озабоченность проблема огромных внутрикорпусных работ, появились потоки. Их с энтузиазмом поддержали тысячи рядовых строителей. Сооружение такого гиганта, как КамАЗ, стимулирует непрерывный творческий поиск.

Люба Георгиевна Нижарадзе.

Фото Вяч. Месхи.

ДОКТОР ЛЮБА

Страна готовится к выборам в Советы. До них остались считанные дни. Наступил один из важных этапов избирательной кампании — встречи кандидатов в депутаты с избирателями. На многолюдных собраниях, посвященных этим встречам, выступают названные народом кандидаты в депутаты — руководители партии и правительства, рабочие, колхозники, представители интеллигенции, хозяйственные, партийные, советские, профсоюзные, комсомольские работники.

Избиратели с высокой трибуны этих предвыборных собраний говорят о великих победах, достигнутых нашим народом под руководством Коммунистической партии, единодушно одобряют внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии, деятельность ее ленинского Центрального Комитета, Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

Рабочие Хаишского совхоза, что в Верхней Сванетии, выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета Грузинской ССР доктора Любу Георгиевну Нижарадзе. В краях, где знают друг друга, как свои пять пальцев, всякий ритуал, равно как и ритуал выдвижения

кандидатов в народные депутаты, немногословен, но торжествен.

И думаю, что как только слух об этом собрании прошел по перевалам и горным тропам Сванетии, у многих в душе затеплилась радость, потому что названо достойное имя. Старые сваны помнят Любу еще ребенком подле ее высокочтимого отца и не менее высокочтимого деда, а молодые знают вне зависимости от семейного ореола как человека, собственным горбом завоевавшего авторитет у населения горного края.

Но и старые и молодые, несмотря на ореол, несмотря на авторитет, называют ее в обиходе просто Любой, точнее, Любочкой с твердым «ю», переходящим в «у». Не раз слышала я это, бывая в Верхней Сванетии, не раз замечала в Местиа и Мулахи, в Кала и Ипара, в Ушгули и Бечо, с каким озарением произносят Любино имя. Признаюсь, пользовалась им, как паролем, ибо одно дело представиться в этих местах просто журналистом и совсем иное — другом доктора Любы.

В Сванетии все просто и на виду. Вопреки романтической околесице, которой иногда окутывает этот высокогорный край наш брат журналист, люди живут здесь по твердым и ясным человеческим законам: если уважают, так уж уважают, если презирают, так уж презирают. Значит, заслужил. Трудно в Сванетии жить лукавым, скользким субъектам, хотя и они — не без того — существуют. Однако человек ценится по его делу. У Любы дело видное: она облегчает страдания, лечит, спасает.

Слово «доктор» в далеких от центров местах — широкое, емкое. Если в других краях оно и утрачивает свою широту из-за прогрессирующей специализации в медицине, то здесь к широте пока что обязывает обстановка. Есть, конечно, в Местийской больнице хорошие хирурги, хорошие гинекологи — словом, все, что положено. А доктор Люба все же именно тот доктор, к которому идет сначала любой человек. Может быть, оттого, что она терапевт. Может быть, оттого, что в силу своей пытливости изучила много «смежных специальностей». Может быть, оттого, что какие-то другие врачи приходят и уходят, а Люба всегда здесь. А еще, наверно, эта ее популярность и притягательность — по традиции, от отца.

Когда Любин отец, Георгий Гавриилович Нижарадзе, начал практиковать в Местиа (а это было в 1913 году), тут не то что больницы, но и ни одного врача-то не было. Георгий Гавриилович обучался медицине в Одессе и вернулся в отчий дом. Такой исключительный случай: первый доктор-сван! И хотя он был «свой», ему пришлось очень трудно: первая аптека, первая палата с койками прямо в докторском доме. Но лечиться никто не хотел — не умели. Потом, уже в годы Советской власти, появилась больница, и Георгий Гавриилович научил своих земляков следить за здоровьем, научил землячек рожать в гигиенических условиях, а не в сараях. Он стал очень необходимым человеком в самом большом и широком, не только медицинском смысле, и его избрали председателем Верхне-Сванетского уездного исполкома. Я застала его в преклонном возрасте невероятно живым, доброжелательным, остроумным. Он умел многое: лечить, принимать роды, делать рентген. Он любил свой мужественный, красивый, простодушный народ. Вылетев из родного гнезда и попав в шумные города, набравшись там знаний, он ведь променял все это на горы, ущелья, солнце и реки, на неудобный быт. Променял, не задумываясь.

Но так же, собственно, было и с его отцом, Гавриилом Нижарадзе. Из самого глухого и высокогорного села Ушгули мальчишкой удрал Гавриил в город, поучился у священника грамоте, потом окончил учительскую семинарию в Майкопе и вернулся в Верхнюю Сванетию, чтоб открыть здесь первую школу.

Вот откуда в Любе все ее достоинства, хотя она-то вовсе не первая и далеко не единственная. Но сидит в ее крови эта преданность, эта народность, сочетающая в себе лучшие традиции старой интеллигенции с убежденностью коммуниста.

Впервые я увидела Любу лет двадцать тому назад. По улице сванской столицы шла тонкая, изящная девушка спортивного склада в яркой ковбойке. На фоне черных одеяний и черных платков, столь популярных у жителей Сванетии, видение сие было необычным. И я подумала: приезжая. Нет, сказали мне, дочь местного доктора и сама молодой врач. Я напросилась в знакомые, напросилась в их дом. Оказывается, я была неоригинальна. Этот добрый дом притягивает к себе всех, кто из Тбилиси и Кутаиси, кто из Москвы и Ленинграда, потому что здесь интересно, общительно, попросту, без претензий. Однако важнее другое: этот же дом притягивает людей из Мулахи и Кала, из Бечо и Ушгули. К Любе в калитку стучат поздно вечером, будят ее на рассвете: срочный случай или больного доставила попутная машина. У нее никогда не бывает ощущения, что рабочий день окончен.

Правда, таков удел каждого настоящего, народного доктора (Люба Нижарадзе — заслуженный врач республики). Но в Сванетии приходится мчаться в бездорожье, верхом на коне, в снегопад и ливни. И еще: Люба теперь глава семьи, на ней заботы о матери, о сыне, о продуктах на зиму, о ремонте крыши. И при всем этом огромное стремление не отстать от жизни, просмотреть новинки литературы и, главное, свежие медицинские журналы. Может быть, именно эта постоянная привычка впитывать новое и размышлять, сопоставлять, наблюдать сделала ее отличным диагностом. В сложных случаях, когда больного приходится направлять в лучшие клиники страны, Любин диагноз, поставленный на основании опыта и умения мыслить, порой без тщательных лабораторных исследований, всегда подтверждается. «Зачем вы приехали к нам, — удивляются столичные светила, — если у вас на месте есть человек, который правильно видит вашу болезнь, а следовательно, может побороться с ней».

Недавно Люба была в Тбилиси на курсах усовершенствования врачей. Прибегала с занятий, полная впечатлений, и тут же устремлялась на другие курсы: шоферов-любителей. Дороги в Сванетии становятся все лучше и лучше. Можно из седла пересесть за руль «Жигулей».

Ия МЕСХИ

БЕСЕДА А. Н. КОСЫГИНА С Д. ИКЭДОЙ

28 мая Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял в Кремле видного общественного деятеля Японии, президента общества «Сока гаккай» Дайсаку Икэду.

В беседе, проходившей в обстановке взаимопонимания и сердечности, состоялся обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития дружественных связей между народами Советского Союза и Японии, имеющих большое значение для укрепления мира в Азии и во всем мире. С обеих сторон была дана высокая оценка успехам всех миролюбивых сил в деле углубления разрядки международной напряженности и утверждения принципов мирного сосуществования как единственно разумной основы для развития отношений между государствами с различным социальным строем.

Во время беседы.

Фото В. Будана (ТАСС)

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

2 июня в Москве в соответствии с ранее достигнутой договоренностью состоялась встреча между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и членом Политбюро ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров Польской Народной Республики П. Ярошевичем.

Учитывая большие заслуги в развитии братской дружбы и всестороннего сотрудничества между Польской Народной Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик, Указом Президиума Верховного Совета СССР член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров Польской Народной Республики Петр Ярошевич награжден орденом Октябрьской Революции.

2 июня в Кремле член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил Петру Ярошевичу высокую награду Советского государства.

На снимке: во время награждения.

Фото В. Егорова (ТАСС)

КОРОЛЕВА ДАНИИ В МОСКВЕ

С 26 мая по 2 июня в Советском Союзе по приглашению Президиума Верховного Совета СССР находились с официальным визитом Ее Величество королева Дании Маргрете II и Его Королевское Высочество принц Хенрик.

В Кремле состоялась встреча Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и Ее Величества королевы Дании Маргрете II. В ходе беседы, проходившей в дружественной атмосфере, была выражена взаимная уверенность в том, что отношения дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Данией будут и впредь расширяться и крепнуть на благо советского и датского народов и в интересах всеобщего мира.

Во время встречи в Кремле. **Фото А. Гостева**

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ СССР РАБОТНИКОВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» И ТИПОГРАФИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПРАВДА»

За многолетнюю плодотворную работу в советской печати наградить работников редакции журнала «Огонек» и типографии издательства «Правда», занятых выпуском журнала:

ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ: МУРАШОВУ Любовь Григорьевну — заведующую отделом редакции журнала, **НИКОЛАЕВА** Владимира Дмитриевича — заместителя главного редактора журнала, **ПОПОВА** Александра Васильевича — печатника типографии, **САВИНА** Михаила Ивановича — фотокорреспондента редакции журнала, **СОФРОНОВА** Анатолия Владимировича — главного редактора журнала.

ОРДЕНОМ ДРУЖБЫ НАРОДОВ: МЕСХИ Ию Семеновну — собственного корреспондента журнала по Грузинской ССР, Азербайджанской ССР и Армянской ССР, **ЩЕРБАКОВА** Александра Даниловича — собственного корреспондента журнала по Белорусской ССР.

ОРДЕНОМ «ЗНАК ПОЧЕТА»: КОЗЛОВСКОГО Николая Федоровича — собственного фотокорреспондента журнала по Украинской ССР, **КРИВОНОСОВА** Юрия Михайловича — заместителя редактора отдела редакции журнала, **МАКЕЕВА** Александра Дмитриевича — рабочего типографии.

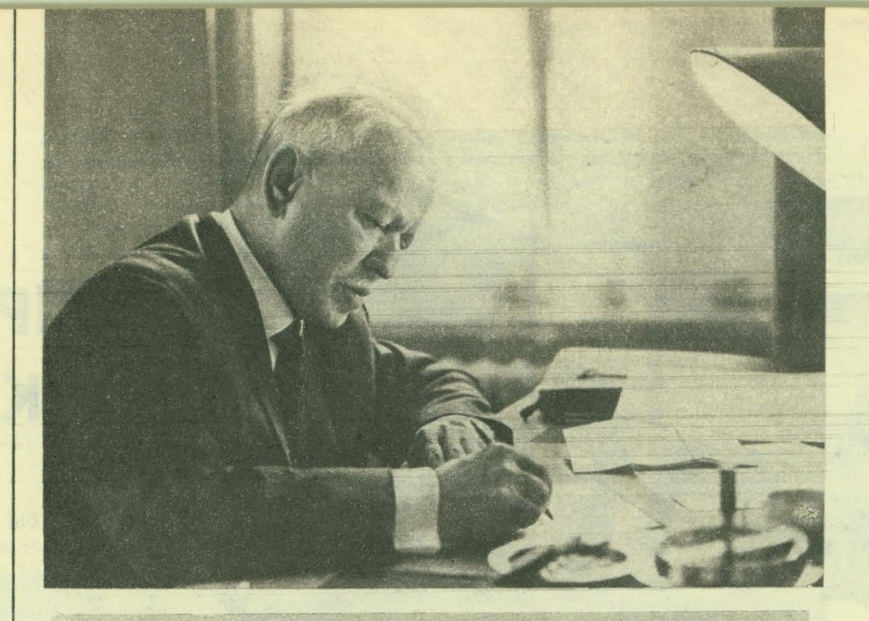
МЕДАЛЬЮ «ЗА ТРУДОВУЮ ДОБЛЕСТЬ»: БЕЛЕЦКУЮ Ванду Владимировну — заведующую отделом редакции журнала, **ЛОБАНИХИНА** Бориса Михайловича — мастера типографии, **СТАНКЕВИЧ** Людмилу Борисовну — стенографистку редакции журнала, **ЧЕРЕВКОВА** Константина Петровича — собственного корреспондента журнала.

МЕДАЛЬЮ «ЗА ТРУДОВОЕ ОТЛИЧИЕ»: КОЛЕСНИКОВУ Антонину Дмитриевну — заведующую отделом редакции журнала, **КРЫЛОВУ** Наталью Александровну — старшего литературного сотрудника редакции журнала.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР — **Н. ПОДГОРНЫЙ**

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР — **М. ГЕОРГАДЗЕ**

Москва, Кремль. 30 мая 1975 г.

Дорогие товарищи огоньковцы!

Сердечно поздравляю вас с выходом 2500-го номера „Огонька".
Желаю успехов в дальнейшей работе!

Ваш Михалков

•

Летчики-космонавты и специалисты Центра подготовки космонавтов имени Юрия Гагарина сердечно поздравляют редакцию со знаменательным событием — выпуском в свет 2500-го номера журнала. Желаем «Огоньку» и впредь ярко светить людям, неизменно оставаясь нашим любимым журналом.

Начальник Центра подготовки космонавтов имени Гагарина дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт БЕРЕГОВОЙ

Береговой
29. 05. 75

•

Spero che i lettori di Ogonek si ricordino che io sono un loro vecchio amico – e un vecchio amico e ammiratore della rivista che tanto aiuta i suoi lettori

grazie, amici
vostro
Renato Guttuso
Roma – 29-5-75

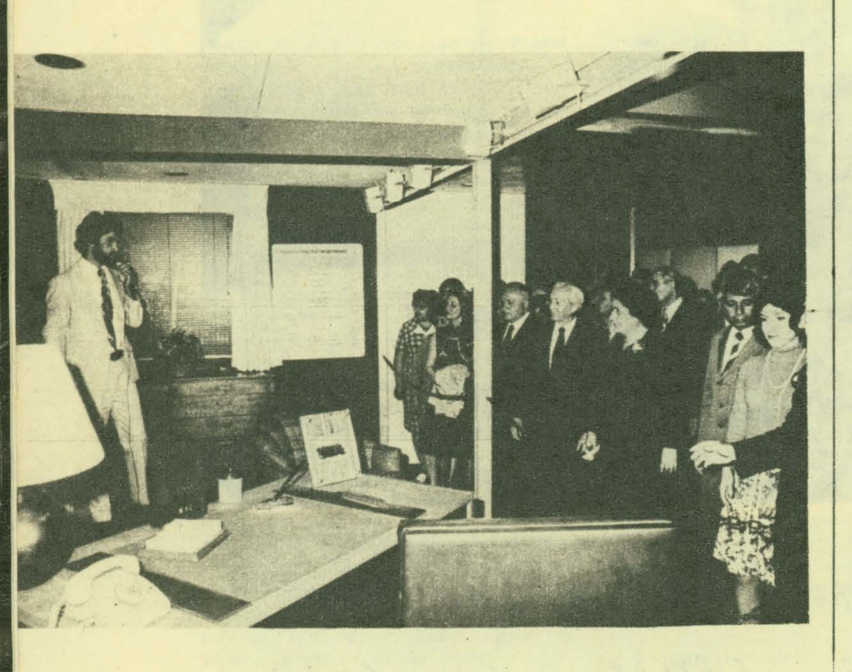
В мае месяце наш специальный корреспондент Игорь Долгополов был в командировке в Италии. Он посетил мастерскую известного итальянского живописца Ренато Гуттузо.

Гуттузо поздравил читателей «Огонька» с юбилейным 2500-м номером и написал:

«Надеюсь, что читатели «Огонька» помнят, что я их старый друг и поклонник журнала, который так помогает своим читателям.

Спасибо. Ваш друг
Ренато Гуттузо.

Рим. 29. 5. 75».

«Американский дом» в Баку

За последние пятнадцать лет в нашей стране в рамках культурного обмена было проведено двенадцать американских выставок. Экспозиция «Американский дом» — тринадцатая. Сейчас с этой выставкой знакомятся жители Баку. Она путешествует по всему Советскому Союзу — от Ташкента до Минска. Как считает директор «Американского дома» г-н Фрэнк Урсино, выставка может принести пользу и в развитии деловых контактов между американскими строительными фирмами и такими советскими организациями, как Госстрой. «Это,— подчеркивает он, — двусторонний процесс — американских специалистов не может не заинтересовать огромный опыт, накопленный советскими строителями. Хорошим примером сотрудничества специалистов двух стран можно назвать семинар, организованный в Ташкенте с участием Госстроя СССР и посвященный проблемам строительства в сейсмических районах».

Гостеприимству бакинцев сотрудники выставки обязаны знакомством со многими сторонами жизни Советского Азербайджана. Они встречались с писателями, художниками, композиторами, артистами, а в День Победы возложили к памятнику Неизвестному солдату венок, на ленте которого начертано: «В честь погибших во имя нашей совместной победы».

Ю. ЗАРАХОВИЧ

Баку.

На снимке: осмотр экспозиции. Фото Дж. Хайнса

Гости «Огонька»

«Отечество» — так будет называться новый журнал, который скоро начнет выходить в Болгарии. Об этом нам рассказали гости «Огонька»: известный болгарский писатель Серафим Северняк — он главный редактор нового издания (на снимке справа) и первый секретарь-атташе по делам печати посольства НРБ в СССР Любен Божев.

Фото Б. Кузьмина

НЕПРИЯТНОСТИ С «КАМЕННЫМ МАСЛОМ»

Виктор КУДРЯВЦЕВ

«Кто бы мог ожидать, что это «каменное масло», когда-то требовавшееся лишь для керосиновых ламп, доставит нам столько неприятностей» — эти слова принадлежат одному американскому сенатору. «Каменное масло» — так раньше называли нефть. Еще во второй половине прошлого века оно действительно использовалось в основном для производства керосина. Положение дел коренным образом изменилось с изобретением двигателя внутреннего сгорания.

Горькая шутка сенатора звучит злободневно. Энергетический кризис, выход нефтедобывающих стран на международную арену в качестве самостоятельной силы поставили перед Соединенными Штатами все более усложняющиеся проблемы.

Сейчас обнаружились новые опасности, грозящие американскому энергетическому бизнесу. Статистика, которая, как известно, знает все, преподнесла американской администрации неприятный сюрприз. Правительство Дж. Форда предприняло в начале года ряд мер для того, чтобы сократить импорт иностранной нефти в США и тем самым ослабить зависимость американской экономики от поставок из-за рубежа. Однако теперь обнаружилось, что они не достигли своей цели. Согласно сведениям, собранным Федеральным управлением по энергетике, получается, что по сравнению с 1974 годом импорт нефти в США значительно возрос, и теперь Соединенные Штаты более чем одну треть своих потребностей обеспечивают за счет ввоза этого горючего.

Есть и еще одно обстоятельство, вызывающее особую нервозность в кругах нефтяного бизнеса. В конце прошлого года Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК) зафиксировала на определенном уровне (10,12 доллара за баррель *) цены на нефть. Было решено в сентябре снова вернуться к этому вопросу в зависимости от той международной конъюнктуры, которая будет существовать к тому времени. За прошедшее полугодие эти страны понесли значительные убытки от инфляции, терзающей их в значительно больших размерах, чем капиталистические развитые государства. В странах ОПЕК высказывается предложение о повышении на 3 процента цены на нефть, чтобы покрыть издержки.

В связи со всеми этими обстоятельствами США прибегли к еще одной попытке найти выход из «нефтяного лабиринта». Государственный секретарь США Г. Киссинджер выступил на сессии Международного энергетического агентства (МЭА) в Париже с новыми предложениями относительно созыва конференции по нефти. Дело в том, что нефтедобывающие и другие развивающиеся страны настаивают на рассмотрении этого вопроса во взаимосвязи с другими проблемами, касающимися отношений между ними и капиталистическими государствами. Они добиваются устранения наслоений колониального периода — заниженных цен на сырье, засилья монополий в хозяйстве молодых государств.

План, выдвинутый Г. Киссинджером на сессии МЭА в Париже, должен был показать развивающимся странам, что Соединенные Штаты «понимают» эти их нужды и «намерены пойти им навстречу». Было дано согласие рассматривать как проблемы нефти, так и другие проблемы международного экономического обмена. Однако не на общей конференции, а в отдельных, обособленных друг от друга комиссиях и без определения сроков их деятельности. Причем комиссии даже находиться будут в изолированных друг от друга помещениях...

Американский план не вызвал энтузиазма в развивающихся странах. Как отмечало алжирское правительственное агентство АПС, «этот метод является идеальным для того, чтобы похоронить в бесконечных заседаниях комиссий проблемы, имеющие в глазах государственного секретаря США столь маловажное значение, как проблемы, с которыми столкнулись страны, больше всего пострадавшие от мирового экономического кризиса». Печать развивающихся стран назвала проект «американской ловушкой».

На Западе сейчас много пишут о начинающейся «экономической войне между Севером и Югом», то есть между странами «третьего мира» и развитыми капиталистическими государствами. «Юг» упрекают в злонамеренных замыслах подорвать благосостояние «Севера». Настроения эти зачастую окрашены мрачными тонами. На прилавках магазинов вновь появилась книга германского философа Освальда Шпенглера «Закат Европы», написанная еще во время первой мировой войны и предрекавшая гибель западной цивилизации под напором «новых варваров». Многие западные публицисты считают, что О. Шпенглер был «удивительно прозорлив».

За этими рассуждениями проглядываются стремления свалить на народы «третьего мира» ответственность за кризисные явления, потрясающие мир капитализма, за неурядицы в его хозяйстве.

Однако борьба развивающихся стран за новый международный экономический порядок вовсе не является «войной» против индустриально развитых государств. Они добиваются реформы международных экономических отношений на основе справедливости и равноправия.

С другой стороны, стремление тех же монополий сохранить свои привилегии только при большом воображении можно назвать «защитой цивилизации». Речь идет о защите высоких прибылей...

Прошли времена, когда с развивающимися странами можно было разговаривать языком силы. Малоэффективны ныне и всякого рода расставляемые для них «ловушки». Что касается нефтяного кризиса, то он может быть решен только в общем контексте реформы международных экономических отношений. В ином случае «неприятности» с «каменным маслом» будут продолжаться во все возрастающих масштабах.

---

* Баррель — 159 литров. — Ред.

за кулисами событий

ТЕ, КТО ПОМОГАЕТ РЕАКЦИИ

«УРИ»? Я «Третий»! Слышу грохот, похожий на взрыв!» — такой возглас раздался с крыши здания, построенного в Штутгарте специально для процесса над главарями анархо-террористической группы Баадера — Майнхоф. Стражник, охранявший подходы к залу суда, больше напоминавшего бункер, ошибся. Тревога оказалась ложной — просто автомобиль наехал на шлагбаум. «УРИ» — штаб охраны здания — дал отбой...

...Ложная тревога отражала настроение нервозности, царящее в зале заседаний. На днях министр внутренних дел ФРГ Вернер Майхофер, выступивший по западногерманскому телевидению, прямо заявил, что не исключает террористических актов, преследующих цель освобождения анархистов.

24 апреля, захватив здание западногерманского посольства в Стокгольме, террористы вновь предприняли попытку оказать нажим на правительство ФРГ и заставить его освободить заключенных в тюрьмы членов группы. Операция закончилась трагически. И не только для военного атташе и другого сотрудника посольства, скончавшихся от ран, но и для самих налетчиков. Двое из них были убиты на месте преступления, а четверо попали за решетку.

Сейчас здание суда в Штутгарте, где начался один из самых громких процессов последнего времени, патрулируют 500 вооруженных полицейских. Прежде чем попасть в зал заседаний, каждый из посетителей подвергается тщательному осмотру. Места для подсудимых отгорожены пуленепробиваемым стеклом.

В 9 часов утра 21 мая судья Теодор Принцинг объявил первое заседание открытым. На скамье подсудимых — четверо: двое мужчин — Андреас Баадер и Ян Карл Распе и две женщины — Ульрике Майнхоф и Гудрун Энслин. Эту четверку называют ядром анархо-террористической организации «Роте Армее-Фракцьон» («РАФ»). Они обвиняются в пяти убийствах, налетах на административные здания, ограблениях банков, поджогах универсальных магазинов.

...Группа Баадера образовалась в конце шестидесятых годов, когда в ФРГ бушевали студенческие волнения. Кучка молодых анархистов, исповедовавших идеи маоистского толка и происходивших, кстати, исключительно из буржуазных семей, рассчитывала заработать политический капитал любой ценой. Их «идеологическим оружием» стала бомба. Действия анархистов не имели ничего общего с демократической борьбой прогрессивной молодежи, не удивительно поэтому, что они не встретили никакой поддержки среди трудящихся. Зато их провокации активно использовали в своих целях крайне реакционные круги. Прикрываясь лозунгом «искоренения терроризма», они развернули кампанию травли прогрессивных сил, в первую очередь активистов Германской коммунистической партии и демократических молодежных организаций.

Свой первый «революционный акт» группа совершила 3 апреля 1968 года во франкфуртском универмаге «Кауфхоф», где было подожжено одно из складских помещений. Дважды Баадер попадал в тюрьму, и дважды ему удавалось бежать. Летом 1973 года он был арестован в третий раз. Андреасу Баадеру сейчас тридцать два года, но он не имеет никакой специальности — даже гимназия оказалась для него непреодолимым препятствием. Ульрике Майнхоф — его ближайшей «сподвижнице» — сорок лет. Она работала в редакции гамбургского журнала «Конкрет» и была арестована в ноябре 1972 года за участие в организации одного из побегов Баадера и вооруженных столкновениях с полицией.

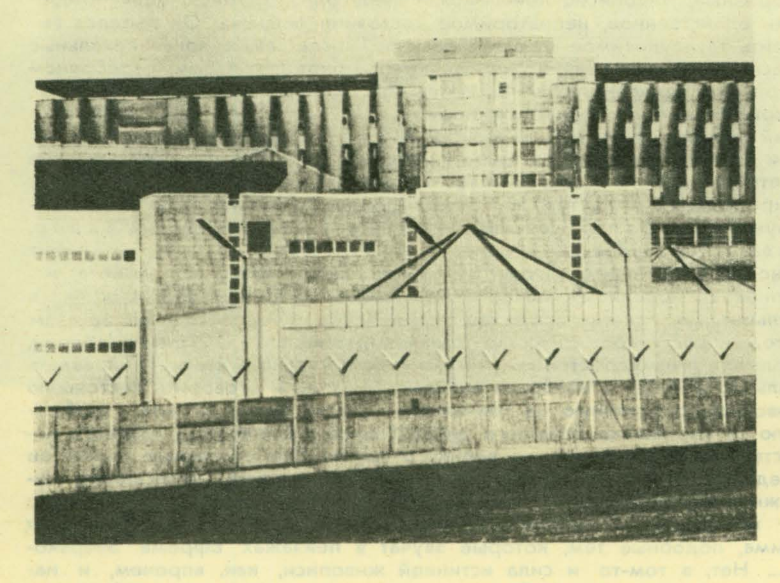
Судьям в Штутгарте предстоит нелегкий труд — свидетелями по делу Баадера — Майнхоф выступает более 900 человек. По мнению местных газет, процесс может затянуться на год, а то и на два...

Между тем плоды террористической деятельности анархистов с удовлетворением пожинают те, кто призывает к крестовому походу против подлинно прогрессивных сил.

Сергей ТОСУНЯН

Штутгарт, по телефону.

Здание, построенное для процесса, напоминает бункер.

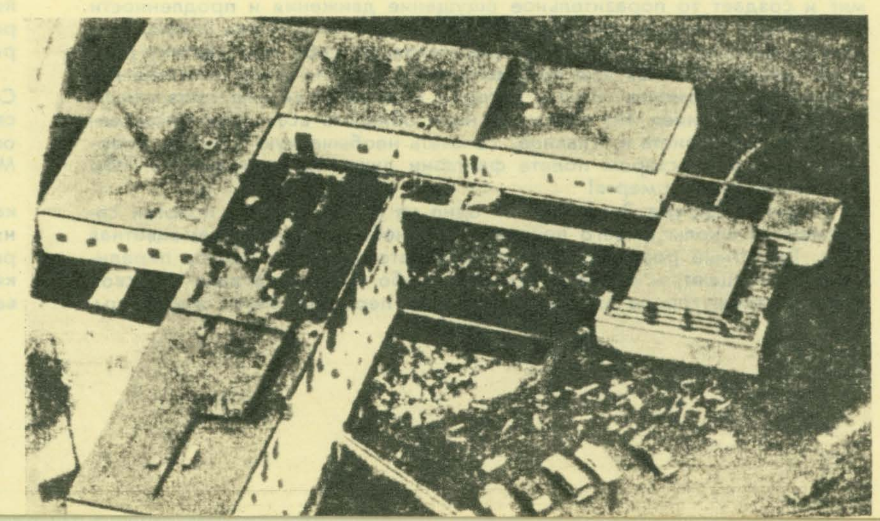
После очередного террористического акта... отдых в Париже (главарь группы Баадер и его подручная Энслин).

Такие следы оставляют после себя эти «р-р-р-еволюционеры».

Апрель 1975 года. В осаде западногерманское посольство в Стокгольме.
Фото журнала «Шпигель» и агентства ЮПИ.

ГОЛУБОЙ АПРЕЛЬ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Знаете ли вы, например, какое наслаждение выехать весной до зари?.. Как вольно дышит грудь... как крепнет весь человек, охваченный свежим дыханием весны!..

И. С. ТУРГЕНЕВ

Березы. Серебряное кружево ветвей. Бирюзовые, сиреневые тени. Нежные белые стволы. Неяркое, голубое, северное небо. Синие дали. Бескрайние просторы полей. Неброская красота Руси. Легкий озорной ветер тронул хрупкие листья юных березок и вмиг зазвенел, запел теплый прозрачный воздух, затрепетали солнечные блики, побежали лазоревые тени, и что-то невыразимо молодое встрепенулось в душе. В какое-то мгновение растворились в сердце дверцы потайные, и вспомнилось далекое-далекое, давно пережитое. Такова магия, великое колдовство искусства живописи... Шумит, гремит за большими окнами Москва. Суетится Кузнецкий мост, бегут, хлюпают по мартовской размазне автомобили, а я гляжу не нагляжусь на «Березы», написанные художником Ефремом Ивановичем Зверьковым, и на душе у меня светлый июньский день.

Несказанная тишина и покой царят во многих пейзажах Зверькова, и порою чудится, что слышишь, как дышит сама земля, как струится легкое марево в весенний погожий день и весь мир природы, словно освеженный приходом весны, сладко дремлет в какой-то неизъяснимой истоме. Все краски, все тона в полотнах художника согласно поют славу юности природы. Наверное, нигде на планете не найти такого богатства синих и голубых цветов, какое бывает в России весною и ранним летом. Может быть, потому что снег тает и словно умывает землю, а напоив корни растений и исчезнув, вновь рождается в пушистых белых облаках и плывет по лазурному небу, а потом падает на поля и луга веселым дождем. В этом круговороте, смене состояний вся неповторимая мелодичность русского пейзажа, его удивительная музыкальность.

«Ледоход на Мезени»... В начале мая стояли холода. Лишь порою в полдень припекало солнце и звякала капель. Ночью трещал мороз. И вдруг в один из пасмурных дней прибежал влажный ветер, нагнал тучи, и вмиг шумный ливень упал на ноздреватый снежный наст. Встревожилась река. Затрещали, двинулись льдины по густой сини взбудораженных вод. В бездонном весеннем небе тронулись и поползли белопенные тучки. Выглянуло солнце, засверкала яркая бирюза небосвода. Сам воздух затрепетал от наступившего тепла. Зашуршали бурые стебли прошлогодней травы... В этом пейзаже Ефрема Зверькова воочию ощущаешь все чудо перехода от зимы к весне. Плывут, плывут голубые льдины с малахитовыми сколами по вспененной реке. Плывут и тают. На крутом берегу деревня. Вдали зеленеет лес. И над всем этим радостным раздольем — высокое небо. Бегут, бегут по молодому, словно умытому небосводу белые струги облаков. Плывут, наливаются ярой силой. Я словно слышу треск и грохот льдин, шум ветра и весенний клекот журавлей. Откуда-то издалека доносится гортанный рокот трактора, пронзительный визг пилы, звонкий стук топора. Земля радуется приходу весны. На миг воцаряется тишина. И в эту счастливую минуту будто чуешь, как набухают почки, как пробивается сквозь талый снег подснежник, как растет молодая трава. Полотно Зверькова полно скрытого движения, мощного, неодолимого. В этом холсте полновесно звучит мелодия пробуждающейся природы. Горький запах половодья, таежного ветра пьянит душу, что-то неуемное входит в тебя, зовет, зовет стать ближе к природе, к земле. И ты, послушный этому зову, как бы становишься моложе, чище и сильнее.

Велики чары русского пейзажа, увиденного и прочувствованного истинным живописцем. Особое качество присуще творчеству Зверькова — удивительно точно найденное состояние природы. Это умение увидеть пейзаж и запечатлеть его в единственный и неподражаемый миг и создает то поразительное ощущение движения и продленности во времени, которое присуще картинам художника. Когда глядишь на холсты живописца, то невольно представляешь себе всю картину природы, как бы читаешь всю предысторию рождения этого поистине неповторимого момента натуры, которое именуется весьма прозаичным словом «состояние». Но для этого надо обладать всем арсеналом мастерства станковиста и, главное, сочетать необычайную точность колорита, тона с простором полета фантазии души художника-поэта. Ибо без поэзии пейзаж мертв!

«Радуга» Ефрема Зверькова — одно из романтических полотен современной школы нашего пейзажа. Вполнеба вскинулась самоцветная дуга. Трепетные розовые, зеленые, фиолетовые, алые колера переливаются, мерцают, и кажется, что само небо и земля отдали все свои краски, чтобы горела эта дивная, словно перо сказочной жар-птицы, радуга! Степь сверкает в лучах заката. Широкая, бескрайняя, она убегает в бесконечную даль, и слышится, как над необозримыми ее просторами звучат натянутые струны — драгоценные краски радуги. Некоторые критики видят в холстах художника некую монотонность, излишнюю сдержанность колорита. «Радуга» как бы отвечает на эти претензии. Искусство Зверькова сложно и требует пристального изучения. Мне представляется, что этот живописец принадлежит к числу мастеров большой внутренней силы. Его полотна не блещут эффектами, их колорит тонок и сдержан, однако чем больше вглядываешься, вживаешься в его картины, тем глубже ощущаешь истинный лиризм и цельность видения живописца.

Так подлинно сильные люди, знакомясь с вами, берут в свою крепкую ладонь вашу руку и необычайно бережно и осторожно пожимают ее. И, наоборот, очень часто весьма хилые óсоби изо всех сил, часто до боли, трясут руку своего собеседника, пытаясь тем самым утвердить свое «я», доказать всем свою «мощь». Подобное этому явление весьма распространено в современном искусстве. Порою живописец, весьма скромно одаренный чувством колорита и формы, а иногда просто плохо рисующий, форсирует цвет, огрубляет пластику, пытаясь некоей «монументальностью» утвердить свою творческую немощь... Так иные певцы заменяют пение криком, а некоторые композиторы компенсируют отсутствие мелодии шумом. Но вернемся к живописи.

«Летний полдень». Свежесть, тишина, простор растворились в красках пейзажа. Зверьков со свойственным ему тактом не искал в этом мотиве ослепляющих контрастов, сочных ударов кисти, не стремился поразить зрителя богатством палитры. Всегда сдержанный, до предела собранный, живописец преследовал лишь одну трудную цель — передать единственное, неповторимое состояние пейзажа. Он пытался выразить то неуловимое качество пленэра, когда самые яркие локальные красные, зеленые, синие, желтые краски тают в голубом, серебряном мерцании солнечного света. И это ощущение пленэра, этот секрет, открытый импрессионистами, несмотря на кажущуюся доступность — знай добавляй во все тона голубое,— не так-то прост. Сколько мы видим на выставках фальшивых, крашеных, броских полотен, внешне претендующих на раскрытие тайны пленэра. Но не тут-то было! Этот секрет дается лишь тем живописцам, которые до глубины души чувствуют с о с т о я н и е, общий тон в пейзаже, тот неуловимый в а л е р, когда достаточно лишь в одном мазке допустить фальшь, и ц в е т мгновенно становится к р а с к о й, как неправильно взятая нота, исполненная нерадивым певцом, превращается в фальшь, в крик, в фальцет. Да, нелегко искусство пения, как и нелегко трудное, не всем сегодня доступное искусство станковой живописи. Сколько теорий, сколько лжемудростей написано, нагорожено, чтобы оправдать фальшь, фальцет в изобразительном искусстве и оговорить настоящую живопись, основанную на тончайшем чувстве меры и такта, требующую от художника большего знания, школы и, конечно, главного качества любого мастера — великого труда! Эти слагаемые никак не предопределяют некую заданность любого холста, написанного художником-станковистом, ибо полотна реалистической школы — это не только верно найденные тона и выдержанная колористическая гамма, подобные тем, которые звучат в пейзажах Ефрема Зверькова... Нет, в том-то и сила истинной живописи, как, впрочем, и настоящего пения, что тембр голоса, сила его звучания — глубоко индивидуальные качества каждого живописца, как и певца. Все очарование русской пейзажной школы в том, что в ней слышны разные голоса. В широте и многозвучности — все богатство палитры русского реалистического пейзажа, искусства, еще мало оцененного в истории развития нашей культуры.

...Последнее воскресенье марта нынешнего года. Выставочный зал Союза художников на Кузнецком мосту... Ранний, утренний, холодный свет бродит по картинам, мерцает на блестящем паркете, сверкнул огоньком в букете розовых гвоздик, стоящих на маленьком столике. Мы бродим по залам с Ефремом Ивановичем Зверьковым.

— Я родился в Калининской области, бывшей Тверской губернии, как говорится, тверяк,— улыбается Зверьков.— Годы детства... Деревня Нестерово... Река Шостка, глубокая и узкая. Родниковая вода. Мокрый, всегда влажный берег, зыбкий ковер зелени травы. Лужайки с желтыми лютиками. Мы мальчишками ставили верши. Приплывали огромные щуки. Вдали крутой бугор, белая церковка, высо-

Е. Зверьков. ГОЛУБОЙ АПРЕЛЬ.

Е. Зверьков. ЛЕДОХОД НА МЕЗЕНИ.

кое небо. Вечерний звон... Никогда не забуду песни моей родины. А наши зимы! Голубые сугробы. Морозы. К избам приходило зверье. Продуешь в заиндевелом оконце дырочку и видишь: мечутся серо-желтые тени — волки. Российская глушь. Но все это невыразимо далеко. Вспоминаешь как сон. И раннее купание в ледяной воде и набеги в чужие сады за яблоками. Сеча, куда ходили по ягоду. И сегодня запах земляники у меня немедля вызывает образы той прекрасной поры. Разве забыть русскую осень, полную тихой поэзии, прощальные крики журавлей! Однажды отец привез из города левитановскую «Золотую осень». С тех пор она сопровождает меня всю жизнь. Рисовать начал рано. Сперва копировал картинки из азбуки, а потом начал писать с натуры. Помню, как отец уже в Твери привел меня к художнику Борисову. Николай Яковлевич долго рассматривал мои незамысловатые наброски и потом, не торопясь, сказал отцу: «Пускай Ефрем побольше рисует с натуры». Я очень внимательно выслушал этот наказ, ведь Борисов был учеником самого Ильи Ефимовича Репина. Так состоялось мое «крещение»... Промелькнули годы детства, отрочества, годы первого узнавания мира и учения, а вместе с юностью в мою жизнь вошла война.

В 1942 году с составе 301-й стрелковой сибирской дивизии я отбыл на фронт...

Апрель. Вокзал. Весенний звонкий день. Журчит капель. Вздыхает духовой оркестр. В красные товарные вагоны грузят коней, повозки. Синие-синие тени бегут по снегу.

Новый Оскол. Рядом фронт. Отчетливо врезалась в память молодая рощица на берегу Северского Донца. На солнце сверкала первая зелень берез. Розовели клены. Вырыли окопы. Тишина. Птичий гомон. Бегут прозрачные солнечные тени. И вдруг взрыв. Первый снаряд разорвался в лесу. Начался артналет. Бурая влажная земля встала дыбом. Грохот, треск ломаемых ветвей, стоны. И снова как ни в чем не бывало запели дрозды, переливчато залились иволги, дробно застучали дятлы. Мы лежали в окопе. Вокруг ликовала весна. Рядом с окопом росла красавица верба, ее молодые, клейкие листочки чуть не касались моего лица. С необычайной четкостью я видел каждую жилку листка, каждый сучок на ветке. Глядел и не мог наглядеться. Ведь с вербой у каждого из нас связано детство, весна, самое дорогое. Весенний ветер ласково шевелил траву. Желтая бабочка кружилась над окопом, солнечные зайчики разбежались по земле. Внезапно мы услышали протяжный, гнусавый вой самолета, пулеметную очередь. В тот день погиб мой друг сержант Битков. Это случилось под вечер. Он лежал на мокрой от росы лужайке, его каска валялась в траве, и весенний теплый ветерок трепал русые, тонкие, шелковистые и мягкие, как лен, волосы. Лицо было бескровно, бледно. Вечерний свет мерцал в открытых, уже потускневших, голубых глазах и чуть золотил пушок усов над черной ямой рта, открытого в последнем крике. По широко откинутой правой руке неторопливо ползла зеленая гусеница. Медленно перебиралась она с одного сведенного предсмертной судорогой пальца на другой. В тот первый мой фронтовой день я с особой, пронзительной остротой почувствовал беспощадную жестокость войны и победоносную вечность природы... Мы долго стояли у могилы. В наступившей тишине где-то в чаще кричала незнакомая птица. Высоко-высоко в небе сквозь черные персты переплетенных ветвей мерцала первая звезда.

Отгремели салюты Победы. В декабре 1945 года я демобилизовался. Снова родной Калинин. Через год попадаю в Москву, учусь живописи у Бориса Владимировича Иогансона. Этот мастер заражал всех нас ощущением пафоса искусства. В ту пору писал он портрет Зеркаловой и был очень воодушевлен. Иогансон был человеком масштабным, крупным. Потом Суриковский институт. Шесть лет упорной учебы, труда. Учителя — Ефанов, Мальков, Нечитайло, Цыплаков... Должен с благодарностью сказать: Цыплаков мне дал очень много. Писал диплом в Прислонихе, на родине Пластова. Почему? Я вместе учился и крепко дружил с Николаем Пластовым, сыном замечательного художника Аркадия Александровича Пластова. На мое счастье, я чем-то показался Аркадию Александровичу, и он считал меня почти вторым сыном.

Пластов оставил в моем сознании глубочайший след. Он научил меня видеть мир, писать только то, что знаешь, и писать правду. Дружба с Аркадием Александровичем озарила всю мою жизнь. Я жил в его мастерской будучи студентом и позже не раз проводил лето в Прислонихе, писал этюды. Никогда не забуду последнюю встречу с ним. 29 апреля 1972 года. Моя мастерская на юго-западе. Пластов приехал поглядеть мои новые пейзажи. Попили чайку. Договорились, что летом обязательно приеду в Прислониху.

«Приедешь ли? — вдруг промолвил Пластов.— Смотри, ведь время бежит!» И он по-пластовски горько и мудро усмехнулся.

Разве я знал, что в этих его, для меня последних, словах была страшная правда. Вскоре его не стало.

Пластов был великим русским художником. Он писал, как пел. Работал до последней минуты. Его нашли в мастерской у мольберта. Он лежал на полу, а рядом с ним — верная палитра и кисти.

— Художник,— продолжал Зверьков,— имеет каждый и свою задачу и сверхзадачу, как говорил Станиславский. Для меня пейзаж оказался кратчайшей прямой к решению вопроса всей моей творческой жизни.

Мы подходим с художником к его пейзажу «Колосится рожь».

— В такой погожий день,— говорит Ефрем Иванович,— особенно вольно дышится. Когда колосится рожь, когда колышутся волны хлеба, на них можно глядеть часами, как на море. В них вся глубина нашей жизни, вся философия бытия. Послушайте, как шелестят колосья,— это музыка. Музыка природы.

— Вам приходилось быть зимою в лесу, когда идет снег? — спросил меня художник.— Ведь когда падает снег, его слышишь — такая тишина царит кругом.

«Музыка пейзажа. Вот ключ к творчеству Зверькова»,— подумал я.

— Пейзаж,— вновь заговорил живописец,— может быть куском местности с рельефом; домами, деревьями, рекой, но... он может нести и другое начало. Пейзаж имеет духовную сторону, он вызывает в зрителе ряд ассоциаций, ощущений, подобных музыке или поэзии. И я порой слышу, да, слышу голоса пейзажей Венецианова, Левитана, Саврасова, Рылова, Бялыницкого-Бируля. Венецианов открыл мне изумительный мир. Ведь он опередил в своих полотнах великих французов Коро и Милле. Знаете, я немало поездил, и кое-что повидал, и убедился, что русская реалистическая пейзажная школа, ее классика своей духовностью, своим лиризмом, тонкой пластикой, высокой гражданственностью принадлежит к вершинам мирового искусства.

Десятки пейзажей встречали нас на выставке Ефрема Ивановича Зверькова множеством состояний дня, вечера, утра, осени, зимы, лета, весны... Перед нами была поистине песня, посвященная Родине, России.

«Осинки». Прислониха. Яркий изумруд озимых, золотой багрянец березовых рощ. Молодые осинки выбежали на опушку. Солнце спряталось. Бледно-ясное небо покрылось перламутром прозрачных тучек. Неяркий свет выткал бронзовое кружево листвы. Ветер пробежал по ветвям деревьев, и звонкий их шорох нарушил тишину. Тонкие стволы юных осин зябко жались друг к другу, словно чуя приближение холодов. Ветер вырвался из плена березовой рощи, и покатил зеленые волны по озими, и, набравшись сил, поднялся к небу, и тронул с места пушистое стадо облаков. Осень. Прозрачные, легкие тени от облаков тихо скользят по бурому ковру опавших листьев. Шумят макушки осин.

— Трудно писать эти бегущие тени, как, впрочем, всегда необычайно сложен пленэр,— замечает Зверьков.— Ведь тень не остановишь, как не остановишь звук, пропетый певцом. Разница в том, что песнь теперь можно записать на магнитофон, впрочем, не без потерь...

— Немало мы побродили, постранствовали вместе с замечательным русским пейзажистом Владимиром Стожаровым, который так безвременно, в расцвете творческих сил покинул нас. Меня связывала с ним крепкая, многолетняя дружба и общая привязанность к русскому Северу. Стожаров любил писать белые ночи. Бывало, будит меня в два часа. Выходим из дому, и нас встречает великое волшебство природы.

«Белая ночь». Важгорт. Бывшее ярмарочное село. Былинное, кряжистое. Дома как корабли. Под одной крышей много срубов. Войдешь и не сочтешь комнат — по пятнадцать, восемнадцать в доме. Белая ночь — всегда тайна. Мерцает колдовской свет. Все тает в пепельных сумерках. Даже зеленый стожок кажется в этом призрачном сиянии седым. Весна. Деревянные тротуары-кладни кажутся нематериальными, их очертания тают в сизой мгле.

— Прекрасен русский пейзаж вечером, когда только-только стемнело и наступают сумерки,— сказал Зверьков, когда мы подошли к другому небольшому полотну.

«Вечер в Прислонихе». Край села. Взошла луна. Но еще светло. Солнце только село. Тесно прижались друг к дружке избы.

— Вот здесь Аркадий Александрович Пластов написал знаменитый «Родник». Он любил свою Прислониху и оставил людям бесценную летопись жизни родного села. Сколько километров мы изъездили на велосипедах с Николаем Пластовым в поисках мотивов! Писали этюды. Иногда с нами на этюды ездил и сам Аркадий Александрович. Он привечал эти места.— Зверьков показывает на лес.— Тут рядом когда-то стоял мирской амбар, там хранилось общественное зерно на случай пожара. Теперь это место называется Мирская гора. Здесь растет чебрец — «богородицына травка», которую брал с собою в поездки за рубеж Пластов. Эта душистая трава всегда напоминала ему родную Прислониху.

Через несколько дней я пришел еще раз на выставку Зверькова. И снова и снова я проверял свои ощущения от его пейзажей. Должен признаться, что чары его полотен не слабели. Наоборот, с какой-то новой силой проникала в мою душу свежесть и чистота его картин:

«Голубой апрель». Лучезарно, светло в природе. По голубому разливу неба бродят рыбачьи паруса весенних облаков. Дрожит, мерцает лиловое марево березовых рощ. Теплый воздух струится, тянутся ввысь белоснежные стволы берез, колышутся их кружевные вершины, ветер гонит рябь по глубокой сини половодья, мерно покачиваются лапы ели. В такой погожий апрельский день все колера пейзажа будто написаны акварелью — так они светлы, мягки, удивительно прозрачны. Солнце еще не набрало силу, и его лучи кротки. Тени прохладны, все будто подернуто легкой вуалью. Какие только оттенки лазоревых цветов не растворены в весеннем воздухе русской природы! И эти краски поистине поют, так музыкальна тишина «Голубого апреля», так мелодично расположены цвета на полотне. Вглядитесь в красочный строй этого холста. Как тонок валер, какие нежные, серебристые, жемчужные переливы включены в холодные цвета неба и реки, как мягко лиловые, розовые, фиолетовые тона аккомпанируют голубым и синим и насколько сложно и точно противостоят этим чистым цветам бурые, бронзовые, ржавые земляные краски прошлогодней травы и листвы. Удивительная свежесть растворена в самом воздухе пейзажа, напоенном ароматом талого снега, набухающих почек, горьким запахом старых, осенних трав.

Немало русских пейзажистов воспели в своих полотнах весну. Нам с детских лет знакомы и близки саврасовские «Грачи прилетели», левитановский «Март». Прекрасна весна в холстах Сергея Герасимова, Ромадина, Грицая.

Ефрем Зверьков нашел свою весеннюю песню. Его пейзажи своеобычны, глубоки по живописи, музыкальны по колориту. В наши дни особенно приятно убеждаться в торжестве станковой живописи, которая, несмотря на все пророчества модернистов, здравствует и радует самые широкие круги любителей искусства.

Людям сегодня, как никогда, нужна красота, гармония, поэзия. Именно сейчас особенно остро стоит вопрос о сохранении мира природы. Пейзажи Ефрема Зверькова воспитывают в людях любовь к прекрасному. Они воспевают вечную прелесть русской природы и рождают в зрителе гражданское чувство гордости за свою великую Родину.

С мыслью о Родине

**Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР
В. СЕВАСТЬЯНОВ**

Не каждому пока дано, возвысившись над планетой, облететь ее всю виток за витком, чтобы воочию убедиться, как она прекрасна. Стремительный корабль точно переносит космонавта в детство: как на глобусе, синеют внизу моря, за иллюминатором видна дуга горизонта, из-за которой вот-вот брызнут последние солнечные лучи, и нас встретит ночная половина земного шара, таинственно укутанная тенями облаков... И снова, широк и светел, как в детстве, открывается вдруг мир, сияя утренними красками. И так много раз в течение суток.

И потом, много позже, исколесив землю и побывав во многих ее уголках, с пристальным вниманием вглядываешься в ее лик, в вечернее зарево ее городов, вслушиваешься в ее живой пульс, и это сродни второму открытию: на самом деле, планета наша так прекрасна, что вовсе и не обязательно побывать в космосе, чтобы это почувствовать.

Ведь так часто ловишь себя на желании побольше узнать о нашей стране, о ее прошлом и будущем, хотя бы для того, чтобы лучше познакомиться с настоящим и увидеть в нем ростки того нового, которое и есть залог счастья наших замечательных людей.

Но не создана еще машина времени, и ни один, самый талантливый изобретатель не предложил еще способа перемещения из настоящего в прошлое и будущее... Вот почему снова и снова обращаешься к книгам — ведь это, пожалуй, самый надежный способ причаститься к шествию лет и веков.

Есть в нашей стране места, где особенно остро ощущаешь необходимость побеседовать с прошлым.

Особой притягательной силой, как мне кажется, наделен древний Новгород. Не раз мне доводилось бывать в замечательном городе, и всегда я радовался строгим линиям его храмов, голубой ленте Волхова, Софии Новгородской, купола которой так далеко видны, если смотреть вдоль Ленинградской улицы...

Тысячи сынов и дочерей всех наций и народностей, населяющих нашу необъятную страну, многочисленные зарубежные гости приезжают в древний русский город. Я встречал здесь белорусских крестьян и представителей шведских профсоюзов, ленинградских металлистов и болгарских студенток. До сих пор не могу разгадать во всей полноте эту необыкновенную связь времен, которая отличает здешние места, улицы, набережные. Так и кажется, что где-то здесь раздастся вдруг переливчатый звон золотой чешуи сказочных рыб, воспетый в древних легендах и запечатленный навеки Н. А. Римским-Корсаковым в опере «Садко».

Если пройти через широкую арку крепостных ворот в новгородский кремль и остановиться на несколько минут у памятника «Тысячелетие России», то можно как бы увидеть те ступени, которые ведут от прошлого к настоящему нашей Родины.

Вот уже более столетия украшает памятник главную площадь древнего кремля. Создателю этого монументального произведения искусства Михаилу Осиповичу Микешину было только 23 года от роду, когда его проект был признан лучшим специальной комиссией, рассмотревшей более пятидесяти конкурсных работ.

Замечательный русский самородок воплотил в явь творение, полное любви к отечественной истории, высокой одухотворенности. Перед нами как бы разворачивается живая панорама веков, олицетворенных в фигурах лучших людей России—государственных деятелей, просветителей, народных героев, ратных полководцев, писателей, художников. Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Сусанин, Ломоносов, Пушкин, Гоголь, летописец Нестор, Кирилл и Мефодий, княгиня Ольга, Ермак — все они, подобно многим другим их великим собратьям, запечатлены в бронзе на памятнике. Формой своей 300-тонная громадина памятника напоминает колокол, и это глубоко символично. Искони — «во дни торжеств и бед народных» — колокола несли весть о славе родимой земли. И сегодня, в год тридцатилетия Великой Победы над фашизмом, мы с горечью вспоминаем, что враги едва не совершили кощунственного разорения памятника «Тысячелетие России». Уже были обрушены наземь и разрезаны автогеном бронзовые скульптуры, уже по рельсам специально проложенной узкоколейки были отправлены в Германию литые фонари и решетки, окружавшие памятник, но большего осквернители сделать не успели. 20 января 1944 года наши войска освободили Новгород, и меньше чем через год памятник был восстановлен.

Судьбе замечательного русского художника Микешина и его выдающемуся творению посвящен красочный альбом, выпущенный издательством «Советская Россия» (автор текста С. Н. Семанов, фотографии Д. М. Кричевского). Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность создателям этого интересного издания. Листая страницы альбома, я в душе переносился к зеленым берегам Волхова, с которыми связана судьба многих и многих мужественных русских людей, и размышлял о том поистине грандиозном скачке, который вывел нашу Родину на передовые рубежи космического века.

...Освоение космоса — это не только исследования, адресованные будущим поколениям космонавтов. Это и возможность трансляции телевизионных и радиопрограмм, и долгосрочные прогнозы погоды, и предупреждения о стихийных бедствиях, и разведка земных недр, океанских богатств, и многое другое. На повестке дня космонавтики — прежде всего чисто земные дела. Мне кажется, наступает время непрерывно ощущать эту всеобъемлющую связь между земным и космическим. Всматриваясь с орбитальных высот в необозримые ступени, которые тем не менее вполне отчетливо угадываются в памятнике «Тысячелетие России», я дополнял мысленно их многими другими — принадлежащими уже будущему всей моей необъятной страны.

Памятник «Тысячелетие России». М., «Советская Россия», 1974, 72 стр.

Б

ЕРЕГ

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В гостиной было по-утреннему просторно от солнечного света, и весело сверкала в окна ослепительной зеленью молодая трава на лужайке, как в то первое неожиданно благостное утро пробуждения после Берлина, и все было таким же мирным, весенним, обогретым. Только табачная вонь, кислый запах шнапса, неопрятный стол, заставленный пустыми бутылками, кружками, банками консервов, из которых торчали воткнутые в них ложки, окурки самокруток, растоптанные на полу, только эта неприбранность и невыветренный дух солдатских гимнастерок напоминали о том, что было здесь вчера.

Весь опухший до щелочек глаз, свекольно-багровый, с виновато поникшими усами, наводчик Таткин прибирал посуду на столе, тыкался в разные углы руками, стараясь не звенеть бутылками, складывал их в вещмешок; Ушатиков помогал ему, держал мешок, то и дело оглядываясь на диван недоуменными глазами. Там, в уголке, соединив колени, кругло очерченные юбкой, откинувшись затылком, сидела Галя, курила сигарету; ее взгляд безучастно бродил по потолку, не замечая ни солдат, ни старшего лейтенанта Гранатурова, неподвижной глыбой стоявшего около нее.

Когда вошел Никитин и сказал коротко «прибыл», они молчали, Гранатуров лишь хмуро повел бровями, нездоровая серизна проступала сквозь смуглоту его лица, выделялись темные одутловатые круги в подглазьях, старили его. Несколько секунд продолжалось молчание, пока Гранатуров против обыкновения ощупывающе, недоверчиво с ног до головы разглядывал Никитина, как бы совершенно незнакомого нового офицера из запасного полка, прибывшего в его батарею для прохождения службы.

— Н-да! — произнес густо Гранатуров и мотнул головой солдатам, которые все возились вокруг стола.— Выйдите, потом уберете!

— При этом положении полы бы вымыть полагается, товарищ старший лейтенант. Ежели по-русски...— втискивая бутылки в вещмешок, сказал Таткин и покосился на Галю.— Чать не в блиндаже, не в окопе, а тут он, в доме со всеми был, лейтенант-то наш. Эхе-хе, земля ему пухом...

— В немецком доме мыть полы? Что-то не понимаю! — зарокотал Гранатуров.— Он погиб как солдат на поле боя. А не в этом доме, в теплой постели! Пришел, Иисус Христос? — обратился он к Никитину.— Садись, правдолюбец. Ты мне оч-чень нужен. И вот Гале нужен. Она нас обоих хотела видеть. Садись. Выясним кое-что необходимое...

— Благодарю. Мне удобней будет стоя,— сухо ответил Никитин, еще внутренне не приготовленный сейчас к продолжению вчерашнего разговора, и подумал неприязненно: «Но зачем она? Зачем понадобилось ее присутствие для выяснения наших отношений?»

— А надо бы, товарищ старший лейте-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—20, 22.

нант,— сказал не без убеждения Таткин и, крякнув, взвалил вещмешок на плечи, заковылял к двери.— Сродственникам и женщинам завсегда это полагается делать. А то нехорошо как-то. Не в окопе, а в доме жили.

— Идите! — отрезал Гранатуров.— Хватит тут лазаря петь!

Он сам закрыл за солдатами дверь, медленно вернулся к столу и, продлевая медлительность движений, посмотрел с долгим, выпытывающим вниманием на Никитина, проговорил, криво улыбаясь:

— Как спалось, лейтенант? Ты помнишь, что вчера говорил? Ты вчера правду говорил. Так?

— По-моему, да. Но стоит ли сейчас повторять? — ответил Никитин, не очень последовательно помня подробности своего впервые испытанного тяжкого опьянения, когда ему в бессилии и отчаянии перед незаполнимой пустотой хотелось вызвать на ссору Гранатурова и обвинить себя и всех, кто остался в живых, кто, казалось, не сознавал на поминках, что случилось вчера.

Гранатуров сел, привалился локтем к столу и уже острым, обрезающим взором глянул на Галю, которая молчала по-прежнему безжизненно, откинув руку с забытой сигаретой в пальцах.

— Так вот. Правда так правда, Никитин. До конца,— выговорил Гранатуров и повторил:— До конца. В сумке лейтенанта Княжко было письмо... Н-да, письмо Галине. Где оно? Принеси его и отдай. Ей отдай. Галине.

Никитин никак не ожидал, совсем не рассчитывал, что причина его вызова к комбату может быть связана с письмом, что разговор пойдет о письме Княжко, увидел тотчас же, как, уронив пепел на кожаное сиденье дивана, чуть-чуть вздрогнула, сместилась рука Гали и ее блестящие сухим блеском глаза точно в ту секунду неспокойно заметили его и поняли, что он должен что-то сделать, объяснить, сообщить ей... «Что, Никитин? Что вы узнали о нем и обо мне? И нужно ли это?» Но Никитин, соображая, что́ необходимо сейчас сказать Гранатурову, не отвечал ей, и она наконец спросила голосом крайнего утомления:

— Какое письмо, лейтенант?

— Письмо?..— проговорил механически Никитин, будто скользя на кромке отвесного обрыва, за которым лежал весь вчерашний день и где была смерть Княжко.

— Ну, что раздумываешь? — раздраженно загудел Гранатуров.— Что стоишь, ей-богу, как памятник? Отдай по адресу письмо. Не ясно, о чем говорю?

— Нет.

— Дурочку ломаешь, Никитин? Что не ясно? Где письмо?

— А что должно быть «ясно»? — сказал Никитин, вдруг вспыхнув злостью, как вчера на поминках, теперь явственно отдавая себе отчет, зачем ему, Гранатурову, надо было показать письмо Гале.— Во-первых,— проговорил он, захлестнутый неподатливым сопротивлением,— во-первых, комбат, лучше по уставу — на «вы»! Во-вторых, о чем вы спрашиваете? Никакого письма в документах лейтенанта Княжко не было. Вы, как и я, вчера слишком много выпили, и вам, комбат, привиделось какое-то письмо. («Значит, он до моего прихода мог сказать о письме Гале, а я лгу...— пронеслось у Никитина.— Значит, на самом деле он требует от меня голую правду, чтобы это письмо доказало ей отношение Княжко».) Простите, Галя,— договорил он умереннее, оборачиваясь к ней.— Это ошибка...

— Ты, Никитин! Льешь воду, врешь! Где письмо? Порвал?

— Если вы будете «тыкать», комбат, и орать, я уйду немедленно.

Гранатуров толкнул локтем стол, задребезжавший неубранными грязными тарелками, и встал, посерев лицом, видимо, уколотый болью задетой об угол стола раненой руки. Прижимая ее к груди, с выражением гнева и перебарываемой боли он приблизился к Никитину, опахнув госпитальным запахом какого-то лекарства, исходившего от несвежего бинта; глаза его без зрачков наливались шальным огнем.

— Ладно, давай по-интеллигентски на «вы». Дураком меня считаете, лейтенант? Много пили вы! Мне память пока еще не отшибло, я-то все помню! И помню, как вы, лейтенант,— Гранатуров интонацией насмешки выделил слово «вы»,— взяли у меня письмо. Знаете, Галочка,— он переменил тон, придавая голосу вкрадчивую мягкость,— знаете, что было написано в письме?

— Нет.

— Не знаете, что было в письме? Да, конечно, вы не можете знать.

— Нет. Не знаю.— Она сомкнула веки, вжимаясь затылком в спинку дивана, и судорога глотания прошла по ее горлу, а Никитина, как тогда на поляне, опять поразила вороненая чернота волос, косым крылом свисавших на мраморную белизну щеки.— Нет... не хочу знать,— проговорила она шепотом, не размыкая век, и морщинка страдания прорезала ее белый лоб.— Нет,— повторила она внятней и открыла глаза, в мертвенном спокойствии глядя на окно, где горячо обливало сосны косматое утреннее солнце.— Вам, комбат, я не верю...

Гранатуров вздернул мощными плечами, ноздри его зло раздулись, он выговорил:

— Ему верите? Ему, а не мне, Галя? А я, выходит, выгляжу вралем и болваном? Вот уж на самом деле без вины виноват! Не только вам известно, что я любил Княжко за храбрость, за многие качества, хотя не во всем его понимал. Я хотел, чтобы вы знали! Вам нужно знать правду, вам еще жить, Галя! У вас еще...

— Молчите, Гранатуров,— устало попросила Галя, и страдальческая морщинка на ее лбу углубилась, стала резче.— Бессмысленно это, Гранатуров. Не вам объясняться в любви к Княжко. Не вам...

— Бессмысленно? Ладно, пусть! Я не скажу больше ни слова! Даже если вы захотите. Даже если попросите. Никакого письма не было. Я ничего не говорил. Никакого письма, адресованного вам! Лейтенант Никитин прав. Все с этим! Конец! Я молчу!

Ему, вероятно, стоило большого напряжения смягчать взрывные порывы в голосе, и он начал ходить по комнате, с вывертом каблуков, с подчеркнутой прочностью делая повороты на углах, в то же время взглядывая на Никитина с бешено подкрадывающимся, непобежденным намерением человека, не сказавшего еще главного. И он приостановился, спросил, туго нажимая на слова:

— Значит, вы, лейтенант, всегда правду-матку в глаза режете? Или временами?

— Почему вы стали требовать какое-то письмо, товарищ старший лейтенант?

«Он никогда не простит мне этого»,— подумал Никитин, выдерживая невыпускающий, проломный взгляд Гранатурова, когда тот заговорил громко и жестко:

— Хотите быть чистеньким, лейтенант, беленьким барашком с беленькой шерсткой? За кого, интересно, вы меня принимаете? За бревно? А как же тогда ваша связь с немочкой? Что думать по такому случаю прикажете? Мне и это известно, лейтенант! Правда так правда. Скажите об этом при Гале. А то не поймешь, где правда, а где вранье!..

— Что известно?— перебил Никитин.— Что именно?

Из закопченного зева камина пахло горелой бумагой, холодной золой, и едким запахом пепла удушливо пропитан был голос Гранатурова, и глаза его тоже приобрели черно-фиолетовый цвет, цвет пепла, сбивающего дыхание.

— Известно то, лейтенант, что вы успешно ведете с немочкой войну в постели!— продолжал упорно Гранатуров.— Мало того, что вы защищали на допросе эту конопатенькую немочку, вы защищали ее брата. А братик ее... как его, Курт, что ли, сволочь сопливая, дал ложные показания: мол, несколько мальчишек, несколько щенков в лесу, а оказалось: самоходки на город в атаку пошли. И Княжко погиб. А братик удрал в неизвестном направлении. Это вам ничего не говорит? Кто же, выходит, виноват? Так где же опять правда?

Он не предполагал такого режущего темным подозрением вопроса, в котором уже было недвусмысленное жестокое недоверие, прямое, брошенное ему обвинение, и в замешательстве, еще не находя ответа, неопровержимых доказательств, подумал сейчас же: «Меженин, Меженин, это он!» И первым решением было лишь усмехнуться на прямолинейное обвинение Гранатурова, сказать: «Вы хоть соображаете, что говорите, товарищ старший лейтенант?»— и остаться внешне спокойным, как если бы не имело малейшего значения задерживать внимание на чьих-то домыслах, созданных подозрительным воображением.

«Это он, он!» — утверждал Никитин, неотступно думая о Меженине, о доносительном расчете его, о мстительно выбранном им моменте, и спросил совсем уж несдержанно:

— У вас, товарищ старший лейтенант, есть серьезные доказательства? («Что я говорю о доказательствах? — подумал он.— Как будто хочу выкручиваться, отрицать свое отношение к Эмме? Объяснять Гранатурову в присутствии Гали, оправдываться и унижаться?») — И он договорил:— У вас есть доказательства, что Курт пришел сюда как разведчик и после этого немцы пошли в атаку?

— Не исключено! — забасил Гранатуров.— А вы считаете — исключено? Тогда где он? Где скрылся? Куда он исчез, молокосос сопливый? Не отрицаю: я допустил слабость, когда вы с Княжко разрешили им тут остаться. Но вывод сегодня для себя сделал: место немочки в «Смерше». Там ею должны заняться!

«Смерш»? Не исключено?..» Нет, Никитин не чувствовал доверия к немцам и всякий раз, встречая пленных — первых в зимнюю пору Сталинграда и предпоследних в Берлине,— удивлялся их обыкновенному человеческому обличью, предельной усталости в глазах, порванному и грязному мундиру, их заискивающему и однозначному бормотанию: «Гитлер капут». Он всматривался в их лица, руки с целью как бы увидеть несмытые следы произведенной кровавой жестокости, которая должна была остаться на самой коже их ненавистными фашистскими знаками, и взятые в плен представлялись ему неразделимо одинаковыми: ради сохранения жизни они приняли людской облик, двуногие существа, пришедшие из другого мира, ночного, черного, убивающего. Нет, он не верил немцам и потом, перейдя границу Германии, и потом — в дни уличных берлинских боев, сталкиваясь с подобострастными взглядами городских жителей, забившихся под бетонные своды подвалов, не верил при кратких общениях в оправдательное сетование на сумасшедшего Гитлера, на фанатичных СС, повинных в войне. Он всех их мерил единой равной меркой возмездной и незаконченной вражды — ведь они начали войну — и вынужден был только быть внешне вежливым, чего требовала снисходительность победителей на территории побежденных.

То, что произошло здесь, в Кёнигсдорфе, он с самого начала не воспринял серьезно: этот мальчишка Курт и Эмма не были в его понимании настоящими немцами, что показывали русским покорно-искательные подобия улыбок, тайно приготовленные к мрачному оскалу (он еще в Восточной Пруссии замечал нередко, как смывало эти резиновые улыбки за спиной уходивших из занятых домов солдат). Та ночь, когда Никитин застал в мансарде сержанта Меженина вместе с немкой, вскрикивающей слезным безнадежным голосом «найн, найн!», и затем, когда смотрела на них обоих в минуты допроса, испуг, ужас на Эммином лице, разодранное вдоль бедра платье, защита ею своего вконец растерянного неуклюжего брата — все вызывало у него не привычное, глухое подозрение к пленным, а какую-то неловкую жалость и даже сочувственное изумление. Но, может быть, все было оттого, что, чудилось, не могли, не умели лгать ее раздвинутые неестественно синие (не немецкие — таких он не видел) глаза, пухлые, некрасиво, до черноты искусанные губы, когда она пыталась объяснить причину возвращения домой, делали ее и взрослой и обезоруженно слабой, однако непохожей на брата, сутулого, тщедушного, с впалой грудью, словно бы в смертной жути послушного ей. Нет, тогда, на допросе, в ответах обоих не было скрытой страхом враждебной неискренности, которую ожидал Никитин увидеть на отчетливый миг. Потом было раннее, без войны утро, покой пробуждения в сказочно просторной постели под роскошной домашней периной, свист птиц среди благословенной тишины, стук в дверь, теплый аромат кофе среди солнечного веяния нагретого ветерка из сада, халатик, суженный пояском на талии Эммы, ее осторожная поступь, робкое сияние синевы ему в глаза: «Гутен морген, герр лейтенант»,— вымытые, рассыпанные по плечам почти медного

отлива волосы с запахом туалетного мыла, потом мягкие ее губы и все то дурманное наваждение, ненужное, как стыд, неожиданное, ошеломляющее, чему он позже не находил оправдания, что произошло случайно и не должно было произойти между ними, русским офицером и немкой. И он, презирая, обвинял себя, вместе с тем, точно с обмирающим перед обрывом сердцем, плыл в качающем его тумане, обволакиваемый нетерпимо радужной и терпкой мукой при воспоминании о ее млечно-белой, заостренной нежным розовым соском груди, покрытой пупырышками озноба, когда она лежала рядом, о быстро обвивавших его шею руках, о ее маленьких влажных зеркальцах зубов, приоткрываемых мальчишеской улыбкой: «Вади-им, майн либер Вади-им».

После вчерашнего безумия боя, после похорон и поминок, не облегчивших Никитина, а, наоборот, продливших безумие дня, он не хотел ни думать о ней, ни видеть ее, но неразрушимая тоска одиночества и тот страшный сон, ужаснувший ощущением собственной смерти, прерванный рыданием Эммы в темноте мансарды, ее искренние горячие слезы, размазанные на его лице, исступленные возгласы неловкой помощи: «Их бин траурик, Вади-им!», наверное, это будто уж против всякой воли вновь бросило их друг к другу, сблизило их — неужели он мог так ошибиться и не понять, что в этом действии самосохранения она лгала и притворялась? Нет, нельзя было поверить в ее чудовищную ложь — нет, она понимала его, и просила прощения себе и Курту, и молила не думать о ней и Курте, как о тех немцах, которые способны были убить и убили Княжко.

— Хочешь доказательства, лейтенант? Доказательства спрашиваешь? А мне кажется, когда немочкой займется «Смерш», там будут все доказательства. Очень много совпадений, понял? Ночью появились в доме, как хозяева, ночью же братик куда-то исчез, а утром немцы пошли в атаку. Кому, спрашивается, поверили? Расспорились, распустили слюни — поверили! Не так разве?

Никитин сказал:

— Этого Курта среди пленных не было.

— А кто убитых в лесничестве смотрел? Может, он был убит там и сгорел вместе с домом? Наивно, лейтенант, ох, как наивно! И смешно. До коликов в животе.

— Нет, я не верю, что он ушел не в Гамбург, а в лес,— проговорил Никитин.— Не может быть. Я не верю.

Гранатуров возвысил голос, мышцы на его сильной прямой шее вздулись:

— А я тебе не верю! Понял? Тебе не верю и твоей немке! И не доверяю тебе даже временное командование батареей! Хоть ты и остался единственным офицером! А теперь так. Чтоб было по-мужски. Я доносы на подчиненных не пишу. Не имею привычки. Сам напишешь рапорт в «Смерш», самолично: как было, как случилось, куда исчез вервольфовец и... о своей связи с немкой! Ах, простите, лейтенант Никитин, я опять перешел на «ты»...

— Как угодно. Только обо всем этом, комбат, будете писать вы.

— Что? Я? Вон как ты повернул!

— Даже, если... даже если пойду в штрафной батальон, не напишу ни строчки. Пока не выяснится. Вернулся ли Курт в лес, могут показать пленные из лесничества, позвоните в штаб, спросите. Да вы видели его? Какой он солдат? Птенец какой-то! На что он способен?

— Вон ка-ак! Храбрец ты, Никитин! А если все докажется, что тогда?

— Пленные наверняка его знали. И если уж Курт был посланным разведчиком, то я отвечу за все, а не вы!

— За что ответишь — за то, что войну с немочкой в постели ведешь? За то, что сначала пытался ее изнасиловать, а потом склонил к связи?

— Я... пытался изнасиловать? Откуда это известно?

— Мне все известно! Известно и то, что ты, лейтенант, хотел свалить всю вину на Меженина, он лично застал тебя за этой операцией в мансарде. Ты ведь у нас только кажешься херувимчиком с белыми крылышками! За все придется отвечать! За все! Это я при Галине заявляю тебе, лейтенант Никитин!

Его накаленные, шальные глаза, как в подтверждение прямых доказательств, метнулись по лицу Гали, которая все сидела на диване безучастно, с закрытыми веками, и эта непреклонная реальность угрозы низкой автоматной очередью пробила над головой Никитина. Эта обжегшая опасность, что хотела подавить и могла убить его, вдруг неподчиненно бросила его не ко дну окопа, а на открытое, без брустверов пространство, на оползающий край раскрытой в двух шагах бездны. По ту сторону провала стояли не немцы, стоял Гранатуров с поднятым автоматом, из-за спины поддерживаемый Межениным (тот невидимо присутствовал здесь), а по эту — он, Никитин, объединенный с немцами предательской связью, косвенно или некосвенно виновный в гибели Княжко. В этом ясном (косвенном или некосвенном) обвинении всего не договаривал Гранатуров, но вроде бы черный оттенок бессилия, уязвленного самолюбия перекинулся мостиком к Гале, едва только заявил Никитин в ее присутствии, что никакого письма, адресованного ей, не было, и нарастающая озлобленность Гранатурова, и унизительные слова о «войне в постели» — все вскинулось до ослепления в Никитине жарким ответным гневом, и стало сразу как-то безразлично, что будет потом.

— Слушайте, комбат...— выговорил он,— я помню, Княжко сказал: жаль, что теперь нет дуэлей...

— Подражаешь Княжко? — не совладал с собой Гранатуров и развернулся на каблуках к Никитину.— Перед Галиной хвост распускаешь? Не выйдет у тебя! Княжко — одно, ты — другое! Атос, Портос и мушкетер! Скаж-жи!.. Дуэль захотел? Ну, давай, давай! Пошли! Стреляться будем! Ну? Давай! Пошли!

И он, искособочась корпусом, охватил здоровой рукой кобуру пистолета на бедре, неудобно вздев забинтованную левую кисть к подбородку, и от этого исказился болью, оскалив крепкие белые зубы, подернутые влажной пленкой. Никитин смотрел на него: злость и бессилие боролись в его лице. Ничего недавнего не оставалось в облике Гранатурова, грубовато крикливого, но компанейского комбата,— просто заменили его вчера на той поляне возле лесничества, где утратил он легкость нрава, быструю свою отходчивость, ерническое балагурство,— и Никитин почему-то подумал, что то, прежнее, было лишь временной защитной игрой при жизни Княжко, которого с некоторых пор Гранатуров невзлюбил, ревновал и боялся. Он, наверное, обуздывал в себе приниженную силу вблизи ясного и твердого спокойствия Княжко, без трудных усилий полностью подчинившего батарею. Гранатуров был скован, связан чужой волей, оказавшейся выше его воли, а теперь Княжко не было...

— Глупо, комбат,— проговорил Никитин.— Я бы хотел подражать Княжко, да не получится... К сожалению, не получится.

Тогда Гранатуров сдернул руку с кобуры пистолета, через оскаленные зубы вцедил воздух, произнес ударяющим голосом:

— Запомни, Никитин! Все, что было раньше в батарее, кончилось! Княжко я кое-что позволял, тебе — нет! Сегодня поставлена точка! Порядок в батарее наведу свой. А эти интеллигентские штучки-дрючки, всякое сю-сю и всякое дерьмо — не допущу в батарее!

— Молчите! Оба замолчите!..

И Никитин, точно отсеченный от Гранатурова этим вскриком, этой запрещающей полумольбой Гали, почувствовал озноб на щеках — ее ярко-сухие глаза таким гадливым презрением вспыхнули на худом лице, с такой брезгливостью изломались уголки бровей — показалось, возникло между ними здесь, в комнате, что-то извращенно мерзкое, обнаженное, заставившее ее содрогнуться.

— Да, да... вас все-таки стоит ненавидеть, Гранатуров,— проговорила она шепотом, пальцами притрагиваясь к горлу и так помогая дыханию.— Вы взбесились, как животное... И никогда, никогда! Это была ошибка. Все между нами было ошибкой, это было от злости к нему, понимаете вы... Гранатуров? Понимаете?

Она даже стукнула ребром ладони по валику дивана, горячечно прикусив пугающе прозрачные губы, и Никитин, тоже будто ударенный ее словами, потрясенный ее нещадной и откровенной прямотой, подумал: «И это правда? Значит, между ними что-то было? Значит, Гранатуров тогда не пошутил, а только что-то преувеличил и хотел вызвать ревность Княжко?» — и взглянул на Гранатурова.

Тот одеревенело стоял около камина, потом все вроде для прыжка начало подбираться в нем, столбообразная круглая шея, плечи, раненая, на перевязи кисть, жалко торчащая из бинта ногтями, испачканными йодом, все сжималось, делалось меньше. И вдруг Гранатуров, сломленно сгорбив широкую спину, как если бы увидел нечто неумолимое, безвыходное, занесенное над ним, слепыми шагами пошел в противоположный угол комнаты, там постоял, долго глядел в пол, на затоптанный ковер, а когда теми же слепыми шагами пошел обратно к камину, насильственное покривление рта выкраивало мертвецкую, леденящую улыбку, на которую невыносимо было смотреть. Похоже было, он напрягался что-то сказать, но, видимо, силы уходили на одну его улыбку, тесной, не по размеру, маской надетую по-клоунски на рот.

— Вот как, Галя, вы со мной...— с хрипотцой сказал он.

И заведенно передвигая ногами, Гранатуров не дошел до камина, повернул к столу, пошарил по неубранным кружкам, сбивая их на скатерть, нашел чей-то не допитый вчера стакан, раздвинул им, как распоркой, эту заледенелую улыбку и, вылив водку в горло, сел, облокотился на затрещавший край стола, уперся лбом в пудовый свой кулак.

— Я пойду, комбат,— сказал Никитин, испытывая почти облегчение, потому что, загороженная кулаком, не была видна, не резала по глазам чужая, выдавленная страданием и растерянностью улыбка Гранатурова. Если бы он закричал на Галю, разбил стакан, опрокинул стул, все было бы более естественно, чем вот этот клоунский извив большого рта: наверно, так он пытался помочь себе, оборониться от непоправимой правды, без надежды высказанной ему только что Галей. По-видимому, Гранатуров, решив выявить истину отношений Княжко и Гали, не предполагал, что разговор о письме всколыхнет, зажжет в ней гневное неприятие, отрицание бесспорной ясности, которая была для нее мучением, неосуществленной возможностью и которая отбрасывала всякую иную возможность изменить что-либо сейчас. Но непонятно было, как хватило Гранатурову злого и веселого легкомыслия опорочить однажды Галю в глазах Княжко после того, что могло или не могло быть между ним и ею... Ведь был тот день, когда вернулся он из медсанбата довольный, отъевшийся на тыловых харчах, и был гусарский его смешок, загадочный взгляд на Княжко, циничные подробности рассказа о победной ночи, проведенной с красивенькой медсанбаткой в ее комнате, доказательно положенная перед офицерами на стол любительская фотокарточка Гали,— во всем же была цель, разрушающая, похожая на запрещенный удар правда, что была и в найденном письме Княжко, адресованном Гале и по случаю неизвестных обстоятельств не отправленном им.

— Уйди, Никитин,— сказал Гранатуров, тихо водя головой, вдавливаясь переносицей в кулак.— А насчет немочки — рапорт в «Смерш»... Нет, ты тоже не ангел, Никитин, не-ет...

И жалкая подавленность, безвыходная обреченность в его сгорбленной над столом атлетической фигуре, ожесточенно твердое молчание Гали, ее тонкое, с опущенными глазами, без кровинки, как вчера на поляне, лицо, бесконечная сиротливая вокруг пустота без Княжко, страшный сон, оставшийся в сознании, нежно-мягкие губы Эммы, ее плывущий над головой шепот «Ду бист майн шметтерлинг» («Почему бабочка? Почему?») — все было продолжением какого-то заразившего всех безумия, ложной верой в последний срок войны, ожиданием его в этом невиданно уютненьком немецком городке Кёнигсдорфе. Может быть, они, поверив в новую, счастливую полосу нефронтовой жизни, поспешили, забежали вперед: торопясь, обогнали судьбу, которую так суеверно опасались обгонять на передовой.

Надо было что-то делать, что-то решать, что-то понять до конца, надо было вырваться из этого проклятого, рокового наваждения, обманувшего их околдовывающим покоем, мирной белизной цветущих садов, ласковым майским солнцем, где для всех кончилась и коварно

не кончилась война и где погиб Княжко.

— Одного хотел бы, комбат,— глухо сказал Никитин,— чтобы рапорт в «Смерш» написал сначала Меженин. А потом уж я...

Гранатуров замычал, медленно повозил лбом по кулаку, не ответил, а Никитин пошел к двери, ощущая навязчивую потребность освободиться от душащей его тесноты, чем-то облегчить тупо давившую в душе тяжесть, выйти на свежий майский воздух, скорее бы вдохнуть лекарственный запах травы, молодой сирени на солнцегреве, посидеть где-нибудь в саду одному посреди весеннего мира, который обманул их, но все-таки был.

Он уже взялся за ручку двери и тут услышал окрепший грудной Галин голос позади себя:

— Подождите, Никитин. Я хотела вам сказать...

И он, поворачиваясь кругом, мгновенно подумал: «Вот главное, о чем она скажет сейчас... а для чего?» — и натолкнулся на ее не умеющие улыбаться глаза.

— Подождите, Никитин.

Она заскрипела сапожками и равнодушно, как посторонний предмет, обходя сгорбленную фигуру Гранатурова, нашла на столе пачку трофейных сигарет, резко чиркнула зажигалкой, закурила, с перерывами дыхания выпустила струю дыма, сказала:

— Спасибо, Никитин. («За что она благодарила его?») Не обижайтесь, если я не буду приезжать в батарею. Так будет лучше. Конечно, все знали, почему я приезжала.

Гранатуров оторвал лоб от кулака, мерзлая тесная улыбка его большого рта исчезла, брови горько-насмешливо подобрались, срослись над переносицей, а взгляд потемнел, обострился, проникал в лицо Гали, искал что-то и не находил.

А она, выдыхая дым через ноздри, поперхнулась дымом, коснулась пальцами груди, так всегда явно, остро и вызывающе обрисованной гимнастеркой, сжатой по талии ремнем, что Никитину иногда трудно было смотреть на маленькие, опрятно застегнутые нагрудные золотые пуговички. Ослепительно-вороненая чернота Галиных волос, ровная и тонкая бледность, чистые ногти, узкие бедра, даже походка и курение ее и неумение улыбаться всегда возбуждали в Никитине неопределенное чувство ревнивого волнения, смутно возникающей беды, но ее сдержанность не допускала вообразить, что она способна была по-земному любить кого-то, без брезгливости подставлять губы для поцелуев, обнимать, разрешать прикасаться к себе: он не мог вообразить ее наедине с мужчиной.

Она быстро погасила сигарету в пепельнице.

— Я старше его на три года, а... он был мальчик,— проговорила Галя поперхнувшимся горлом.— И я знала... Я знала, что ничем хорошим не кончится.

— Я пойду,— сказал Никитин, и вновь будто из бездонной глубины прорубленной вчера в его жизни бреши подуло знобким холодом пустынности.— Я пойду, Галя.

— Вы были его другом... и я хочу, чтобы вы знали. Я любила только его... и не строила воздушных замков, Никитин,— сказала Галя, и золотые пуговички на ее груди колыхнулись не то от противоестественного смеха, не то от подавленных рыданий.— Го-ос-поди!.. Разве можно на войне строить воздушные замки?

— Я пойду,— повторил он в четвертый раз и, чтобы не слышать ее, не видеть этих нездоровых глаз Гранатурова, похоже, еще жаждущих зацепиться с надеждой за что-то в лице Гали, распахнул дверь в полутемный, не по-утреннему тихий, напитанный духом пшенной каши коридор, и здесь, на пороге, снова остановил его буднично-бесцветный Галин голос:

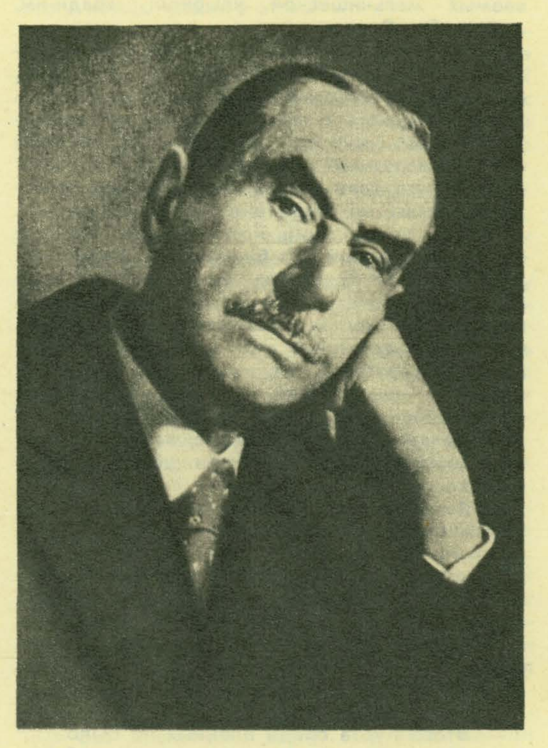
— Никитин, прошу вас. Скажите Таткину, чтобы принесли ведро воды. Я вымою полы. И прошу вас еще — пусть никто мне не помогает. Я хочу одна...

«Она отделилась от нас,— подумал он.— Она уже не будет приезжать в батарею, теперь — нет...»

Продолжение следует.

УТВЕРЖДЕ

Д. ЗАТОНСКИЙ,
доктор филологических наук

Мировая прогрессивная культура породила созвездие блистательных умов, плеяду великолепных художнических талантов. К ним по праву относят и Томаса Манна — одного из величайших немецких писателей XX века, романиста, новеллиста, эссеиста, автора «Будденброков» (1901), «Волшебной горы» (1924), тетралогии об Иосифе (1933—1943), «Доктора Фаустуса» (1947). Писатель прожил долгую жизнь, тесно соприкоснулся с исканиями, катастрофами, революционными свершениями эпохи, создал множество литературных произведений, сочинил сотни статей, читал доклады, произносил речи о литературе и искусстве, об идеологии и политике, дружил и враждовал с самыми примечательными людьми.

Потому итоги его многотрудного, знаменательного, очень индивидуального и очень типичного творческого пути невозможно уложить в рамки короткой юбилейной статьи. Приходится ограничиваться главным, наиболее показательным. Но все равно кое-что из весьма существенного останется невысказанным, нераскрытым.

На что прежде всего обращаешь внимание у Томаса Манна? На присущее ему чувство уже надвинувшихся, уже вершащихся перемен — перемен радикальных и всеохватных. И надо признать, оно возникло у него необычайно рано.

Двадцатилетним он взялся в «Будденброках» за изображение нескольких поколений патрицианского купеческого семейства, чтобы показать, как рушатся вековые устои, как некогда цельное и по-своему гуманное мироощущение вытесняется буржуазным, прагматистским цинизмом. Манн оплакивал и не оплакивал «вырождающегося» бюргера. Ибо, с одной стороны, рисовал, как на общественной арене тот заменяется невежественным и жуликоватым дельцом империалистического периода. А с другой, видел некое прибежище в артистизме. Художник казался ему своеобразным продолжателем традиций. Впрочем, со смертью юного Ганно Будденброка — утонченного, неприспособленного, болезненного — угас и род и традиция. Развитие как бы зашло в тупик.

Разумеется, если не для 1901 года, так уж для 1910-го (этим годом модернисты датируют начало своей пресловутой «литературной революции») предчувствие перемен, катаклизмов, взрывов — нечто весьма типичное. Преобладал, однако, декадентский вариант такого рода предчувствий. Одни горько рыдали над уходящим и с ужасом вглядывались в то, что грядет. Другие злобно оплевывали прошлое и шумно приветствовали будущее, но только как разрушение, как гибель, как вселенский потоп. И различие между теми и другими было лишь в форме. А сущность оставалась общей: растерянность, а то и ненависть.

Известно, что и Томас Манн не был невосприимчив по отношению к доктринам пессимистическим, даже аморалистским. Поклонник немецкой классики, он тем не менее избрал поначалу Шопенгауэра и Ницше своими проводниками. Но, даже преклоняясь перед тогдашними своими «кумирами», он создавал собственный их образ, порой разительно не совпадавший с оригиналом. Эти реакционные философы были для него прежде всего литераторами, художниками слова. А что еще важнее — он их переиначивал на свой гуманистический лад.

Гуманизм — вот это отличало Томаса Манна от проклинавших перемены или на перемены молившихся декадентских художников. «Абстрактный гуманизм, гуманитарность,— писал он в 1920 году,— понятия буржуазные... Будущее принадлежит... гуманизму, который не будет иметь ничего общего с гуманизмом 1800 года, кроме названия».

Суждение это особенно существенно. Тут,— быть может, впервые у Манна — всплывает мысль о новом гуманизме, том, что придет на смену гуманизму бюргерскому, себя исчерпавшему. Декадентам и модернистам впереди виделись лишь руины. Манн уповает на нечто созидательное,— и надо думать, не без связи с тем, что на дворе стоит 1920 год, четвертый год существования Страны Советов (а еще три года спустя писатель войдет в состав правления только что созданного «Общества друзей новой России»). Разумеется, манновский идеал грядущего туманен: его очерчивает лишь непохожесть на прошлое. И первая задача — расчистить старые завалы, в том числе и те, что образовались в собственном сознании, собственной системе идей. Ради этого и написана «Волшебная гора».

Ее центральный герой Ганс Касторп в течение семи бесконечных лет вдыхал тлетворные отходы «европейского духа». Он был пленником Венериной горы — символа умирающего, уходящего в небытие буржуазного мироощущения. Но герой пребывал при этом и в центре его внутренних борений: там, где, как шпаги, скрещивались бесплодные мысли, где сталкивались, задыхаясь от собственной неразрешимости, коварные противоречия.

За душу Касторпа сражаются две примечательные фигуры — потомок карбонариев, гуманист и гуманитарий традиционного толка Сеттембрини и иезуит, казуист, изощренный мракобес Нафта. Первый олицетворяет одряхлевшую, изжившую себя, зашедшую в глухой

НИЕ ГУМАНИЗМА

тупик идеологию буржуазного Просвещения; второй — более новую (однако соприкасающуюся с кровавым и варварским средневековьем), буржуазную же идеологию, которая судорожно тычется во все углы в поисках несуществующего выхода. Оттого с ним не все так просто. Обшарпанно-элегантный итальянец Касторпу куда симпатичнее, зато уродливый австрийский карлик кажется ему более правым. И все-таки ни Сеттембрини, ни Нафта не сумели увлечь его за собою. Власть над душой и сердцем героя имеет только Клавдия Шоша — женщина с раскосыми глазами и монгольскими скулами, пахнущая русской степью. И это власть отнюдь не только эротическая. Касторпа привлекает цельность ее натуры, ее абсолютная, врожденная антибуржуазность. Тем самым ему как будто указан путь — путь, проложенный русской революцией.

Новое, то, к чему современный Томасу Манну мир двигался, приобретало в глазах писателя все более четкие очертания.

Писатель понимал, что прошлое не уйдет добровольно, без боя. Вакуум, который возникает со смертью одряхлевшей культуры, может быть, полагал он, заполнен по-разному. «Антилиберальная реакция в Европе не только очевидна, она просто бросается в глаза,— читаем в эссе «Гете и Толстой».— В области политики эта тенденция проявляется в отрицательном отношении к демократии и парламентаризму, в грозно насупленных бровях, с которыми реакция хватается за диктатуру и террор».

Манн, как видим, очень рано уразумел не только опасность фашизма, но и его политическую суть.

Захват Гитлером власти и особенно развязанная им вторая мировая война «толкали» Манна (по собственному его признанию) «на левый фланг социальной философии». В эти годы он во все большей степени склонен видеть себя писателем европейским. Однако европейским, даже мировым, в том же смысле, в каком подобным писателем был в его глазах олимпиец Гете. «Вместо того, чтобы замыкаться в себе,— цитирует Манн своего наставника,—...немец должен принять в себя мир, чтобы воздействовать на мир». Воздействовать прежде всего прогрессивным вкладом своей страны, ее истории, ее культуры в общечеловеческую сокровищницу. Поэтому не Лютер и не Бисмарк, а Тильман Рименшнейдер, Томас Мюнцер, Иоганн Вольфганг Гете, Фридрих Шиллер — истинные немецкие герои для Манна.

Перед нами проблематика «Доктора Фаустуса». «Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом» Серенусом Цейтбломом (так гласит подзаголовок романа),— это история сбившегося с пути искателя XX века, дерзновенного, но неправедного.

Пара Леверкюн — Цейтблом несколько напоминает пару Нафта — Сеттембрини из «Волшебной горы». Однако если герои «Волшебной горы» представляли культуру (и «контркультуру»!) европейскую, в известном смысле космополитическую, то в «Докторе Фаустусе» все перенесено на немецкую почву.

Тем самым жизненный материал конкретизировался, отношение к нему заострялось.

Леверкюн — огромный талант, художник, одержимый своим искусством, по-своему честный, по-своему бескомпромиссный. Он и творец новой музыки и жертва иссушающих ее неблагоприятных общественных условий. Однако на нем самом лежит вина: «...Ежели кто призвал нечистого и прозаложил ему свою бессмертную душу, тот сам себе повесил на шею вину времени и предал себя проклятию» — так осуждает себя Леверкюн в своей заключительной исповеди. Известно, что его биография во многом повторяет биографию Ницше. Но разве его жизненный и творческий путь — если не в частностях, так в общем, существенном — не напоминает и путей Джойса или Кафки,— как и Леверкюн, крупных и, как и он, заблудших художников?

Впрочем, Манн не ограничивается в «Докторе Фаустусе» изображением художника, грешащего внутри своего искусства. Враждебный демократии аполитичный духовный аристократизм, пренебрегающий коллективом холодный индивидуализм, слепая приверженность средневековью и мистике,— словом, все то, что писатель годами развенчивал в своих статьях и эссе,— разоблачается здесь как дух реакции, закономерно приведший Германию к фашизму, войне, катастрофе, однако и сегодня еще не изжитый по ту сторону Эльбы.

Тех, кто не только внимательно прочел «Доктора Фаустуса», но и без предвзятости проследил весь предшествующий путь его автора, вряд ли могут удивить слова, произнесенные им в 1944 году, в разгар работы над этим романом: «Европа будет социалистической, как только завоюет свободу. Социальный гуманизм стоит ныне в повестке дня — он был мечтой лучших умов в тот час, когда фашизм поднял над миром свою чудовищную образину. Социальный гуманизм, объединяя все подлинно новое, молодое и революционное, определит внешний и внутренний облик Европы после того, как расплющит башку этой лживой гадине».

Такая эволюция ставит Томаса Манна в один ряд с его выдающимися современниками — Анатолем Франсом, Роменом Ролланом, Бернардом Шоу, Теодором Драйзером. Все они прошли через «прощание с прошлым» и пришли к признанию нового, социалистического мира.

В эволюции Томаса Манна колоссальную роль сыграла классическая русская литература. Писателя привлекал ее мятежный дух, покорял ее разносторонний гуманизм. «Кто может отказать России, вечной России, в человечности? — спрашивает он и продолжает: — Более глубокой не было нигде и никогда, нежели в русской литературе,— святой русской литературе...» «Все мы вышли из гоголевской «Шинели»,— вспоминает в другом месте Манн слова Достоевского,— остроумное замечание, наглядно... отражающее необыкновенное внутреннее единство и целостность русской литературы, тесную сплоченность ее рядов, непрерывность ее традиций».

В своих социальных условиях — во многом от русских отличных — Томас Манн пытался опереться и на Толстого, и на Достоевского, и на Гете, и на Шиллера, и на романтиков, и на Вагнера, опереться, чтобы познать и осудить собственный класс, чтобы в конечном счете подняться над ним. Ромен Роллан писал: «Томас Манн из всех больших людей немецкой эмиграции, наверное, самый вдумчивый и самый достойный. Этот человек, который, кажется, пришел очень издалека (ибо он по своей сути крупный немецкий бюргер, очень приверженный к государству, к отечеству, и я был суров к нему в 1914—1915 гг.), быть может, найдет в себе мужество пойти очень далеко по пути отказа от своих былых предрассудков и былой веры».

Долгий, хотя и прямой путь — специфический признак Манна-мыслителя, Манна-художника. Путь долгий — это значит, что писатель прошел по территориям многих учений, верований, идей. Путь прямой — это значит, что он не избегал препятствий, а почти в буквальном смысле слова продирался сквозь них. Так оказалось, что, добравшись до вершины, Томас Манн вытащил на нее за собой не один какой-нибудь аспект, а цельный пласт новейшей и старой культуры.

Манн справедливо считается одним из создателей интеллектуального романа. Писатель создал свой собственный, вполне самобытный стиль, свою, ни на кого другого не похожую манеру. Даже его новеллы тяжеловаты, а романы и вовсе громоздки. Иногда это кажется старомодным, напоминающим эпические фрески XIX столетия. Но такое представление обманчиво. «Волшебная гора», «Доктор Фаустус», как и книги бальзаковской «Человеческой комедии», монументальны, однако монументальны по-своему; и они энциклопедии, однако не энциклопедии лиц, действий и событий, а мыслей и идей. Манн решает свои проблемы не в гуще непосредственно социального бытия, а, напротив, посреди некоего замкнутого и ограниченного пространства. В «Волшебной горе», например, он исторгает героев из потока жизни и помещает в материально разряженную, зато духовно насыщенную атмосферу фешенебельного высокогорного курорта. И в то же время внутрь манновских романов-притч «вмонтированы» куски, взятые просто из жизни: скажем, самоубийство Клариссы Родде в «Докторе Фаустусе» скопировано с самоубийства сестры самого Манна, ее предсмертная записка дословно повторяет письмо последней; младенец Непомук из той же книги имеет своим точным прототипом любимого внука писателя и т. д. и т. п. Все это не только создает видимость достоверности, но и, уравновешивая условные партии произведения, образует те «положительные» и «отрицательные» полюса, между которыми проскакивают искры иронии.

Пародийный, иронический элемент играет в творчестве Манна значительную роль. «Все формы духовной жизни «позднекапиталистического общества»,— писал Б. Сучков,— Томас Манн начал воспринимать как своего рода пародию на культуру, созданную в пору расцвета буржуазной демократии». Впрочем, ирония у этого писателя выполняет функции не только критические, а и созидательные. Манн с ее помощью как бы все ощупывает, проверяет заново. И отделяет зерна от плевел, в то же время оставляя оценки да и всю структуру книги открытыми в будущее...

Будущее! В его свете следует оценивать и наследие самого Томаса Манна, нашего великого современника. Он немало сделал для пришествия будущего на землю страны, которая его родила.

Вот впечатления писателя от встреч с новой жизнью на немецкой земле за несколько месяцев до провозглашения Германской Демократической Республики. «...Я вглядывался в лица, которые светятся напряженной доброй волей и чистым идеализмом, в лица людей, которые самоотверженно работают по восемнадцать часов в день, чтобы осуществить на деле то, что они считают истиной, и создать в своей области общественные условия, которые, как они говорят, должны предотвратить рецидивы войны и варварства... Всему этому, рассуждая по-человечески, трудно противостоять».

Такие слова мог написать только человек, чья душа воистину открыта навстречу новому. Это и делает его великим представителем нашей эпохи — грандиозной эпохи перехода от капитализма к социализму.

из почты «огонька»

ПЕРЕД ОТПРАВКОЙ НА ФРОНТ

Этот снимок был сделан в городе Ленинграде в апреле — мае 1944 года в 14-м отдельном запасном полку связи, где готовили связистов для Действующей армии. Перед отправкой на фронт девушек-связисток принимали в комсомол. Интересно знать, как сложилась судьба девушек, которым я, как комсорг полка, вручал комсомольские билеты.

П. ГОЛУБОВ

Минск.

КНИГА РОЖДАЛАСЬ В БОЯХ

Книгу «Годы войны» по праву можно назвать фронтовой. На титульном листе вместо наименования издательства значится: «Действующая армия». История ее создания необычна. Писать книгу начали под Сталинградом, а закончили в Вене. Основой для нее послужили очерки, стихи и рассказы, опубликованные в дни войны на страницах газеты «Красное знамя». Писались они в промежутках между боями, на привалах в завьюженном лесу, у пепелищ сожженных деревень, часто на клочках бумаги. Но все материалы, получаемые в эти дни газетой, объединяло одно — искренность и твердая уверенность в близкой победе. В книге опубликованы очерки корреспондента А. И. Недзельского, погибшего в августе 1943 года под Ахтыркой при выполнении редакционного задания. Большой раздел занимают солдатские песни и марши.

И. МОКРЕЦОВ,
бывший корреспондент армейской газеты «Красное знамя»

ВОИНЫ СПАСЛИ ДЕТЕЙ

Недавно мы, пионеры-следопыты отряда имени Героя Советского Союза Михаила Баналова, узнали подробности одного из эпизодов войны. Воины 190-й гвардейской дважды Краснознаменной стрелковой дивизии во время разведки обнаружили подвал, где много месяцев томились 100 детей Таганрогского детского дома. Прятали их жители села Великая Лепетиха, Херсонской области. Фашисты хотели взять у них кровь, а затем уничтожить. 8 февраля 1944 года дети были освобождены, а точнее, спасены. Эпизод этот был запечатлен кинооператором Владимиром Сущинским. Нам удалось разыскать фото одного из кадров этой уникальной кинохроники. Мы знаем, что 50 бывших воспитанников детдома сейчас живы, ежегодно собираются в г. Таганроге. С одним из спасителей, ветераном дивизии Владимиром Давыдовичем Цыбулькиным, мы переписываемся. К нам приезжала одна из спасенных девочек — М. А. Куросова, ныне инженер в Таганроге.

Может быть, дети и их спасители вспомнят те суровые дни и напишут нам.

Следопыты школы № 735.

Москва

ПАРТА

Олег ШМЕЛЕВ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Как воплощение неповторимой юности всякий хранит память о своей школьной парте. Но есть одна, совершенно особая, перед которой мелко обставленный быт личных воспоминаний вдруг отодвигается прочь, перед которой у человека мысли и чувства принимают высокий строй.

Она стоит в небольшой комнате на втором этаже, последней в ряду, примыкающем к окнам, в доме на крутом берегу Волги. Здесь раньше располагалась мужская гимназия, теперь — первая школа города Ульяновска, вернее, часть школы, ее начальные классы — старшие имеют в своем распоряжении новое здание по соседству, на Советской улице, 11. Полное название — ордена Ленина средняя школа № 1 имени В. И. Ленина.

За этой партой сидел гимназист седьмого класса Владимир Ульянов...

Существует обычай: свой первый урок первоклашки проводят в этой аудитории. Сначала парта пустует, а потом новоиспеченные ученики попарно садятся за нее на минутку: акт сопричастия великому, хотя для первоклашек это звучит слишком выспренне, да и слов таких они еще не знают, как не могут знать и тех дум, что владели шестнадцатилетним гимназистом Ульяновым, чей старший брат Александр был революционером, которого за участие в заговоре против царя казнили в Шлиссельбургской крепости.

Минута, проведенная за партой Ульянова, бросает свой отблеск на все долгие десять лет учения. А учиться здесь скорее трудно, чем легко, ибо к выпускникам школы предъявляются строгие требования. Тем более что дано им очень много.

Еще каких-нибудь двадцать лет назад о подобном никто и не мечтал.

...Идет урок. Сказав вводное слово, учитель по селектору соединяется со школьным телецентром и просит дать на экран, установленный в классе, учебный фильм, наглядно иллюстрирующий живыми примерами тему урока. Через минуту начинается показ.

...Физический кабинет Симбирской мужской гимназии был оборудован на уровне своего века. Здесь имелись и зеркало Пикте, и лейденские банки, и электростатическая машина трения. Ставя опыты, гимназисты — в их числе Владимир Ульянов — усердно пользовались этими приборами, с нынешней точки зрения, наивными.

Сегодня в школе есть модели атомных установок — недаром же наш выдающийся физик академик Игорь Васильевич Курчатов был ульяновцам не посторонним человеком: в 1911—1912 годах он учился на приготовительном курсе Симбирской гимназии.

Эти тропики под крышей вместе с теплицей — лучшая аудитория для занятий по биологии.

...На дорожках двадцатипятиметрового плавательного бассейна идут состязания.

...Проем сцены в большом светлом зале издали, от дверей, кажется куском клумбы: школьный хор собрался на спевку.

Барабаны, молчите.
И фанфары, молчите!
Не мешайте заветным,
задушевным словам.
Наш великий вожатый,
самый главный учитель,
Эта песня простая
посвящается Вам...

Нескончаем поток экскурсантов в город, где когда-то сидел за школьной партой «самый главный учитель» — Владимир Ульянов-Ленин. Сюда плывут и едут, летят и идут. Группами и в одиночку. Юные и пожилые. Из-за рубежа, из ближних и дальних мест нашей страны. Школьный клуб интернациональной дружбы получает многие сотни писем со всех сторон света. И доносится сюда порой крик души: «Мы очень бы хотели еще больше узнать о городе, где учился и жил В. И. Ленин... Ребята, если вы не хотите переписываться с нами, передайте наше письмо и нашу просьбу в другую школу, но переписываться с вашим городом у нас колоссальное желание. Члены КИДа «Факел». Свердловск».

Но, что бы там ни было, главным остается учеба, и о достоинствах школы в конечном счете судят не по количеству завоеванных ее учениками спортивных трофеев и не по успехам хора, а по качеству знаний, которые она дает своим питомцам.

Наша школа должна воспитывать нового человека коммунизма, воспитывать сознательного гражданина, вооруженного знанием. Это понимает и именно в этом направлении работает педагогический коллектив орденоносной школы имени В. И. Ленина.

■

Светлана Демина уже перешла в пятый класс.

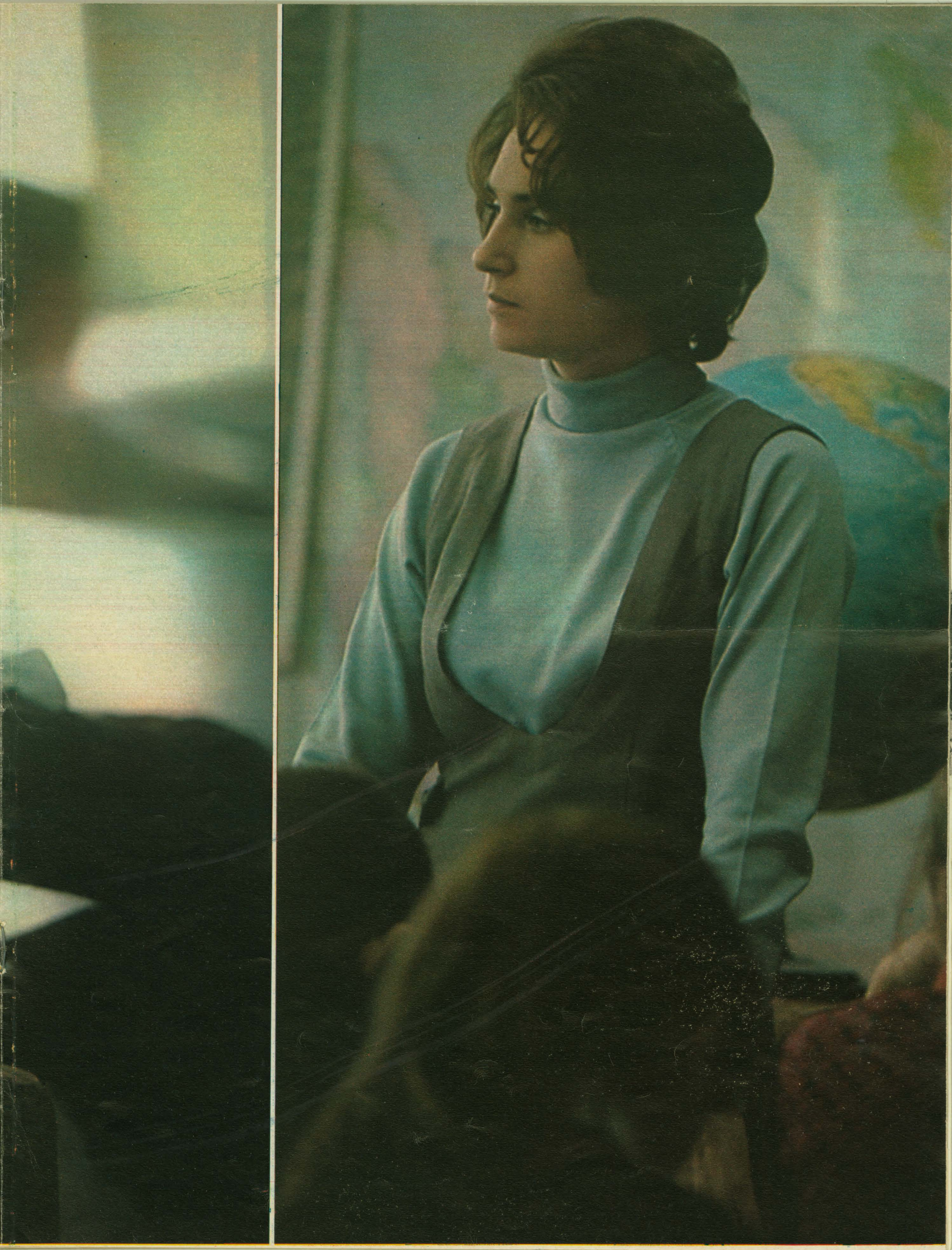
Физические приборы, которыми пользовался гимназист Володя Ульянов.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

На этой парте всегда свежие цветы.

Т. А. Никитина преподает географию.

здесь сидел
Владимiръ Ульяновъ,
ученик VII класса

«огоньку» сообщают

УЗБЕКИСТАН

НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ

Из какой бы страны Востока ни приехал гость в Узбекистан, здесь всегда найдется немало людей, которые могут побеседовать с ним на его родном языке. А сколько узбеков работают ныне преподавателями и переводчиками в школах и вузах страны, в государствах Азии и Африки. И, как правило, все они — выпускники восточного факультета Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина.

Тридцать лет исполнилось факультету, где на специальных отделениях изучаются история, язык и литература стран зарубежного Востока. Особое внимание уделяется индийской, арабской и ирано-афганской филологии. Для успешной учебы здесь созданы все условия: по-современному оборудованные аудитории и кабинеты, богатейшая библиотека с книжным фондом на всех языках мира. Преподавание ведут высококвалифицированные педагоги.

А. ЕСЬКОВА, В. КОСТЫРЯ, собкор «Огонька»

На снимке: в лингафонном кабинете.
Фото Р. Шамсутдинова.

МОЛДАВИЯ

ДЛЯ ВЕТЕРАНОВ ТРУДА

На Черноморском побережье, неподалеку от курортного поселка Сергеевки, стоит красивое здание санатория «Виктория». Рядом со здравницей великолепный пляж и ласковое море.

Различные медицинские кабинеты оснащены совершенным оборудованием, палаты, каждая на двух человек, по-домашнему уютны. Все лечебно-диагностические службы санатория расположены компактно, в едином блоке. Штат врачей и обслуживающего персонала здесь несколько больший, чем в обычной здравнице: в санатории лечатся и отдыхают ветераны труда и Великой Отечественной войны. «Виктория» построена специально для них Министерством социального обеспечения Молдавии.

Б. БЕЛЕНЬКИЙ, сотрудник газеты «Советская Молдавия».
Фото Л. Поляковой.

■ **Вот и окончен учебный год...**

В школу № 1 каждый день почта приносит сотни писем.

Олесь ГОНЧАР

ТИХИЕ ВОДЫ

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Тихие воды, говорят, самые глубокие.

Тихие воды, ясные зори — вот они тут, где гирло так широко растеклось меж камышами, и полная луна повисла над заколдованным плавневым краем, и приоздавший катерок с надписью «Спасатель», вымчав на простор, идет, одинокий, по лунным разливам, ровным гудением рассекает ночную тишину.

Моторист в привычном напряжении застыл за рулем. Еще вчера, когда с моря подул было низовик, тут бурунами катило, катер прыгал, как по твердым кочкам, а сейчас ветер улегся, по всему гирлу — тишь да гладь, нигде ни бурунца. Только за кормой, взвихрившись, гребень лунной воды кипит.

Кажется, сама тишина этой светлой ночи, с безмолвием верб и камышей, с сиянием успокоенных вод, раскинувшихся далеко и вольно, должна бы создавать хорошее настроение человеку, уравновешивать душу, вносить в нее согласие, мир да ту самую гармонию, которую нынче все ищут, но — увы! — нет ее сейчас в душе моториста, гармонии почему-то пока не получается... Лицо моториста все время будто в гримасе неприязни: обида жжет. Жжет с самого полудня.

А было так: в полдень шел он на малом ходу вдоль самого большого в гирле острова Долгого, вдоль песчаной полосы его пляжа, куда горожане обычно приезжают купаться и где летом чаще всего и случаются разные происшествия. И хоть сегодня ничто не предвещало ЧП, так как пляжников мало, лето уже на исходе, однако и на этот раз на острове оказались охочие уединиться, укрыться подальше от людских глаз... В одной из заводей, уткнувшись носом в камышовые заросли, притаился неуклюжий катер охотничьего хозяйства, а рядом на крутом берегу, под раскидистой вербой, где в разгар сезона не один жарился шашлык, расположилась солидная, судя по комплекциям, компания. Светят лысинами, в одних трусах сидят и уже делом, кажется, заняты, делом известно каким... Завхоз грязелечебницы Музыченко, толстяк круглолицый, как раз что-то разливал, когда на воде появился «Спасатель». Завидев моториста, завхоз широко махнул ему посудиной:

— Подваливай сюда! На всяк случай, хоть служба спасательная будет своя!

Люди все знакомые, старожилы здешних мест. Рядом с Музыченко сидит по-татарски родич его, герой войны, отставник с изувеченной рукой, ну и, разумеется, егерь Верба тут как тут, поджарый, долговязый, выделяющийся среди других своей костлявостью... Еще один с важным видом нарезает хлеб — это тоже заслуженный человек, бывший директор камышитового завода по фамилии Копыл, сейчас он устроился где-то в городе на мясокомбинате... И все так дружно, приветливо:

— Давай, давай, Степан! Причаливай к нашей каше!

Пришлось причалить: общество такое, что не обойдешь.

Когда моторист взобрался на кручу и поздоровался, Музыченко, будто и приветствия не услышав, молча налил ему граненый почти до краев.

— Бери!

— Нет, спасибо.

— Это почему же? Печенка? Селезенка? Так вроде бы непохоже!

Все взглянули на прибывшего: крутоплечий, кряжистый, на воде вырос, такому на здоровье жаловаться рано!..

— Да пусть человек сначала присядет,— сказал ветеран, родич Музыченко, и подвинулся, давая мотористу место на брезенте рядом с собой. Моторист присел, впрочем, больше для приличия: он еще не успел проголодаться. Бывший директор, показав на яства, пригласил щедрым жестом:

— Бери, что на тебя смотрит...

Колбаса смотрела. И лещи вяленые. Жареные цыплята... И помидоры-гиганты — точно с выставки. А в сторонке еще и шашлыки маринуются в приправе, костра ждут...

Музыченко снова начал приставать со своим граненым:

— Долго мне его держать? Рука заболела!

— Я же сказал: не могу. На посту все-таки...

— О люди! — воскликнул Музыченко в искреннем изумлении.— Вы только поглядите на него: святой между нами! Святой да крепкий! А давно ли этого святого хлопцы из чайной под руки выводили? И не такая еще посудина казалась ему там наперстком!

— В чайной — одно,— смутился моторист,— а тут при деле...

— Знаем мы ваше дело! Целое лето баклуши бьете, а люди как тонули, так и тонут... Бери, Степан, не выламывайся!

— Нет, я же сказал...

— Так что ж мне — выливать? — надулся Музыченко.

После короткого колебания он сам опорожнил граненый до дна и, ни на кого не глядя, обиженно принялся обдирать рыбину.

Упрямство моториста, видимо, произвело впечатление на компанию. И хотя приятели завхоза во время его препирательства с мотористом сохраняли в общем-то позицию невмешательства, все же один из них — а именно родич Музыченко — позволил себе явно нарушить нейтралитет: с подчеркнутым вниманием он стал здоровой рукой подсовывать гостю со скатерти-самобранки наиболее лакомые куски.

— Бери, не стесняйся! Тут одни витамины!..

Музыченко сопел, давая понять, что его оскорбили.

Бывший директор камышитового, вероятно, чтобы разрядить атмосферу, принялся расспрашивать моториста, много ли пляжников тонет за сезон, да по каким причинам, да в каких именно местах чаще всего подобное случается.

Об этом можно было порассказать хотя бы затем, чтобы не лезли в реку наобум, спьяна, из глупого ухарства. Знать должны, что во́ды эти лишь на вид тихие, а на самом деле с ними не шути. Только зазевался — уже и подхватили, и потянуло. Здесь вот, у берега, и дно видать, а чуть отступи — уже яма, место коварное, омут, водоворот, черторой дикой силы! Однако именно эта черторойная сила почему-то более всего и манит: такова уж, видно, натура человеческая... Хорошо еще, если ты недалеко и подоспеешь вовремя. Не раз уже благодарностями был отмечен. Постепенно выработалась даже своеобразная психология спасателя: всегда чувствуй себя в собранности, будь начеку, знай, что в любой момент может потребоваться твоя помощь.

— Пусть уж дети не слушались бы предостережений,—тихо говорил моторист,—а то бывает, что и взрослый какой-нибудь дядюга, все больше из нетрезвой публики, и он тоже лезет на глубокое, подавай ему этот омут!.. Ну, а потом, известное дело, ревет белугой: спасите, тону! Гони к нему во весь дух со спасательным кругом!..

— А у вас как на грех обеденный перерыв! — хмуро пошутил Музыченко.

— «Не трать, куме, силы» — это у них самый популярный лозунг,— с живостью подкинул долговязый егерь и потом еще добавил, что вообще-то оно и не худо, если бы побольше тонуло в этих водах, только чтобы вон тех, а не этих!.. А то развелось тут разной нечисти, всю природу губят!

— Хватит уже мрачных тем. Напоминаю: среди нас именинник,—громко сказал бывший директор, многоопытный в лести.— Вот он, герой дня, вы его хоть топите, он все равно не утонет,— с расположением взглянув на Музыченко, шутливо кивнул на его брюшко: — Не в нем ли причина твоей устойчивости, Лукьяныч? Ведь ты же, как буй: вот вроде сбили с ног, на дно пошел Музыченко, а он—пожалуйста!— снова на поверхности житейского моря, ха-ха-ха...

— Потому что крепкий работник,— заметил родственник Музыченко.—С размахом и хваткой человек, несмотря что ростом маленький...

— Я не маленький, я короткий,— возразил завхоз, веселея, смягчаясь под щедрым потоком лести. — Разве это живот?— Он шлепнул себя ладонью по брюшку.— Сплошной комок нервов!

Компания оценила шутку, захохотала, только моторист, все еще чувствуя себя не в своей тарелке, сидел на краешке брезента и молча курил, ничем не поддерживая общего настроения.

Музыченко, заметив это, снова помрачнел, сказал с упреком:

— Сильны́ у тебя недостатки, Степан... Сильны́!

— Что поделаешь: такой уж есть...

— Что значит «такой уж есть»? Дедовская философия! А ты изменись! Перевоспитайся! Брехня, будто природа людская изменению не поддается! Поддается, да еще как!

— Иначе разве ушли бы мы так далеко от обезьяны? — лукаво заметил егерь.

— Ты эти смешки брось,— осек его Музыченко и повернулся к мотористу: — Пожалуй, пора нам, Степан, выяснить отношения... Нам есть о чем поговорить...

— Говори,— буркнул моторист, и его смуглое лицо насупилось, потемнело.

— Жену свою можешь ты призвать к порядку? Все знают, что у нее язык как помело.— И, обращаясь больше к бывшему директору, Музыченко пояснил: — Его боевая подруга у меня в штате. По работе не имею к ней особых претензий, хотя могла бы и лучше трудиться, если бы языком меньше трепала... А то, повторяю, уж слишком она у него языкастая... Только собрание какое, уже и пошла и пошла все в кучу валить, вперемешку грешное с праведным... Просто слушать совестно.

— Много сейчас охотников подрывать авторитет,— грустно заметил бывший директор, видимо, имея в виду что-то свое, а Музыченко, глотнув минеральной прямо из бутылки, опять привязался к мотористу:

— Чего ей конкретно надо, хотел бы я знать? Есть у человека обязанности — выполняй их: стирай, гладь, за чистотой следи... В самодеятельность охота — валяй, выступай, никто не возбраняет... Недостатки? А у кого их нет? В жизни все бывает. Другие понимают, другим объяснишь, а твоей... От нее только и слышишь: того не доставили, того не подбросили... Костюмы для самодеятельности не успели приобрести — и за это Музыченко отвечай! А по-моему, если ты артистка, то и без костюма споешь... Есть же такая песня: «Ой, гола я, гола...»?

— Довольно! — сверкнул недобрым взглядом моторист.

Сверкнул и замолк, хотя мог бы высказаться до конца: как иной раз жена возвращается домой расстроенная, в слезах — опять Музыченко нахамил. И как другие, низовые, тоже нередко страдают от его грубости и самодурства. А кто неугоден — придирается, травит, порой даже предлагает наедине: «Заявление по собственному желанию — и бывай здорова. Жаловаться будешь? Пиши! Пиши хоть в ООН!» Таков этот именинник... Уже и в газете его прописали, как он тайком браконьерствует в плавнях, во время паводка под видом помощи беззащитным зверятам вылавливал их на островах, чтобы добыть шкурки... Сошло и это Музыченко с рук: где-то объяснился, где-то покаялся, извернулся — и опять, как буй, на поверхности. Но не вечно же. На чем-нибудь да сорвешься. Сколько веревочке ни виться, а конец будет...

Моторист, хмурясь, снова закурил.

— Что ж, поссорились, пора и помириться,— сказал Копыл, беря в руки бутыль местного вина. Однако прежде чем наливать, спросил у моториста:—От меня примешь?

Моторист глядел в сторону гирла:

— Не трудитесь.

— Да что это с тобой?— словно бы даже обеспокоился егерь.— Или тебя тоже потянуло к тем искателям хороших манер?

— О чем это вы? — спросил отставник.

— Был случай недавно... Появилась в городе брошюра о хороших манерах, так желающих оказалось столько, что чуть киоск не разнесли! Некоторые, говорят, даже подрались из-за тех манер!.. Но, по-моему, к Степану это не относится,— взглянул егерь на приятелей так, словно уговаривал их не быть слишком суровыми к мотористу.

Музыченко между тем счел нужным снова взять инициативу в свои руки. Налил полный стакан местного кальвадоса и с сердитой решимостью ткнул мотористу чуть ли не в самое лицо.

— В последний раз подношу: прини-май!

— Нет.

— Да возьми же!

— Нет и нет.

Тут уж и компания загудела:

— Что за человек! Да ты хоть пригубь! Чего тебе бояться? Все гирло твое.

Еще и шуткой приперчили:

— После чарки еще крепче схватишь утопающего за чуб!

Однако моториста так и не уломали.

— Теперь сами видите его манеры! — сказал Музыченко и, выплеснув вино в сторону, небрежно отшвырнул прочь и посудину.— Как, по-вашему, что это может быть за человек, который приходит, садится с вами в компании, а когда его угощают, отказывается наотрез?

Присутствующие задумались, точно им и впрямь загадали серьезную загадку.

— По-моему, это может быть вполне стоящий человек,— сказал бывший офицер.— Служба, братцы, порядок любит...

— А по-моему, от такого можно всего ждать,— отрезал родичу Музыченко.— Выходит: один я чистый, один я безгрешный, а они... Поэтому не лучше ли такому сказать: нечего тебе, человече, сидеть тут да подглядывать, как другие угощаются. Посидел — и будь здоров... Ясно?

У моториста потемнело в глазах. Вот когда он пожалел, что не хватил тот граненый залпом, да так, чтобы аж дурь в голову ударила! Чтобы затуманилось тут все! Вскочил, полыхая от стыда до кончиков ушей, и, ни на кого не глядя, бросился к воде, к катеру... Нагостился! Угораздило же тебя сюда завернуть! Спускаясь с крутояра, плутал, как слепой, между оголенными корнями, слышал вдогонку, как заспорила компания — родич Музыченко и даже бывший директор говорили что-то в его, Степана, защиту... Но от их защиты ему становилось еще обиднее, еще горше...

Был после этого в городе, ходил по служебным поручениям, имел немало других забот, встречался с разными людьми, и, казалось бы, все, что произошло на обрыве, все эти твои неприятности должны за это время развеяться, поостыть... Однако отделаться от такого, оказывается, не просто. Все при тебе, ничто не переболело! Больше того, именно сейчас, в эту ясную, тихую ночь, когда, возвращаясь домой, он снова очутился вблизи места, где сегодняшний день был для него отравлен, Степан еще острее ощутил, как упорно, с какою яростною силой набухают в нем темным клубком, клокочут гнев и обида. Такое унижение перенести, такой стыд! Мучительнее всего корил себя за то, что смолчал, не ответил, как полагалось бы,— точно речи на тот час лишился, точно руки ему сковало. Дед когда-то здесь по гирлу дубы на веслах гонял, отец был моряком, погиб в керченском десанте, они умели в любых обстоятельствах постоять за себя, а ты... такой уж, видно, рыцарь. Такой уж есть. Кажется, не робкого же десятка, а вот... возвращаешься теперь домой, как в грязи вываленный, стыдно будет завтра детям в глаза посмотреть... А жена — как ей признаться? Она ведь, наверное, не спит, еще, пожалуй, и встречать выйдет... Когда Степан припаздывает, она, уложив детей, порой выходит на пристань, станет под акацией и ждет его, как в молодости. Чует душа — будет ждать и сегодня. Вот-вот услышишь с берега ее знакомое, певучее: «С прибытием вас, товарищ капитан!... А я уж думала, не случилось ли что...»

А оно-таки случилось!

Полный гнева и ярости, не найдешь для нее слова доброго, насупишься, отвернешься.

Бывает же так: совсем будто пустяк какой, а напрочь выбьет тебя из колеи, всю душу отравит, замутит самое лучшее настроение. Вот так сами обкрадываем свою жизнь, которая, казалось бы, должна только радовать человека каждым своим мгновением. Вроде бы все как надо: семья сложилась счастливо, жена пользуется в коллективе уважением, тебе тоже знают цену. Если в райкоме, скажем, возникает что-нибудь экстренное, такое, что нужно пулей в город и обратно, то на кого падает выбор? Степана давай, у него катер не забарахлит, у него он всегда как часы. Потому что отдаешься делу, потому что любишь эти воды, гирло, реку. С рассвета и до ночи снуешь катерком здесь и по всему раздолью лимана, где столько тебе оставлено давней, еще отчей красоты. И никогда она тебе не надоест, потому что это — как воздух, а воздух разве может надоесть?

Только сейчас будто ничего этого нет, осталось лишь то, что подступает к горлу, душит,— все другое перестало существовать. Эта лунная ночь, что всегда навевала на него нечто похожее на далекую задумчивую песню, это раздолье ночных светлых вод с их доброй тишиной, таинственностью окутанных тенями берегов и зеркальным свечением лунных плесов и сама даль лунной дорожки, которая прежде, бывало, завораживала моториста, всякий раз пробуждала в нем что-то доброе, нежное,— сейчас все это совсем не находило отклика в его душе, замутненной обидой и злостью. Ослепляет ведь не только любовь, есть и слепота ненависти тоже. Пожалуй, он пребывал сейчас во власти именно такой слепоты. Мерещились какие-то дикие картины расплаты, отмщения, что неминуемо должно свершиться. Встретит же он когда-нибудь этого хамлюгу Музыченко в той самой чайной, где после разных конфликтов чаще всего выясняются отношения сторон, порой выясняются так, что столы ходуном ходят. Там-то уж он отплатит ему, выдаст сполна за все, а потом хоть и с повесткой к прокурору!

На острове, на том месте, где днем сидела компания, еще тлеют остатки костра: видно, недавно убрались отсюда, даже и костер не загасили, не затоптали после шашлыков... Вспомнилось мотористу, как горели в прошлом году лесные насаждения в песках поблизости от гирла, как весь тамошний люд и даже курсанты из города были подняты на борьбу с огнем... А этим лень было загасить... «Вот так и делают пожары!..» — со злостью выговаривал кому-то моторист. И хоть причаливать не хотелось, он все же подвернул к берегу и, добравшись до костра, стал остервенело его затаптывать, словно самого Музыченко втаптывал здесь в землю.

Потом катерок его снова тронулся, застрекотал дальше плесами, меж камышей. Незаметно на луну набежало облачко и, хоть было оно тоненьким, почти марлевой прозрачности, однако тенью своей заметно притемнило гирло: мерцание воды погасло, и даже будто холоднее сразу стало вокруг.

Миновав знакомый бакенный огонек, катер шел в густой тени камышей, когда неподалеку послышались вдруг странные всплески, что-то барахталось на воде, булькало, стонало. В первое мгновение мотористу показалось, что это плывет животное, бычок или лось, спустившись с островов, пересекает гирло, а когда приблизился, оторопел: что за чертовщина? Нечто похожее на лысину вынырнуло среди широких листьев кувшинки...

— Спасай же меня, ну, спасай! — прохрипело голосом Музыченко.

Дай газ и промчи! Ты не слышал его здесь, не видел! Никто никогда и не узнает об этой вашей встрече на ночной воде, когда обидчик твой, наглотавшись из гирла, прощальные, хрипящие пузыри тут пускает!

Дал газ и промчался. Тони, пропадай, иди на дно раков кормить! Но это был только миг, только нарисовалось в воображении... Головастый водяной натужно, уже из последних сил выбирался к катеру, и рука Степана сама потянулась ему навстречу...

Вот теперь дал газ! Если бы кто спросил, почему именно так поступил, зачем выволок этого лысого водяного из лунной купели, наверно, толком и не смог бы ответить... Выволок — и все тут. Т а к о й у ж е с т ь.

Немного отдышавшись, отфыркавшись на дне катера, завхоз принялся последними словами клясть дружков-приятелей, которые за пьяными анекдотами даже не заметили, как потеряли именинника... Считали, наверное, что он дремлет себе в брезенте на корме, а его уже в гирле надо было искать — на повороте метнуло, как из катапульты...

— Понимаешь, что ты сделал? — бормотал за спиной моториста еще не совсем протрезвевший именинник.— Ты жизнь мне спас! Ты... ты... ты...

— Я — я — я! — Моторист впервые за сегодняшний день засмеялся.

— А то пошел бы на дно — и поминай как звали... Только благодаря тебе меньше одним утопленником будет...

— А следовало бы утопить! Может, ошибку даже делаю... Ну, на этот раз пусть! Думал, что бычок! — не оборачиваясь, весело говорил моторист.

И по голосу его чувствовалось, как легко становится у него на душе, какая тяжесть с нее свалилась... Видно, эта ясная ночь и воды, и луна в высоком небе — все вновь возвращается к нему своей неомраченной красотой.

Авторизованный перевод с украинского
Изиды НОВОСЕЛЬЦЕВОЙ

ЛАВРОВСКИЙ, СЫ

Ольга **САХАРОВА**

Испокон веку сын наследует отцу. Наследует не только имя, черты лица и характера, не просто дом, сад, бумаги, пожелтевшие от времени. Сын наследует отцовское место на земле. Наследует бремя жизни, свой следующий шаг в ней; здесь минус на минус никогда не дает плюс. Зато и общность созидания ярче освещает путь — и тот, что уже пройден, и тот, что набирает силу.

На нынешних афишах Большого театра одно из самых громких имен — имя солиста балета Михаила Лавровского, лауреата Ленинской премии. А одно из самых славных имен в истории советского балета — имя его отца, балетмейстера, народного артиста СССР, лауреата Государственных премий Леонида Михайловича Лавровского. Сын и отец. И целая эпоха в жизни, в искусстве, где в каждом десятилетии будто спрессованы события века. Но просто ли имена Лавровских идут одно за другим хронологически безмятежно, или есть у них та общая жизненная суть, что освещает и память об отце и сегодняшний успех сына...

«Как бы ветер новой театральной эпохи хлынул в зал после первых сцен «Ромео и Джульетты». И как всегда, когда мы встречаемся с подлинным новым искусством, возникает ощущение свежести на душе, очищения и радости от того, что человеческий талант живет и будет жить вечно»,— так писал К. Паустовский о балете С. Прокофьева, поставленном Л. Лавровским в Большом театре.

Эта подлинность нового в искусстве, так точно отмеченная, есть самая драгоценная черта в творческом наследии балетмейстера. Современный стиль его постановок, будь то шекспировский размах «Ромео и Джульетты», философская углубленность «Паганини» или новая редакция классической «Жизели», всегда отвечает художественному замыслу композитора.

Правда жизни, правда чувства, правда мысли находили себя в пластических образах, созданных Л. М. Лавровским, являясь силой его поэтики. Да, он был поэтом танца; балеты Лавровского заставляют зрителя испытать то, что единственно и должно испытывать в театре: сопереживание героям. Не рассудочное внимание, не «балетоманский» интерес, а страсть и боль, восторг и гнев поглощают зрителя. И то, что мы видим, для балетмейстера есть результат всей его жизни и работы: овеществление поэзии в танце.

Те, кто работал с Леонидом Михайловичем, запомнили навсегда, как шел он к своему результату; запомнили его немногословную строгость, суровость и демократичность; бескомпромиссную требовательность и умение осчастливить словом похвалы... Атмосфера, которую Л. М. Лавровский создал в театре, будучи главным балетмейстером, потенциально подготавливала каждого артиста к общему творчеству: тут не было скидок ни на премьерство, ни на заурядность, была только сверхтребовательность и к самому себе и к каждому большому дарованию. Это относилось и к жене, балерине Елене Чикваидзе, и к сыну.

— После училища я почти три года танцевал в кордебалете. Бой в «Ромео», маски в «Лебедином». В «Жизели» носилки с солистами таскал. Отец считал это нормой для начала.

Но за «нормой начала» не мог же Лавровский-балетмейстер не разглядеть дарования сына, искру художника. И, конечно, он видел ее. Доверив сына Николаю Ивановичу Тарасову, превосходному педагогу, превращавшему подростков в классических танцовщиков, Леонид Лавровский замечал, с каким необузданным азартом мальчишка хватается за невообразимо трудные комбинации, втайне гордился его первенством среди сверстников. Работать же с ним начал лишь тогда, когда увидел готовность стать артистом. И сразу поручил самое сложное, то, что считал эталоном,— классику.

Леонид Михайлович готовил Наталью Бессмертнову и Михаила Лавровского к вводу в «Жизель», поставив перед ними задачу простую и грандиозную: «В рамках балета найдите свое прочтение образов».

Он искал вместе с ними, проходя сквозь адовы муки главной задачи режиссерского перевоплощения: вникнуть, вжиться в индивидуальность актера, шагнуть в душу образа, увидеть ее со стороны ясным и вдохновенным взглядом.

Бессмертнова — Жизель ни у кого не вызывала сомнений: весь ее облик, стиль танца предваряли успех воплощения образа трагически-условного. Но Миша в свои двадцать лет, с его неукротимым темпераментом, озорством, иронией... Однако отец зорче остальных предчувствовал развитие таланта, и зерна, заложенные десять лет назад, дают всходы по сей день.

Альберт Михаила Лавровского в «Жизели» потрясает своей трагической реальностью. Трагедия его прозрения страшна не менее, чем гибель обманутой Жизели. Противопоставление реального и ирреального в развитии характера Альберта — Лавровского не менее важно, чем для партии главной героини.

Красивый, пылкий, обаятельный вельможа увлечен прелестной пейзанкой. Он совершенно искренне клянется ей в вечной любви, забыв о своей помолвке. Это суть Альберта — безнаказанность дел и чувств. И должна была свершиться страшная кара: смерть Жизели,— чтобы огромное страдание очистило и возвысило Альберта. В сцене безумия Жизели, которая всегда считалась кульминационной для балерины, Михаил Лавровский будто раздвигает рамки трагедии. Его Альберт до последней секунды не хочет верить в страшный исход. В нем еще живет надежда на безнаказанность, но в ужасе прозрения отдергивает он руки от лица мертвой Жизели. Мгновенный гнев, порыв отчаяния, поцелуи, которыми покрывает он умершую возлюбленную,— все это уже становится реальностью страданий Альберта.

Во втором акте его герой мужествен и чуток, горд и пылок. В самой безукоризненности танца Лавровский будто становится старше, мудрее; никак не нарушая изысканности романтического стиля балета, он пронизывает все действие острым ощущением современности.

В 1972 году в Париже Михаил Лавровский за исполнение партии Альберта удостоен премии имени В. Нижинского.

Леонид Михайлович, наверное, предвидел этот успех.

Работая с сыном над партией Ромео (что тоже было ведь почти десять лет назад), он и здесь искал новую окраску образа, отступая от тех традиций балетного лиризма, которые сложились у исполнителей роли. Сценический темперамент актера, экспрессия танца обнажили импульсивность характера героя, стремительность мужания Ромео. «Свое» у Михаила Лавровского не переходит в показное: он, как и старший Лавровский, ставит во главу угла логику чувств и мысли.

Леонид Михайлович повторял: «Мысль, ваша мысль должна из головы войти в тело; только тогда рождается движение». Поэтому Михаил Лавровский не «придумывает» трюки либо необычные мизансцены. Он находит в музыке, драматургии, хореографическом тексте то, что созвучно его индивидуальности, и «самовольство», которое он иногда позволяет себе в лексике танцевального текста роли, не вызывает нареканий у самых строгих ценителей.

Усложненность танца для М. Лавровского не повод блеснуть эффектным прыжком или вращением — это способ найти больший простор для героя. И то, что когда-то было лишь интуицией, теперь превращается в зрелость суждения: «Вначале балет играет на танцовщика, но потом танцовщик, врабатываясь в роль, раздвигает рамки балета».

Сегодня в классе рядом с постоянным репетитором Лавровского, Асафом Михайловичем Мессерером, часто видишь Елену Георгиевну Чикваидзе. В прошлом одна из ведущих танцовщиц театра, она бережно хранит в памяти режиссерские и балетмейстерские разработки Леонида Михайловича. В этой бережности — память о большой, единственной любви, и материнская забота, и огромная душевная щедрость этой удивительной женщины. Главное же, на мой взгляд, в том, что Леонида Михайловича, Елену Георгиевну, Михаила Лавровских объединяет не только родство, но и святая преданность театру.

В трогательно-беззаветных отношениях матери и сына царит задушевность и требовательность дружбы. Елена Георгиевна, взлелеяв в сыне дорогие ее сердцу отцовские черты характера, дала ему свое обаяние и пылкость... Она не делит себя между театром и сыном; она вырастила истинного актера, как никто, понимая материнским сердцем, на какой подвижнический путь обрекает его, всегда готовая отдать все свои силы и самую жизнь, чтобы он был достоин своего имени и звания. Так он и рос в атмосфере служения театру, уважения ко всему, что есть театр. Ни настроение, ни усталость, ни болезнь не властны над молодым премьером. То, что бывает неприятно в любом человеке, для актера недопустимо. В семье Лавровских это является неписаным законом. Поэтому знаменитые в театре шутки Лавровского разряжают самую нервозную атмосферу незаладившейся порою репетиции. Поэтому, едва оправившись от тяжелейшего гриппа, Лавровский идет в класс: ведь его ждут и репетитор и балерина. Поэтому нет у него профессиональных секретов от товарищей по сцене... Но Михаил при этом вовсе не ходячий свод добродетелей. Тонкая, порывистая нервность натуры, разумеется, проявляет себя не только в психологической сложности сценических образов, но и в собственной, личной жизни артиста. Однако истинный талант мудр: он и в человеке и вокруг него все подчиняет своему развитию.

У таланта Михаила Лавровского есть верные соратники: память об отце, строгий и преданный взгляд матери, открытое и радостное участие жены — прекрасной молодой балерины Людмилы Семеняки. Все они каждый день рядом с ним. Они видят, как у него что-то получается будто вдруг, сразу, а порой не удается неделями, годами. На их глазах рождаются, мужают новые образы и крепнут, меняются роли, давно игранные.

Сонм ярких, непохожих характеров. А в центре — Михаил Лавровский... Образы немыслимы вне артиста, они непрестанно делятся друг с другом теми чертами, что он им дал, требуя от него новых сил, новых красок, новых чувств... Но и сами они — источник его существования, движения вперед. Зигфрид в «Лебедином озере» должен был узнать Принца из «Золушки»; Спартак не мог обойти Ферхада из «Легенды о любви», Щелкунчик-принц вырос рядом с Ромео и Альбертом... И всех их меняет время, меняет артист Миха-

Н ЛАВРОВСКОГО

ил Лавровский, внося новое звучание в уже сложившийся, и не без его участия, спектакль. И вот Щелкунчик — напористый, угловатый, азартно-воинственный — постепенно меняется. Он появляется на сцене, неся в жестах, танце новый смысл, новую предысторию образа: он не просто ожившая кукла, Маша сняла чары с **человека,** страдавшего, пережившего трагедию отстранения от жизни. Поэтому так яростно он борется с мышиным племенем; поэтому он познает полной мерой счастье освобождения и любви.

Лавровский утверждает право и необходимость выстраданного счастья, долгого пути к нему, раскрывая новые пласты в драматургии Ю. Григоровича.

Для артиста балета безмерно много значит возможность проявиться вовремя. Проявиться полностью и актерски и технически. Выявить и то, что накоплено тобой, и то, что создано талантом балетмейстера.

Для танцовщика Михаила Лавровского и балетмейстера лауреата Ленинской премии Юрия Николаевича Григоровича таким выявляющим моментом стала постановка балета А. И. Хачатуряна «Спартак». Интересно, что заглавная партия дала возможность ярко проявить себя двум танцовщикам: Владимиру Васильеву и Михаилу Лавровскому,— абсолютно разным по характеру дарования. Они оба пришли к ней разными путями. И Спартак Лавровского — это опять реальность: личность трагическая, легендарная, укрупненная до символа, но живая, со всеми ее слабостями и героикой.

— Мне очень близок замысел Григоровича. Герой — человек, а не красавец исполин. Самое дорогое для меня в этом спектакле — динамика характера Спартака. Из человека-зверя он превращается в человека мыслящего, из раба — в вождя. Никакой статики: в каждом монологе, дуэте — новое психологическое состояние.

Критика, и наша и зарубежная, немало статей посвятила этой роли, этапной для Лавровского.

Лондонский журнал «Спектейтор» после восторгов по поводу актерской тонкости, «огромных прыжков, могучих взлетов, неистовых пируэтов Лавровского» писал: «Надо надеяться, что Большой снимет в кино его интерпретацию, дабы сохранить ее для потомства».

Время идет. Идет накопление новых сил. Готово к воплощению то ощущение мира и жизни, то чувствование сегодняшнего дня, которое ждет своего часа. Когда и как это произойдет,— кто знает... Может быть, это будет роль, которую Михаил Лавровский исполнит в балете Михаила Лавровского.

Лишая себя отдыха (ведь, кроме театра, есть еще высокая и ответственная общественная работа в ЦК ВЛКСМ, в Комитете по Государственным премиям РСФСР, есть съемки в кино и на телевидении), Михаил Лавровский приходит в дом, где висит большой портрет его отца, одного из основателей балетмейстерского отделения ГИТИСа имени Луначарского; приходит в класс к выдающемуся мастеру хореографии, соратнику отца, профессору Ростиславу Владимировичу Захарову.

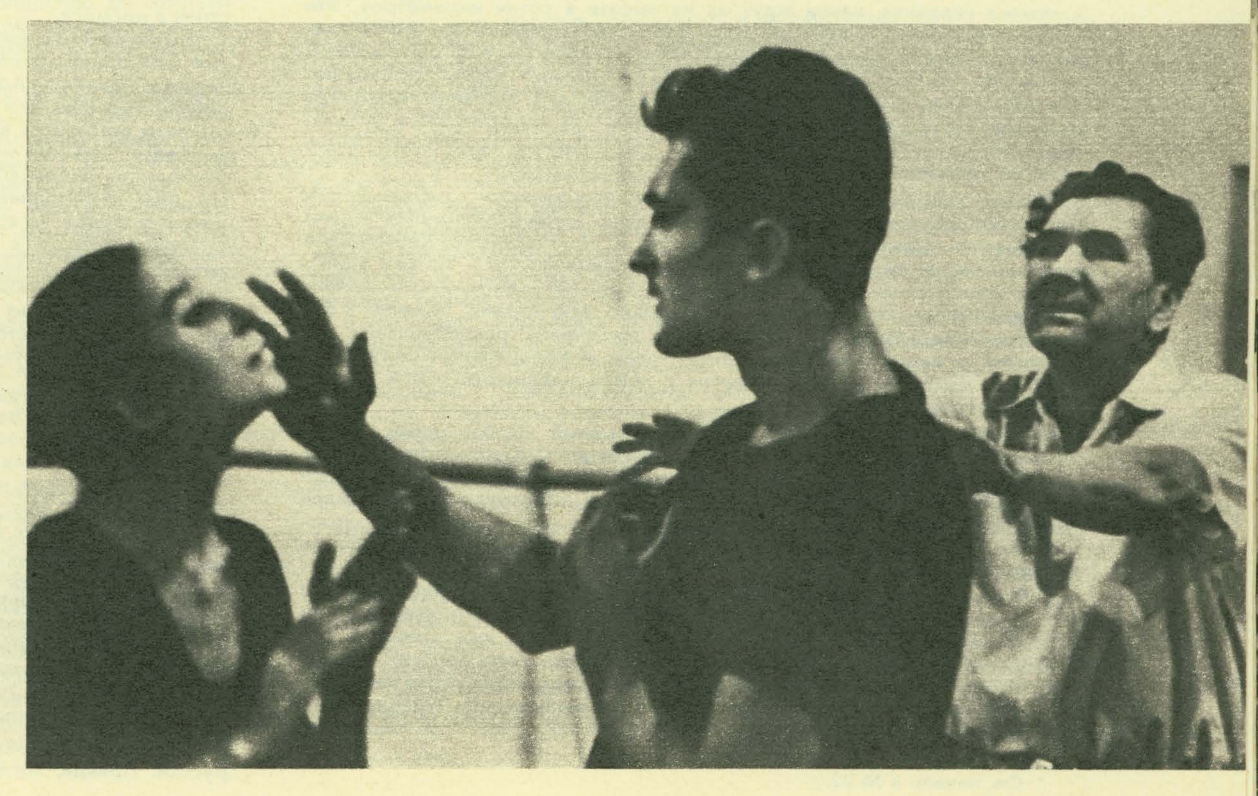
У студента Лавровского много планов, и думается, он может в них рассчитывать на танцовщика Лавровского...

А сегодня сидит поздней ночью у телефона Елена Георгиевна и, добившись, наконец, разговора с одним из американских городов, где гастролирует Большой театр, спрашивает сына о главном: «Как ты танцевал, Миша? Как танцевала Людочка?» Спрашивает о здоровье, умалчивая о том, как чувствует себя она сама. И в который раз думает, как Мишин голос похож на голос его отца.

Финал балета «Щелкунчик». Маша — Л. Семеняка, Щелкунчик-принц — М. Лавровский.

Репетицию «Жизели» в 1962 году проводит Л. М. Лавровский.

«Союз» — «Аполлон»

Эмблема полета «Союз» — «Аполлон».

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

КОСМИЧЕСКАЯ СТОЛИЦА США

Два года назад я впервые побывал в Центре пилотируемых космических кораблей имени Джонсона. Колоссальная, четко отлаженная машина работала, как ей и полагается, шли, как у нас говорят, напряженные трудовые будни. В этот второй свой визит в Центр я сразу ощутил в обычном ритме космического коллектива особый подъем: осталось совсем немного до намеченного на середину июля совместного советско-американского полета.

Созданный в 1963 году, Центр стал космической столицей США. Сегодня здесь постоянно трудятся четыре тысячи ученых, инженеров, техников, служащих... Семь тысяч специалистов работают по временным контрактам. И, разумеется, есть отряд космонавтов — сорок два человека.

В центре имени Джонсона конструируются, испытываются и совершенствуются космические корабли; отбираются и тренируются космонавты; здесь планируют космические полеты и отсюда же руководят ими; бесчисленные медицинские, научные и инженерные эксперименты — еще одна задача местных специалистов. Нет только пусковой площадки (она расположена во Флориде), но центр управления всеми полетами находится тоже здесь.

В 25 милях от города Хьюстона на большой и тщательно ухоженной территории раскинулось около ста зданий этого космического городка — от девятиэтажного дома, занятого конструкторами, до музея, в котором за эти годы накопилось уже немало исторических экспонатов. Наибольший интерес для многочисленных посетителей и туристов представляет здание № 30, где находится мозг, глаза и уши всего этого комплекса — центр управления полетами. В последние годы стало популярным и здание № 37, где разместилась лаборатория по изучению материалов, полученных с Луны. В здании № 32 — специальная лаборатория, в которой корабли и космонавты, никуда не улетая, оказываются в тех же условиях, какие ждут их на высоте в сотни километров. Эти условия создаются в двух камерах. Вибрацию кораблей изучают в здании № 49, там во время испытаний всегда оглушительный шум, а вот в здании № 14, наоборот, царит мертвая тишина — здесь проверяют средства связи. Огромная центрифуга размещена в здании № 29, где нагрузки, приходящиеся во время испытаний на космонавтов и различное оборудование, даже превышают те, с какими приходится иметь дело на практике.

Нечего говорить, что и не будучи специалистом, испытываешь большое любопытство и приподнятость духа, когда знакомишься с этим космическим Центром, видишь корабли и оборудование, побывавшие на Луне, встречаешься с космонавтами и специалистами. Но сам Центр имени Джонсона — это только голова огромного научно-промышленного комплекса, охватывающего буквально всю страну. Свыше 1 600 научно-исследовательских космических программ разрабатывали за эти годы во всех пятидесяти штатах страны и федеральном округе Колумбия. Около 20 тысяч контрактов с промышленностью США заключил этот Центр.

20 июля 1969 года был, наверное, самый напряженный и радостный день за всю историю Центра. В тот день американский космонавт Нейл Армстронг ступил на Луну. Весь этот проект, включая последующие американские лунные экспедиции, обошелся в 25 миллиардов долларов! Впрочем, широко известно, что космические исследования отличаются космическими затратами. Менее известно о другом — об экономической выгоде, которую приносят с собой эти исследования. В центре имени Джонсона любят подчеркивать (и верно делают!), что изучение космоса имеет самое непосредственное отношение к самым разным сферам человеческой деятельности и уже приносит колоссальный экономический эффект в медицине, метеорологии, геологии, океанографии и во многих других отраслях науки. Еще два года назад, будучи в этом Центре, я получил на руки вполне официальный документ, изданный в 1972 году за № 779-263/802, в котором говорится: «Каждый доллар, вложенный в США в исследования космоса за последние десять лет, принес сегодня четыре доллара».

Естественно, я поинтересовался, какие планы у Центра на будущее, о чем американские специалисты думают сегодня, в середине 1975 года. Здесь считают, что будет развиваться сотрудничество между СССР и США в космосе, и при этом подчеркивают: во-первых, оно служит разрядке напряженности, во-вторых, это экономически выгодно для обеих сторон.

Вот мнение технического директора американской части программы «Союз» — «Аполлон» Гленна Ланни: «Мы убедились, что сотрудничество будет полезно обеим странам. Выиграют от этого мировая наука и человечество в целом». Руководитель отдела программ исследования Луны и планет Р. Кремер заявляет: «От четверти до трети всех запусков к планетам в 70—80-х годах мыслятся как международные проекты». Директор НАСА (Национального управления США по аэронавтике и исследованиям космического пространства) Дж. Флетчер называет международное сотрудничество «единственным реальным средством осуществления таких грандиозных замыслов, как создание крупной станции на околоземной орбите, научной базы на Луне или экспедиции космонавтов на Марс». Представитель НАСА Честер Ли утверждает: «Совместный полет американцев и русских станет не только своего рода «рукопожатием в космосе», но и сложным в техническом отношении экспериментом, который, как можно надеяться, приведет к другим международным космическим полетам. Я полагаю, что этот полет просто необходим. Исследование и освоение космоса будут продолжаться, и совместные эксперименты желательны по экономическим соображениям. Это поможет избежать дублирования и сократить расходы для космических держав».

Это мнение специалистов совпадает с мнением американской общественности, которое отражают, например, данные известной в США справочной службы Харриса: 81 процент всех опрошенных рядовых американцев высказались за дальнейшее тесное сотрудничество двух стран в космосе.

Американский еженедельник «Тайм» пишет: «Закончилась последняя репетиция исторической встречи на орбите американского космического корабля «Аполлон» и советского «Союз». Экипажи обоих кораблей уверены, что предстоящий полет будет успешным. Теперь космонавты встретятся в космосе уже в июле». Предстоящий эксперимент вызывает большой интерес во всем мире. Лондонская газета «Таймс» отмечает: «Американские астронавты говорят, что на них производит большое впечатление уровень советской техники и что у них не возникает проблем во время тренировок в России».

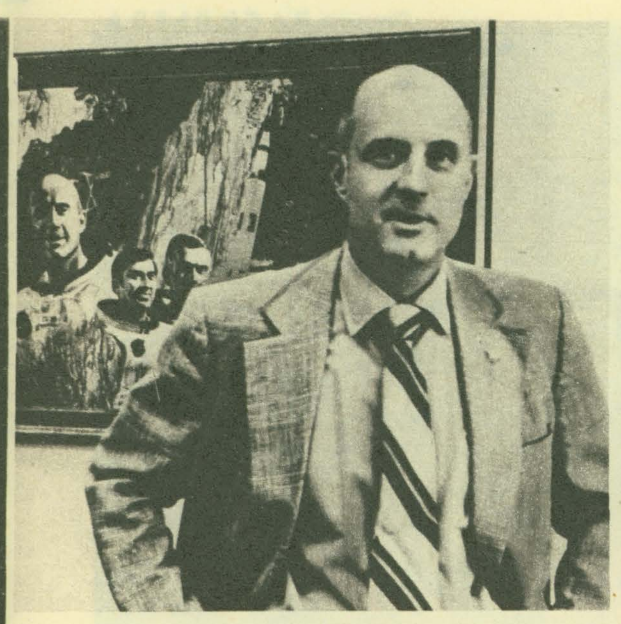
Одновременно с подготовкой к полету по программе «Союз» — «Аполлон» Центр имени Джонсона ведет большую работу по созданию космических кораблей для многократного использования, можно сказать, космических самолетов. Эта программа рассчитана на несколько лет. Продолжается также обработка материалов и данных, полученных в результате полетов на Луну. Но главное сегодня — грядущий полет в июле!

ДРУЖБА И ОБЩЕЕ ДЕЛО

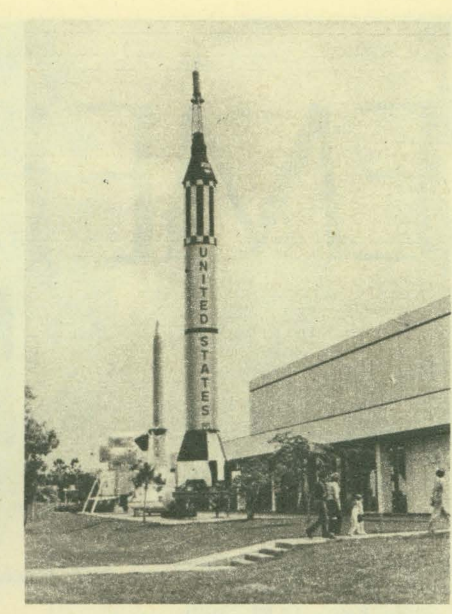
С американскими космонавтами я встречался и в США и в Советском Союзе, причем впервые я увидел их в американском космическом центре на уроке русского языка. Тогда, два года назад, восемь американцев изучали язык с помощью одной преподавательницы. Но вскоре у тех же восьмерых учеников появилось четверо учителей. От четырех до восьми часов в день ежедневно — такова была нагрузка при изучении русского языка. А эта сторона дела очень важна в предстоящем космическом эксперименте! В дни совместного полета только в американском центре будут работать двадцать два переводчика, в совершенстве владеющих русским и английским языками. А как владеют ими космонавты?

Уже два года назад я говорил с американскими космонавтами по-русски. Правда, тогда они только начинали. За два года они многое

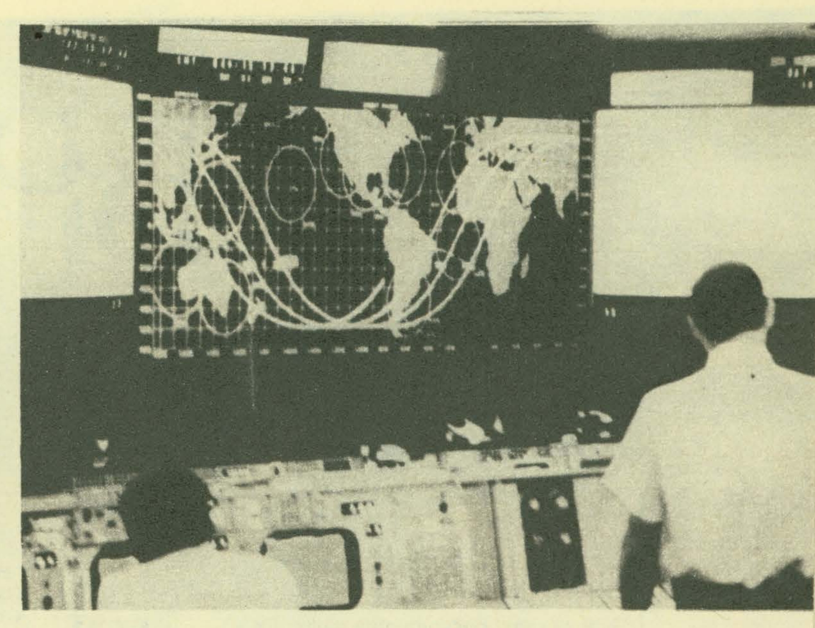
* См. начало в № 22.

Томас Стаффорд, командир «Аполлона».

У входа в музей.

В центре управления космическими полетами.

успели. Не стоят на месте и наши космонавты, изучавшие английский. Американская пресса пишет, что наши космонавты говорят по-английски лучше, чем американские по-русски. Но тут, вероятно, надо учитывать, что, говоря объективно, такой непростой язык, как русский, все же освоить сложнее, чем английский. В Центре имени Джонсона глава всех тамошних переводчиков сказал мне, что в настоящий момент между американскими и советскими космонавтами существует абсолютное взаимопонимание, когда они общаются как на русском, так и на английском языках. Правда, он тут же с профессиональной осторожностью отметил и такую сложность: достигнутое между ними взаимопонимание буквально с полуслова сможет порой озадачить переводчиков, которые будут обслуживать полет с земли; космонавты теперь всегда поймут друг друга с полуслова, а вот поймут ли их диалог так же мгновенно переводчики? Но это, как говорится, вопрос технический, вполне разрешимый. Главное — языковой контакт надежно установлен. И самое главное — прочно установлен деловой и дружеский контакт.

«Мы, американские астронавты и советские космонавты, хорошо поработали вместе и считаем, что полностью готовы к полету. Убежден, что наш совместный полет пройдет хорошо. Я думаю, что это — только начало нашего сотрудничества во имя мира»,— говорит командир основного экипажа «Аполлона» Томас Стаффорд. Иностранные журналисты единодушно отмечают, что отработка как «советской» части программы в Звездном, так и «американской» в Хьюстоне прошла успешно. Командир дублирующего американского экипажа Алан Бин так отзывается о наших космонавтах: «Вы бы непременно пожелали постоянно жить с ними рядом. В самом деле, они были бы прекрасными соседями. С ними хорошо быть вместе».

А вот что рассказывает руководитель подготовки советских космонавтов генерал-майор авиации В. А. Шаталов:

«Сейчас экипажи уже, так сказать, шлифуют свои действия во время стыковки, переходов из корабля в корабль, совместные работы в «Союзе» и «Аполлоне». Все делается так, как будто дело происходит в космосе, и так, как предусмотрено программой, с точностью до секунды. Все это, конечно, не просто. Дорог каждый день. Мы предложили американцам работать до восьми часов вечера, а также по субботам, на что они охотно согласились.

Одновременно экипажи отрабатывают действия в так называемых «нештатных» ситуациях. «Нештатные» — это, другими словами, нежелательные ситуации. Мы, как видите, и их предусмотрели. Самое главное — предусмотрены совместные действия экипажей в таких ситуациях. Для успешного выполнения совместного американо-советского космического эксперимента нужно взаимопонимание между экипажами, нужна слаженность в работе всех, кто этот полет обеспечивает. Я думаю, что нам удалось уже достичь этого. С американскими космонавтами мы близко знакомы уже два с половиной года. Это крепкие, надежные ребята, хорошо знающие свое дело».

Верная характеристика американских космонавтов!

Бригадный генерал авиации Томас Стаффорд в отряде американских космонавтов с 1962 года. Эти его тринадцать лет — пример самой активной космической работы. Он трижды был дублером при проведении полетов по программе «Джемини». В декабре 1965 года вместе с Ширрой на «Джемини-6» встретил в космосе корабль «Джемини-7». Больше пяти часов оба корабля летели вместе. В июне 1966 года с Сернаном летал на «Джемини-9» в качестве командира корабля. Он стыковался в космосе со специальной платформой, запущенной заранее. Был дублером при полете «Аполлона-7». В мае 1969 года Стаффорд, командир «Аполлона-10», окончательно проложил путь к Луне. Он облетел вокруг нее, а потом его «Лунник» отделился от командного отсека, подошел к Луне на восемь миль и благополучно вернулся обратно. И уже только после этого полета, в июле 1969 года, «Аполлон-11» достиг поверхности Луны. Стаффорд в общей сложности провел в космосе 290 часов и совершил там пять стыковок!

Родился Стаффорд в 1930 году. Опытный пилот. У него за плечами 6 200 летных часов, 5 100 из них — на реактивных самолетах. Он соавтор двух книг по аэронавтике. И ко всему прочему Стаффорд — заместитель командира космического отряда.

А командиром отряда является Дональд Слейтон, который тоже примет участие в полете «Союз» — «Аполлон». Слейтону уже 51 год. Он принадлежит к самому первому набору американских космонавтов. Тогда, в 1959 году, в отряд было принято семеро будущих космонавтов. Шесть из них давно прославили себя в полетах. Все, кроме... Слейтона. С ним стряслась беда. Он был уже полностью готов к космическим свершениям, когда в 1962 году у него вдруг обнаружились неполадки в сердце. Медики решительно отстранили Слейтона от полетов, и он вскоре стал командиром отряда американских космонавтов. Нелетающим командиром. Десять долгих лет он боролся со своим недугом. Лечил и тренировал свое сердце. Боролся сам с собой. И в 1972 году медицинская комиссия вернула его в строй!

Железный характер! И непростой жизненный путь. С 1943 года Слейтон — пилот военно-воздушных сил США. Совершил 56 боевых вылетов на европейском военном театре, потом еще семь — на японском. Инженер по аэронавтике, он налетал более 5 тысяч часов, 3 тысячи из них — на реактивных самолетах.

И, наконец, третий член экипажа «Аполлон», который встретится с «Союзом»,— Вэнс Бранд. Родился в 1931 году. С 1953 года — военный летчик (4 500 летных часов, из них 3 670 — на реактивных самолетах, 390 — на вертолетах). Опытный летчик-испытатель. В отряде космонавтов с 1966 года. Был в группе поддержки кораблей «Аполлон-8» и «Аполлон-13», в дублирующем экипаже «Аполлон-15», а также командиром дублирующих экипажей летающих станций «Скайлэб-3» и «Скайлэб-4». Солидный послужной список, но тем не менее в космосе Бранд еще не бывал. Как и для Слейтона, совместный полет «Союз» — «Аполлон» будет для него космическим крещением.

Итак, эти трое американцев должны встретиться в космосе с Алексеем Леоновым и Валерием Кубасовым. И те и другие не только хорошо знают друг друга. Они уже давно стали друзьями. У них одно общее дело. Скоро они пожмут друг другу руки на космической высоте и будут там вместе работать.

«Удивительно простые, общительные и скромные люди»,— так говорят о Леонове и Кубасове в американском космическом центре. «И очень ответственные люди,— добавляет Т. Стаффорд,— они мне очень нравятся. На этих ребят можно положиться!»

И в самом деле, оба наших космонавта имеют у себя за плечами немалый опыт. Леонов был первым в мире человеком, вышедшим в открытый космос. Кубасов первым в мире провел эксперимент по сварке металла в состоянии невесомости.

Алексей Леонов родился в 1934-м. Сибиряк. Любопытно, что будущий космонавт с детства увлекался изобразительным искусством. Всему миру ныне известны его космические рисунки. Военный летчик, ныне полковник, он был среди советских космических новобранцев — Юрия Гагарина, Германа Титова, Андрияна Николаева.

В 1935 году неподалеку от Москвы родился Валерий Кубасов. Сын судового механика. В 1952 году окончил среднюю школу с серебряной медалью, в 1958 году — Московский авиационный институт. Инженер, кандидат наук. С 1966 года в отряде космонавтов.

Леонов и Кубасов удостоены звания Героя Советского Союза за их самоотверженную космическую работу. Они достойно продолжают дело, начатое незабвенным Юрием Гагариным, которого все разведчики Вселенной по праву считают первооткрывателем космоса.

Во время полета «Союз» — «Аполлон» предстоит большая работа: в программу полета входит ряд научных и технических экспериментов, в том числе — наблюдение искусственного затмения Солнца, исследование ультрафиолетового излучения, исследование концентрации атомарного кислорода и азота на больших высотах, работы с универсальной плавильной печью и другие.

Предстоящая совместная экспедиция откроет эру международных космических полетов пилотируемых кораблей. «Две великие державы,— пишет газета «Нью-Йорк таймс»,— которые иногда находили, что трудно жить вместе на Земле, готовятся жить вместе в космосе».

Хьюстон, США.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

ВРЕМЕНА ГОДА

ИЗ КНИГИ «ПОЛЯНА»

●

Я владею бессонницей каждой,
а в бессилье пред нею стою.
Я владею отчаянной жаждой,
а не знаю дороги к ручью.

Безнадежной надеждой владею
и несметною силой тепла.
Я заметно и быстро седею,
а кому я всерьез помогла?

Все стишки,
да словечки,
да байки...
Где ж поступки, свершенья, дела?
Опрометчивым чувством хозяйки
для чего-то ведь жизнь обожгла!

ВЕСЕННЯЯ ПОЛЯНА

Она черна,
и вязки комья.
Она канун зеленых встреч.
Я знаю, будет нелегко мне
ее сегодня пересечь.

Ступаю — значит, убиваю
травы грядущее зерно.
О, как я четко понимаю,
чего случиться не должно!

Но влажно тянет мир жестокий,
преграды башнями встают,
суровой истины истоки
покоя сердцу не дают.

Иду с мечтой освобожденья
добра, попавшего во мрак.
Да, каждый шаг мой — преступленье,
но ради света каждый шаг.

Как увязать все это вместе?
Как избежать невольных бед?
Какой великий кодекс чести
мне даст единственный совет?

●

Галине Дороховой

Родная речь — дарованное благо,
сложным-сложна,
а то простым-проста.
Пусть сожжена бесценная бумага,
слова живут, текут из уст в уста.

Родная речь всегда одноплеменна,
напоена богатством от корней,
и этим, говорят, несовершенно
искусство, тесно связанное с ней:

у музыки вселенские просторы,
у живописи мировой язык.
А тут непостижимы разговоры,
к которым с колыбели не привык.

Но если жизнь отнимет слух и зренье,
лишит движений, голоса лишит,
единственное есть тогда спасенье —
то слово, что в душе твоей дрожит.

Пускай его никто и не услышит,
как верный друг, оно всегда с тобой,
творит тебя, зовет, живет и дышит.
Живет! А значит, ты еще живой.

И этого отнять никто не в силах,
не потому ль так надобно беречь
потоки звучных сочетаний милых,
таинственно сливающихся в речь!

●

Опять весна нас посетила,
опять за песнями гонюсь,
я всех обидевших простила,
перед обиженным винюсь.

Свет неба надо мной прозрачен,
вода речная глубока,
и каждый возглас многозначен,
как плеск волны о берега.

Но почему-то в каждом звуке
и в набегающей волне
я слышу отголосок муки,
завещанной веками мне.

ТЕНЬ

Есть странное чувство в натуре,
порой на себя я злюсь:
огня не пугаюсь, бури —
ночных мотыльков боюсь.

Чем бедные твари эти
могли испугать меня?
Летят в золотые сети
тревожащего огня;

они предо мной бессильны,
пугаться их — просто стыд.
Но помнится полдень пыльный,
по рельсам вагон летит,

покачивается теплушка,
и люди в ней. Теснота.
А рядом со мной старушка:
«Беда,— говорит,— беда,

мне что,— говорит,— мне можно,
пора,— говорит,— давно,
тебя,— говорит,— за что же,
ты махонькое зерно —

и жизни-то не хлебнула,
успеть бы от них уйтить...»
Колеса стучат. Качнуло.
И кто-то кричит: «Летит!!!»

Дверь настежь и — врассыпную
в просторную степь бежать,
и носом в полынь степную
меня окунает мать,

и слышу сначала рокот
все ближе и ближе — вдруг
такой раздается грохот,
что сразу темно вокруг.

Я голову поднимаю
в наполненный солнцем день
и явственно различаю:
по полю несется тень

малюточки самолета,
и кажется в этот миг,
что тень эту сделал кто-то,
игрушка, а где шутник?

Как жарко. И тени, тени.
«Лежи!» — умоляет мать,
а я встаю на колени,
хотя бы одну поймать.

Вот грохот уже подале.
Мать шепчет: «Лежи, нельзя...»
А через минуту: «Встали!
Но только... закрой глаза».

Ладони ее мешают
вокруг оглядеться мне.
Того, что не разрешают,
ведь хочется же вдвойне.

Вот снова бежим по полю
к вагонам — вперед, вперед,
и первое чувство боли
неузнанно сердце жжет.

Покачивается теплушка
и люди в ней. Теснота.
Но рядышком нет старушки.
«Ушла»,— говорят.
Куда?!

Какая тут связь — не знаю
я, глядя на мотылька,
как будто не вспоминаю
далекого далека,
но что-то от тени этой
я чувствую смутно в нем,
отмеченная, как метой,
горячим июльским днем.

Сын скажет: «Сидишь без света,
боишься — влетят слоны?»
Но как объясню, что это
причудливый след войны.

Е. Зверьков. РАДУГА.

Е. Зверьков. ОСИНКИ.

ЛЕТНЯЯ ПОЛЯНА

Славной предзакатною порою,
когда сумрак слаб еще и бел,
стог стоит высокою горою,
дует с речки нежностью сырою,
дует с поля ветер, сух и спел;
и, встречаясь, ветры утихают
на краях желтеющих полос,
иль, попав под дробный стук колес,
снова зашумят, заполыхают.
Солнце низко и красным-красно,
и уходит в никуда оно.
Небо опустелое огромно
с бело-желто-алой полосой,
пусто, неуютно, неукромно.
На востоке возникает темно
ночь. Трава обрызгана росой.
Замирают звуки. Никнут листья.
Тайною окутаны стога.
Ветки узловатая рука
повисает помертвелой кистью,
И восходит неба на краю
лунный круг навстречу соловью,
и своей походкой постепенной
бродит по назначенной черте.
В дальней возникая высоте,
звездные миры всея Вселенной
сильному не выше потолка;
люди, жизни, смерти и века —
все сошлось в лице обожествленном
горечью и радостью любви.
Сладко стать мгновенно окрыленным,
страшно чуять сердцем воспаленным,
что поют и плачут соловьи.
Нет земли. А кто же мы такие?
Эта жизнь — начало иль итог?
И зачем предчувствий жгучий ток
прожигает очи дорогие?
Ветер. Полночь. Дальний крик совы.
Запах сена. Тихий сон травы.

Если взяться за руки и вместе
медленно в сплошную ночь идти,
всех цветов лучистые созвездья
вспыхивают многозвучной вестью,
путая тропины на пути;
и перебегают волны света
с лиц на травы,
с трав на небеса,
и тает бездонные глаза
предопределение рассвета.

●

И все же лето было с нами,
его любовь благодари,
его омытые волнами,
мы доплывали до зари;

я даже трогала руками
и даже руки обожгла
луны морозящее пламя
и чуяла: растут крыла!

Над нами проплывали мимо
сердец и судеб стон и крик —
все это непереводимо
ни на какой другой язык

и требует прикосновенья
не слов, а...
как его назвать? —
то тихое души движенье,
перед которым не солгать.

ОСЕННЯЯ ПОЛЯНА

Ты говоришь: дожди печальные,
и капли первые горьки...
Не вижу в осени отчаянья
и не предчувствую тоски.

Так вдохновенно умирание,
как будто в свой последний час
в ней лишь надежда на свидание
и страх, не огорчить бы нас,

таких беспомощных, мятущихся,
таких уверенных в себе,
таких в неведомое рвущихся,
таких прикованных к судьбе.

Она листву бросает под ноги,
как неразумное дитя,
все наши подлости и подвиги
оплакав щедростью дождя.

И то она сама, не кто-нибудь,
пройдя последние часы,
снега зимы рассыплет по небу
и обморозит нам носы,

потом, весною многозвонною
рискованно оборотясь,
пойдет плести траву зеленую,
над нашей мудростью смеясь.

●

С какого ближнего куста
трель соловьиная звучала?
Дорога к Пушкину проста,
но где лежит ее начало?

Какую шутку он сыграл
с великой легкостью предтечи,
какою карой покарал
он стихотворцев русской речи,

что, достигая высоты,
невиданной, казалось, ране,
никто не достигал черты
и не переступал той грани,

что кажется совсем близка,
мгновение — и уловима...
Но вдохновенная строка
все мимо пролетает, мимо!
Однако счастье — сознавать
таинственность простого слога,
как окна солнцу открывать,
как в темном небе узрить бога.

●

Я буду ждать тебя у поворота.
Идут дожди. И ветер валит с ног.
И ожидать давно прошла охота,
не терпится переступить порог
всех ожиданий и, напившись чаю,
читать, что где-то кто-то вечно ждет.

Я буду ждать. Во тьме я отличаю,
кто издали навстречу мне идет.

Срывает ветер мокрые лоскутья,
бросает ветки худенькие в дрожь.
О господи! Навек неладна будь я!
Зачем стою? Зачем лелею ложь?

Надежной быть? И доброю? И верной?
Смирять себя и жертвовать собой,
чтобы прохожий, просто встречный
первый
поумилялся над моей судьбой?

Куда как нужно! Ухожу, довольно!
Давным-давно любовь моя прошла,
а притворяться совестно и больно.
Я ухожу. И будто не ждала.

Идут дожди.
Я постою немного.
Необъяснимо: я стою и жду,
и мокрая блестящая дорога
уверенно уходит в пустоту.

ГРЯДУЩИХ ДНЕЙ АГИТАТОР

Откройте десятый том полного тринадцатитомного собрания сочинений Владимира Маяковского. На странице 204-й приведен один из агитационно - производственных лозунгов поэта:

Поднять квалификацию
требует пятилетка!
Учись работать —
точно и метко!

В примечаниях сказано, что текст лозунга передавался по радио 17 июля 1929 года и приведен в воспоминаниях одного из руководителей Московского радиоцентра, А. Садовского. «Был ли текст использован для плаката, не установлено»,— сообщает автор примечаний.

И вот он, этот плакат — один из нескольких агитплакатов со стихами В. Маяковского, обнаруженных недавно в частной коллекции научным сотрудником музея Н. С. Ручкиной,— перед нами. Текст на нем позволяет полностью восстановить и уточнить строки поэта:

Идет по-новому
и плавка и ковка.
Отсталым нужна
переподготовка.
Учись работать
точно и метко —
поднять квалификацию
требует пятилетка.

Плакат выполнен художником Я. Черномордиком. На плакате приведены выходные данные: «Тираж 15 000; Гострудиздат, Москва, Старая площадь, 6; 1930».

О создании серии этих плакатов рассказывает в неопубликованных воспоминаниях директор издательства «Вопросы труда» Л. И. Стронгин.

В то время перед издательством, сообщает он, были поставлены вопросы борьбы за поднятие производительности труда, повышение культуры производства и трудовой дисциплины; за улучшение условий труда и быта рабочих. Было решено привлечь к работе Маяковского. На просьбу издательства поэт ответил: «Дело полезное... Охотно готов с вами сотрудничать...»

Пришел в издательство, энергичный, настроенный по-боевому: «Люблю живое и конкретное дело. Если вы воспылали таким благородным желанием — всерьез и широко развернуть издание агитплаката, с удовольствием включусь в него».

— А я, признаться, считал великим грехом урывать у вас время для работы над такой «скучной материей», как наши плакаты, — признался руководитель издательства.

— Не беспокойтесь! — возразил Маяковский.— «Скучная материя»? Наоборот, я польщен возможностью и здесь вступить в контакт с рабочей аудиторией. Мечтаю, чтобы мои плакаты и подписи к ним дошли до сознания молодежи, чтобы молодежь заучивала и распевала их, как частушки. Правда, здорово было бы!.. Могу обещать только одно — работать буду.

Маяковский не только писал тексты для плакатов, но и помогал рабочим литографии подбирать краски для них, вникал во все детали издания, а когда плакат выходил в свет, проверял, как он «работает», выполняет ли свое назначение.

У Л. И. Стронгина возникло предложение: изобразить на одном из агитационных плакатов самого автора текстов, увековечить для «товарищей потомков» грядущих дней агитатора.

Маяковский отверг это предложение: «Это могут расценить как саморекламу. Она претит мне...»

И все же работа над плакатом с изображением Маяковского, где призывалось навести порядок при выдаче зарплаты, была поручена художнику В. Костяницыну. Плакат был сдан в производство до 14 апреля 1930 года и выпущен после смерти поэта (летом 1930 г.).

Уникальные плакаты, в том числе и неизвестные, будут экспонированы в музее поэта.

Владимир МАКАРОВ,
директор Государственного
музея В. В. Маяковского

Юрий КОРНИЛОВ

В ГОСТЯХ У ЖОРЖА СИМЕНОНА

Если и есть на свете человек, являющий собой полную внешнюю противоположность знаменитому комиссару Мэгре, то это, несомненно, его создатель Жорж Сименон. Комиссар, как известно, человек массивный, грузный, медлительный в движениях, он любит посидеть за кружкой пива, не спеша поразмыслить об обстоятельствах очередного запутанного преступления. Писатель, давший жизнь Мэгре, напротив, худощав, подтянут и, несмотря на свои 72 года, чрезвычайно подвижен, пива не любит, а угощает нас легким сухим шампанским из винограда, выращенного на гористых берегах Роны.

— Почему-то бытует мнение, что Мэгре — образ во многом автобиографический. Это — недоразумение, уверяю вас. Работая над первым произведением, в котором выведен Мэгре,— а это была книга «Питер-литовец», вышедшая в свет еще в 1929 году,— я отнюдь не обращался к собственной биографии, тем более что она начинается с такой далекой от сыскной полиции сферы, как должность продавца в книжном магазине, а использовал впечатления, полученные позднее в полицейском управлении Парижа, куда я был вхож как газетный репортер и начинающий литератор, подписывавшийся псевдонимом «Сим». Но по мере того, как одна книга о Мэгре сменяла другую, образ главного героя развивался уже сам по себе. Помните, в повести «Смерть Сесили» приезжий американец расспрашивает Мэгре о его методе? «Я их чувствую...»,— говорит комиссар о тех, с кем он встречается на пути к выявлению истины. Так же я могу сказать о самом Мэгре: я его чувствую. А когда для писателя его герой перестает быть просто плодом воображения, а становится живым человеком, этому герою уже нельзя навязывать несвойственные ему черты, привычки, склонности. Он живет сам по себе, его поступки определяются внутренней логикой его характера. То же касается и супруги комиссара. Меня иногда спрашивают: кто послужил прототипом мадам Мэгре? Никто. Просто рядом с комиссаром должна быть именно такая женщина, как она, вот и все...

Я спрашиваю Сименона, произведения каких авторов могут, на его взгляд, считаться классикой детективной литературы. Что он думает о Конан Дойле? Об Агате Кристи?

— Дедуктивный метод — это талантливо. Я познакомился с похождениями Шерлока Холмса, когда мне было лет двенадцать, и кое-что помню до сих пор. О ком вы спросили еще? Кристи? Таковую не читал...

Мы беседуем с Жоржем Сименоном в его доме на окраине Лозанны. Этот старинный одноэтажный дом, построенный в середине XVIII века на склоне крутого холма, состоит, не считая подсобных помещений, из одной очень большой, очень светлой комнаты с розовыми стенами, которая служит писателю и кабинетом и спальней. Много свободного пространства, много воздуха. Белая мебель создает впечатление больничной, почти стерильной чистоты, в шкафу вместо книг — коробочки с магнитофонными пленками. Но где же рабочий стол писателя?

— Ручку и бумагу мне успешно заменяет диктофон,— улыбается Сименон.

Лозанна, чьи живописные старинные кварталы ярусами сбегают с крутых холмов к синему Женевскому озеру, и близлежащие к ней городки издавна избираются местом жительства многими видными деятелями литературы, искусства. Здесь, в небольшом городке Морж, на протяжении ряда лет жил знаменитый композитор Игорь Стравинский, чьи сочинения вошли в репертуар симфонических оркестров всего мира, в соседнем Веве расположена вилла прославленного мастера мировой кинематографии 86-летнего Чарльза Чаплина, неподалеку живет и знаменитая актриса Элизабет Тейлор. Это, конечно, не случайно. Озеро в кольце молчаливых заснеженных гор, виноградники, возделанные прямо на скалистых, обрывистых кручах, тишина, чистый воздух, от которого щекочет в горле,— не так-то просто найти в сегодняшней, задыхающейся от бензиновых испарений и заводских дымов Западной Европе другой подобный уголок! И вот еще что, наверное, привлекает многих: в какую сторону ни поедешь от Лозанны по зеркальным швейцарским автострадам — всюду открываются увлекательные страницы истории. То встретится горная деревушка, где, по преданию, бывал легендарный Вильгельм Телль, то дом с мемориальной доской: «Здесь жил и творил Вольтер»,— то шоссе приведет к крутому альпийскому перевалу, где в 1799 году славные суворовские егери стремительной атакой взяли считавшийся неприступным Чертов мост. Неподалеку от Лозанны, на восточном берегу Женевского озера, высятся на фоне заснеженного зубчатого массива Дан-дю-Миди угрюмые серые стены и сторожевая башня Шильонского замка. В этом замке в начале XVI века принц Карл III Савойский заточил в темницу Франсуа Бонивара, одного из вождей «детей Женевы», выступавших за независимость своего города. Почти триста лет спустя Байрон, посетивший Шильон, услышал здесь рассказ о Бониваре, увидел и каменную колонну, к которой был в течение шести лет прикован цепями вождь свободолюбивых швейцарцев,— так родилась поэма «Шильонский узник». Сейчас, беседуя с Сименоном, мы вспоминаем об этой поэме, говорим об истории Шильона, о его средневековых темницах и камерах пыток — каким великолепным «фоном» мог бы послужить этот овеянный мрачными легендами замок для приключенческой или детективной повести!

Жорж Сименон во время беседы.

Фото П. Егорова (ТАСС).

— Может быть, может быть,— соглашается Сименон.— Но для меня детективные повести, романы, рассказы — дело прошлое, перевернутая страница...

Жорж Сименон, бесспорно, один из самых популярных современных западных авторов. На его писательском счету свыше 220 книг, почти все они изданы не только на французском, но и на многих других языках, более 40 произведений экранизировано. Подсчитано, что каждые три дня в мире выходит один «Сименон» — переиздание или перевод. Чем же вызвано решение писателя прекратить работу в детективном жанре?

— Еще несколько лет назад один журналист, будучи в моем доме, увидел вот эту дюжину трубок и написал: «Коллекционирование трубок — хобби Сименона». Он ошибся: это не коллекция, а просто трубки для курения. А если уж говорить о моем настоящем хобби, которому я не изменял более полувека, то это — коллекционирование человеческих характеров. Вы спрашивали меня о вершинах и законах детективного жанра. Убежден: любой литературный жанр, в том числе и детективный, хорош только при том условии, если на страницах книги присутствуют не манекены, а живые люди со всеми их достоинствами и недостатками, может быть, пороками, а автор старается в меру способностей и сил понять этих людей, объяснить причины их поступков...

Он взял с камина красную вишневую трубку, не спеша набил ее ароматным голландским «Клэном».

— За долгие годы жизни я встречался со многими людьми и с неизменным интересом старался понять, изучить их — теперь, на склоне лет, мне хотелось бы разобраться в себе самом. Правда, издатели, кинорежиссеры, телевизионные компании продолжают с удивительным упорством атаковать меня, требуя, чтобы комиссар Мэгре вновь появился на страницах книг, на теле- и киноэкранах, но двери этого дома прочно закрыты для них, как, впрочем, и для журналистов. Исключение, как видите, сделано только для вас. И знаете, почему?

Он улыбается, лукавые морщинки стайкой разбегаются от глаз.

— Мой прадед был солдатом в армии Наполеона, участвовал в русском походе 1812 года. Под Москвой его тяжело ранило в ногу осколком снаряда. Отступая, наполеоновская армия вывозила раненых на телегах, бросая многих по пути. Моему прадеду повезло: ему удалось добраться до Фландрии, но там боли от раны так обострились, что товарищи решили оставить его в деревенском доме, повстречавшемся на пути. Добрая женщина-крестьянка выходила раненого солдата, а он, увлекшись ею, предложил ей руку и сердце и навсегда остался во Фландрии. Такова история моих предков.

Но вот что странно: фамилия Сименон — и на это обратили внимание еще мои родители — уникальна. Я в свое время даже провел специальные изыскания на этот счет: такой фамилии не встречается ни во Франции, ни в других европейских странах, где говорят по-французски,— Бельгии, Швейцарии. В чем же дело? Семейное предание имеет на этот счет определенный ответ: оно гласит, что раненый под Москвой солдат, ставший волею судеб мужем доброй фламандки, вовсе не являлся французом, а был русским, который в результате ранения попал в плен и был насильно вывезен, а затем брошен во Фландрии отступающей армией. И фамилия у этого солдата была самая что ни на есть русская: Семенов. Только впоследствии жители фламандской деревушки трансформировали эту фамилию в более удобную для них в смысле произношения — Сименон...

Он видит изумление на наших лицах и заразительно смеется:

— Я знал, что наше семейное предание заинтересует вас! Вот мне и захотелось встретиться с вами — ведь мы, быть может, в какой-то мере соотечественники. Впрочем...— Писатель вновь говорит серьезно:— Впрочем, семейная легенда — это, конечно, только легенда, которую невозможно доказать, хотя нельзя и опровергнуть. А вот другие факты о моей связи с Россией, не нуждающиеся в доказательствах: моя мать, женщина небогатая, зарабатывала на хлеб тем, что сдавала внаем комнаты. В ту пору — лет шестьдесят с лишним назад — в Париже жило много русских и польских студентов, эмигрантов-социалистов, которые и являлись нашими главными квартирантами. Они-то и привили мне любовь к литературе, а первыми литературными произведениями, которые я прочел, были произведения не французских, а именно русских классиков — Достоевского, Гоголя, Чехова. Потом, разумеется, я познакомился с другими писателями, в том числе с Фолкнером, чьи произведения особенно высоко ценю, но первыми были, повторяю, писатели русские. Я навсегда полюбил великую русскую литературу и глубоко убежден, что именно эта литература достигла вершин, которые не превзойдены и поныне...

Он помолчал, задумавшись о чем-то.

— Да... Великие литературные образцы недостижимы, но с возрастом, вновь и вновь перечитывая произведения мировых и прежде всего русских классиков, все сильнее ощущаешь необходимость взвесить прожитое и пережитое на весах времени. Писать об этом трудно: белый лист бумаги, лежащий на сто-

ле, всегда напоминает о работе, которая еще не сделана и которую надо сделать, тем более что контракт подписан, издатель ждет; а ведь раздумья о жизни не втиснешь в рамки контракта... Вот почему я не пишу более, а, сидя перед диктофоном, просто размышляю вслух о прошлом, о людях, с которыми довелось встречаться, о своих близких и друзьях, многие из которых уже покинули этот мир. Надиктованный таким образом материал вошел, в частности, в книги «Следы шагов», «Письма матери». Что это, мемуары? Нет, так их не назовешь, тем более что они лишены хронологической стройности. Скорее это раздумья о жизни, о людях, с которыми довелось встречаться, о том, как важно лучше понимать друг друга и всегда оставаться самим собой, чтобы противостоять пошлости, несправедливости...

Он продолжает говорить, а я слушаю его и думаю о том, что при всем внешнем различии писателя и его знаменитого героя между ними, несомненно, существует глубокое духовное родство. Комиссар Мэгре — тот Мэгре, который выведен в повестях «Цена головы», «Смерть Сесили», «В подвалах отеля «Мажестик» и других лучших произведениях Сименона, тот Мэгре, которого с таким блеском сыграл в кино Жан Габэн,— это вовсе не некий гениальный «суперсыщик», своими успехами в раскрытии преступлений он обязан прежде всего глубокому знанию психологии представителей различных слоев современного буржуазного общества. Он не скрывает, а, напротив, подчеркивает свои симпатии к «маленькому человеку» этого общества, который, будучи задавлен бесчисленными жизненными тяготами, со страхом взирает на тупо вращающиеся маховики полицейской машины и делает все, чтобы, действуя вопреки логике окружающего его мира, где всегда виноват слабый, а сильный торжествует, восстановить истину и справедливость. Но эти качества — глубокое знание людей, симпатии к «маленькому человеку» — свойственны и самому Сименону. Не в этом ли главный секрет успеха его лучших книг, которые так выделяются в безбрежном потоке издающихся на Западе детективов и о которых многие крупные писатели-реалисты отзываются как о значительном явлении французской литературы?

Наш хозяин открыл широкую стеклянную дверь, выходящую прямо на зеленую лужайку, посреди которой высится гигантский ливанский кедр — бережно сохраняющийся уголок живой природы, со всех сторон сжатый современными многоэтажными домами — башнями из бетона, алюминия и стекла.

— Много лет назад некий богатый ливанец приехал в Швейцарию, чтобы вылечиться от тяжелого недуга. Здешние медики помогли ему, и в благодарность он прислал Лозанне 200 саженцев ливанского кедра. Перед вами единственное дерево, сохранившееся с тех пор, ему 220 лет. Этот участок земли, а следовательно, и кедр — моя собственность, однако я не вправе не только срубить кедр, если бы даже мне пришла в голову такая сумасбродная мысль, но несу ответственность перед городскими властями за его сохранность и обязан немедленно сообщать в управление по охране памятников о каждом случае, когда ветер или забредший на поляну мальчишка сломает ветку. Дерево — одна из достопримечательностей города, и мне очень по душе, что город так заботится о нем. Беречь и любить окружающую нас природу — как это важно и для нас и для грядущих поколений! Природа, которая подвергается в наш индустриальный век таким серьезным опасностям, зовет людей к большему взаимопониманию, к сотрудничеству — об этом я тоже хочу сказать в своих эссе...

Мысль его снова возвращается к России.

— Я был в Советском Союзе лет десять назад — в Одессе, Батуми. В памяти остались не только удивительно яркие, живописные краски этих южных краев, но и какое-то особое дружелюбие, приветливость людей — с этими качествами редко сталкиваешься здесь, на Западе. Однажды я гулял с внучкой по Одессе, к нам подошли незнакомая дама и мальчик, он протянул моей внучке несколько ярких гвоздик, они улыбнулись и пошли дальше... Штрих, незначительная деталь? Для Парижа, Брюсселя, Нью-Йорка, для любого западного города, где мне довелось жить, это был бы необыкновенный, исключительный эпизод. Думается, человеческие отношения сохранили в вашей стране редкостное для нашего времени качество — искренность, душевную теплоту.

Он взглянул на часы и закончил:

— Будете писать о нашей встрече — передайте самый сердечный привет моим советским читателям. Так и напишите: из Лозанны советским людям шлет дружеский привет писатель Георгий Семенов, известный в литературе под именем Жорж Сименон.

Лозанна — Москва.

после выступлений «Огонька»

«220 ПРОТИВ 127?»

Читателям «Огонька» отвечают: заместитель министра торговли РСФСР С. Е. САРУХАНОВ, заместитель начальника Главторга Мосгорисполкома М. И. КАРЗАНОВА, заместитель начальника технического управления Министерства электротехнической промышленности СССР В. И. КУКОЛЕВ и заместитель начальника Главмосжилуправления Г. А. ПОРЫВАЙ.

После опубликования в «Огоньке» (№ 2 за 1975 г.) заметки «220 против 127?», в которой говорилось о недостаточном выпуске бытовых электроприборов напряжением 127 вольт, в редакцию пришло несколько официальных откликов. В их ряду письмо заместителя начальника технического управления Минэлектротехпрома В. Куколева. Ссылаясь на существующие постановления и приказ министра, он отмечает, что «разработка новых электробытовых приборов на 127 вольт с длительным сроком пользования (стиральные машины, пылесосы, приборы микроклимата и др.) нецелесообразна».

Нецелесообразна? Почему? Об этом тов. Куколев пишет, приводя не аргументы, а ссылку на то, что намечается перевод «на напряжение 380/220 вольт». Намечается! А сейчас? Столь своеобразно понимаемая целесообразность и привела к тому, что торговля вот уже несколько лет не получает нужных населению приборов. Покупатель обращается в магазин, торговля делает заказ промышленности. И здесь логическая цепочка прерывается. Промышленность отвечает: «Нецелесообразно». И все!

Но вот заместитель министра торговли РСФСР С. Саруханов придерживается иной точки зрения. Он пишет:

«Несмотря на то, что торговые организации в Москве и Ленинграде предъявляют промышленности требования о выпуске электробытовых товаров на напряжение 127 вольт, предприятия в целом ряде случаев не удовлетворяют заявок на эти товары. Министерство торговли РСФСР обратилось к Министерству электротехнической промышленности СССР с просьбой обязать подведомственные предприятия обеспечить выпуск и поставку электроприборов и бытовых машин на напряжение 127 вольт в соответствии с требованиями торговых организаций».

Озабоченностью, желанием решить вопрос проникнуто и письмо М. Карзановой. Она сообщает, что только «в результате неоднократных настоятельных требований торговых организаций удалось добиться того, что несколько московских заводов приняли заказ на выпуск приборов 127-вольтного напряжения». Вместе с тем, подчеркивает автор письма, «многие электротовары (полотеры, электроплитки, электромясорубки, электросоковыжималки, электросамовары, электрогрелки) рассчитаны только на 220 вольт, на что поступают обоснованные жалобы покупателей...» Даже поставка электроламп на 127 вольт производится крайне неравномерно.

А вот еще одно мнение. «Главмосжилуправление поддерживает вопросы, затронутые в заметке «220 против 127?»,— пишет Г. Порывай.

Так обстоит дело. Очевидно, Минэлектротехпром поспешил с выводом о «нецелесообразности» выпуска 127-вольтных изделий. Они, как видим, нужны. Логичнее всего было бы, видимо, сначала перевести всю электросеть на 220 вольт, а уже затем прекращать производство изделий на иное напряжение. Сделано же наоборот. Как говорится, телега поставлена впереди лошади, так далеко ли уедешь?

«ТАЕЖНЫЕ МАРОДЕРЫ»

В репортаже, опубликованном в № 4 «Огонька» за нынешний год, говорилось о прискорбных случаях, происходящих в Катангском районе, Иркутской области. К сожалению, в тайгу проникают люди, не уважающие нелегкий труд охотников и разоряющие зимовья и охотничьи угодья. Как бороться с этим злом в районе, площадь которого составляет 138 тысяч квадратных километров? Кто образумит таежных мародеров, призовет их к порядку? — спрашивал автор репортажа.

Редакция получила письмо от начальника управления внутренних дел Иркутского облисполкома полковника В. ИВАНОВА.

Репортаж обсуждался сотрудниками служб УВД Иркутского облисполкома и коллективом Катангского районного отделения внутренних дел. В район расположения охотничьих зимовий, о которых шла речь в «Огоньке», выезжал сотрудник УВД Иркутского облисполкома. Далее в письме говорится: «В декабре 1974 года состоялась сессия Катангского районного Совета депутатов трудящихся, на которой обсуждался вопрос о состоянии и мерах укрепления общественного порядка и усиления борьбы с правонарушениями. В своем решении сессия наряду с другими мерами обязала административные органы района и руководителей коопзверопромхоза принять дополнительные меры к усилению борьбы с лицами, избегающими оформления разрешений на ведение охоты и нарушающими порядок прописки».

Полковник Иванов сообщает, что Катангское райотделение внутренних дел систематически проводит работу по выявлению и привлечению к ответственности лиц, разоряющих охотничьи угодья. В прошлом году работники милиции с помощью общественности проверили 400 из 520 зарегистрированных в районе охотничьих угодий. Сами местные жители ревностно соблюдают традиционные правила охоты и в основном обеспечивают сохранность зимовья. Случаев разорения зимовий немного, но, к сожалению, они не всегда становятся известны сотрудникам милиции.

А как обстоит дело с теми конкретными случаями, о которых рассказывалось в репортаже «Таежные мародеры»? Люди, разорившие зимовье охотника Сафьянникова в урочище «Чайка», до сих пор не обнаружены. Виновники же разорения зимовья другого Сафьянникова — в урочище «Мога» — найдены. «Оказалось, что это родственники потерпевшего,— пишет полковник Иванов,— А. Н. и Р. С. Сафьянниковы, рабочие Преображенского отделения коопзверопромхоза. Убытки, причиненные ими охотнику, возмещены, о виновных сообщено коопзверосовхозу»...

В заключение начальник УВД Иркоблисполкома пишет: «Управлением внутренних дел Иркутского облисполкома и отделением внутренних дел Катангского райисполкома принимаются дополнительные меры по предотвращению случаев, изложенных в репортаже».

НАШ ПРИЗ У ГОРЬКОВЧАН

В хоккей играют настоящие мужчины, как поется в популярной песенке, здесь требуется смелость, боевой задор, стремительный темп, но именно поэтому силовая борьба ограничена суровыми правилами, и нарушения безжалостно караются штрафом. Поощряя команды, которые умеют побеждать с наименьшим числом нарушений, журнал «Огонек» пять лет тому назад учредил переходящий приз справедливой игры — фарфоровую вазу, специально изготовленную на Ломоносовском заводе.

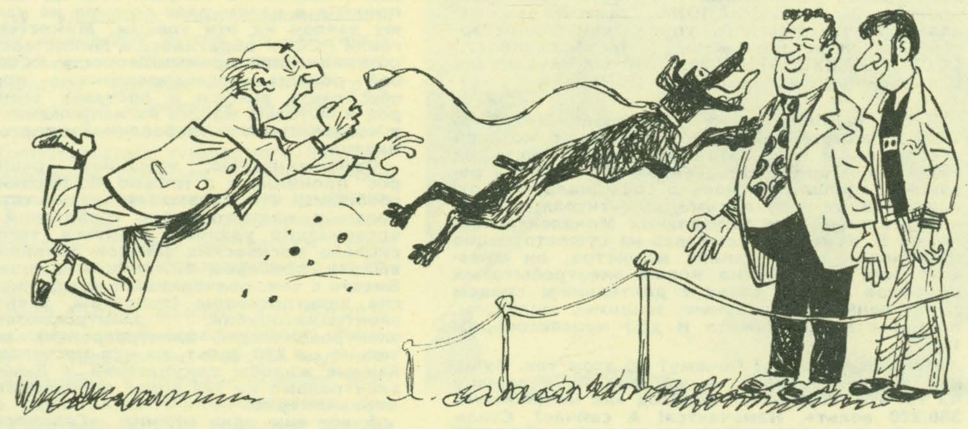
Дважды наш приз завоевывали хоккеисты ЦСКА, по одному разу он побывал в командах «Спартак» и «Крылья Советов». В этом году фарфоровая ваза будет вручена горьковским торпедовцам. Они набрали наименьшую сумму очков — 309 (торпедовцы, как и все участники Всесоюзного первенства, перед началом чемпионата получили по 200 условных очков, к которым они приплюсовали 251 штрафную минуту и смогли вычесть из образовавшейся суммы цифру 142 — число заброшенных шайб).

Наши прошлогодние лауреаты, хоккеисты команды «Крылья Советов», оказались на четвертом месте, получив 361 очко.

Василий **АРДАМАТСКИЙ**

Двое в одной квартире и собака...

РАССКАЗ-ИСПОВЕДЬ

Если однажды жена скажет вам, что она решила приобрести собачку, немедленно, не раздумывая, бросайте жену, дом и уходите в степь, в глушь, в Саратов, к тетке...

Я этого не сделал, и в один памятный день в нашей квартире появился купленный случайно пес породы доберман-пинчер по имени Зеро. Конечно, ума палата. Если ты не услышишь, что он повизгивает, и не выведешь его во двор, он делает свое дело только в одном месте, в углу за шкафом, где стоит мое любимое кресло. А во время прогуливания он делает это где попало, и тогда соседи, у которых дети, говорят тебе такое, будто тот след оставил ты сам. А прогуливать его, конечно, должен я, так как это мне полезно. Спрашивать, почему не идет с собакой она, бессмысленно. Миллион причин: я не причесана, я жду звонка подруги и т. п. Создается впечатление, что я предназначен для обслуживания Зеро, а она — для демонстрации гостям его ума и красоты.

Дальше — больше. Пес был продан нам как высокопородный, и это вызвало ужасные последствия. Однажды жена объявила мне, что в субботу и воскресенье у нас будет Елена Модестовна со своей Пальмой.

— Зачем?— спросил я, сатанея. Я не выносил эту нервную даму с трубным голосом.

— У нашего мальчика и у ее девочки пора любви,— кокетливо ответила жена.

— Но почему в субботу и воскресенье?— взвыл я.

— Потому что...— ответила жена тем тоном, когда дальше развивать любую тему опасно.

По гроб жизни не забуду ту субботу и то воскресенье... Зеро Пальму не полюбил. Он и смотреть на нее не хотел. Сватовство кончилось тем, что в воскресенье к вечеру разразилась ссора между женой и Еленой Модестовной. Затаив дыхание, я слушал, как они сперва оскорбляли собак, а потом друг друга. Елена Модестовна поклялась памятью матери, что ноги ее у нас не будет. И ушла, волоча на поводке свою отвергнутую Пальму.

Утром вдруг у собаки горячий нос. Жена кричит в истерике:

— Немедленно звони Аристарху Плутарховичу!

Звоню — занято. Набираю еще раз — занято. Пока скажу вам, кто такой Аристарх Плутархович. Он профессор-этимолог. Одновременно он лучший диагност по собачьим болезням. Его диагнозы не подвергают сомнению даже в ветеринарной академии. Так, по крайней мере, говорит моя жена. Его вызывает даже Георгий Иванович Буранов. Кто такой этот Буранов — не знаю, а спросить у жены не решаюсь — боюсь разгневать своим незнанием знаменитостей собачьего мира.

Но вот наконец свободен телефон Аристарха Плутарховича, и я слышу голос.

— Аристарх Плутархович,— начинаю я, но в ответ:

— С вами говорит его секретарь.

— Может ли Аристарх Плутархович сегодня посмотреть нашу собаку?

— Вы смеетесь. Я могу записать вас на субботу в десять сорок пять.

— Спасибо.

На другой день нос у собаки холодный. Но спустя три дня, в субботу, мы не едем, как собирались, на дачу, ждем Аристарха Плутарховича. Он появляется после полудня. Изящный старичок. лакированно безволосый, с бабочкой вместо галстука. Осмотрев нашу собаку, он с минуту сидел, уставясь научным взглядом на свои двуцветные ботинки, и чмокал губами. А затем сказал:

— Купите витамин В и включайте его в утренний рацион. Через недельку созвонимся, я посмотрю его еще раз в надежде, что мое опасение напрасно...

После этого он взял двадцать рублей и ушел. Тут жена задумалась. А я в бешенстве подсчитал, что мне за эти двадцать надо вкалывать минимум два дня.

Пес начал линять, и жена объявила, что надо пригласить или Лидию Брониславовну, или Анжелику Никаноровну. Это лучшие в Москве чесальщицы собак.

— Дай мне густую расческу, я сделаю это сам,— сказал я. Жена закатила глаза...

Звоню Анжелике Никаноровне. По телефону заявки принимал мужчина. Наверно, ее муж. Есть же у людей счастливые должности. Он записал нас на утро в воскресенье. Опять погибало воскресенье.

Анжелика Никаноровна оказалась солидной дамой с отчетливыми усами под баклажанным носом. Разложив перед собой целый арсенал щеток и гребешков, она принялась вычесывать шерсть из нашей собаки и при этом без умолку рассказывала страшные истории из жизни столичных собак. Как у одного академика королевский пудель попал под трамвай, а его хватил инфаркт — академика, естественно. Как у заслуженной оперной артистки украли черную овчарку, увезли в Осетию и она — овчарка, естественно, дико отощавшая, прибежала с Кавказа в Москву и через час сдохла.

Я слушал все это, и перед глазами у меня стоял финал драмы, рассказанной Антоном Павловичем Чеховым. Уверен, что суд оправдал бы и меня. Но у меня не было подсвечника, и поэтому Анжелика Никаноровна ушла от нас живая и унесла десятку...

Я мог бы поведать и еще кое-

Варлен **СТРОНГИН**

Открытие

Мы с сыном играли в прятки. Пришла моя очередь водить.

— Раз, два, три, четыре, пять! Я иду искать! Пора?

Сын молчит. Значит, пора. Заглянул я под стол, под кровать — ребенка нет. Шкаф открыл — одни вещи. За креслом тоже его нет. В ванной пусто. У нас двухкомнатная квартира. Больше вроде прятаться негде. Может, вышел? Дверь закрыта на цепочку. Я стал волноваться. Жена подключилась к поискам. Еще раз, не доверяя мне, осмотрела всю квартиру. Даже заглянула в ящики стола.

— Леша, выходи! — кричит.— Я тебя прошу!

Молчание.

— Выходи! Я сбегаю за мороженым!

Снова ни ответа, ни привета. Тут мы вместе кричать начали. Жена просто в истерике. Наконец появляется сын.

— Где ты был? — спрашиваем.

— Там.

— Где там?

— Там. В четвертом измерении.

— Что? В каком еще измерении?

— В четвертом. Есть три измерения. А я открыл четвертое измерение.

Тут мы с женой пооткрывали рты.

— Сынуля,— нежно говорит жена,— покажи нам это... четвертое измерение. Возьми нас туда с собой.

— Нельзя,— говорит сын.— Вы все узнаете, и куда же я потом буду прятаться? Я с собой возьму Юрку, Игоря и Васю. Мы там будем играть в хоккей. Двое на двое. Сколько захотим! И никто из вас нам не помешает!

Испугался я не на шутку. Побежал в научно-исследовательский институт.

— Так и так,— говорю,— хотите — верьте, хотите — нет, но мой сын открыл четвертое измерение!

— Хм! — ухмыльнулся лысоватый, видимо, умный сотрудник.— А он у вас мысли на расстоянии не отгадывает?

— Нет.

— Пальцами не видит?

— Нет.

— Странно. Я думал, у него все признаки исключительности в комплексе.

— Он на самом деле открыл четвертое измерение! На наших глазах ушел в это измерение и вернулся!

— Вы сами видели?

— Как уходил, не видел. Я тогда водил. Но он был там. У нас в квартире больше прятаться некуда. А вот как он вернулся, видел.

— Как?

— Появился. Прямо из-под земли.

— Из какой еще земли?

— Точнее, из-под пола.

— У вас что, подпол есть?

— Нет. Мы живем на четвертом этаже. Откуда у нас подпол? Даже кладовой нет.

— Знаете что, папа, не морочьте мне голову. У нас хотя и научно-исследовательский институт, но работа тоже есть.

— Понимаю,— говорю,— я ради науки и пришел. Помогите мне. А то сын без конца будет пропадать в этом измерении.

что из своей собачьей жизни, но сразу перейду к ее концу...

В мае месяце, как сейчас помню — десятого мая, жена сообщила мне, что предстоит общегородская выставка собак, на которую мы поведем нашего Зеро, и все ее знакомые уверяют, что медаль нам обеспечена. До выставки оставался месяц.

Подробности опускаю. Только самое главное... Жена точно установила, что на этих выставках просто так медаль не получишь, надо иметь ход к эксперту по доберманам всесоюзной или, на худой конец, республиканской категории. Она куда-то звонила, куда-то ездила, а я каждый день, вернувшись со службы, выслушивал ее рассказы о том, какие интриги сплелись в клубок вокруг этой собачьей выставки. Но все же прорвалась к кому надо и имела какой-то положительный разговор...

Накануне выставки разразилась катастрофа — выяснилось, что заказанный женой специальный для этого торжества брючный костюм, в котором она собиралась красоваться вместе с собакой, не будет готов. На выставке собаку буду выводить я. Так как мне могут быть заданы вопросы по науке собаководства, я всю ночь зубрил книжку, из которой узнал, что доберманов вывел немецкий собачник Луис Доберман и что в Россию первые собаки этой породы были завезены на заре нашего века...

Итак, выставка. Перо бессильно описать мое идиотское самочувствие, когда я, панически боясь увидеть среди публики моих сослуживцев, ввел собаку в обнесенный веревкой сектор доберманов и встал в шеренгу собаковладельцев. Все они волновались, как школьники перед экзаменом. Даже я из-за них начал волноваться. Рядом со мной стояла дама в лилово-серебристом парике, в ярко-зеленом брючном костюме и сапожках на платформе. Ее доберман блестел, будто был облит лаком, и он все время норовил уйти от дамы. Она так дергала за поводок, что я взмолился за собаку, сказав, что ему же, наверное, больно. Дама одарила меня злым взглядом и произнесла одними губами: «За дисциплину в секторе ставится очко».

И вот я стою, как идиот, с нашим Зеро. Жена находится за веревочным барьером и наблюдает за нами, прижав руку к сердцу. И вдруг я замечаю сбоку за веревкой парня, который как-то странно смотрит на нашего Зеро и что-то говорит пожилому человеку. Тот тоже странно уставился на Зеро. А затем негромко, но внятно произносит: «Жако». В следующее мгновение Зеро, вырвав из моих рук поводок, бросается к мужчине и начинает на него прыгать, пытаясь лизнуть его в лицо. И при этом визжит от счастья. Мужчина, как конферансье, объявляет:

— Товарищи, этот доберман краденый! Украли у нас!

Я увидел, как моя жена побледнела и схватилась за ствол дерева...

В милиции все было, как положено в милиции: допрос, протокол. То, что наша собака краденая, не вызвало сомнений даже у моей жены.

— Мерзавцы! Негодяи!..— тихо воскликнула она, смотря в пространство.

— Кто именно?— деловито поинтересовался милиционер.

— Петринская, кто же еще!— взорвалась жена.—Это она порекомендовала эту, краденую.

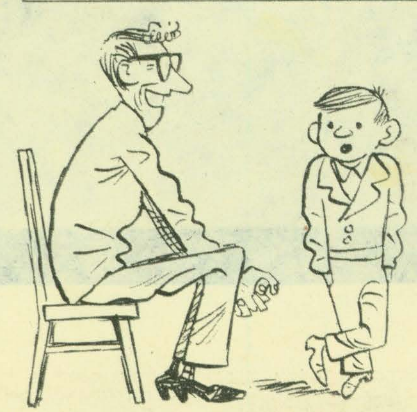
— Пожалуйста, поподробнее о гражданке Петринской,— попросил милиционер.

— А зачем подробности?— ввязался в допрос истинный хозяин собаки.— Я так счастлив, что Жако снова у нас, что не имею к этим гражданам никаких претензий. Я же вижу, что они просто влипли в это дело.

И мы разошлись по-хорошему. Мужчина с пареньком ушли счастливые с не менее счастливым Жако, а я ушел со своей женой. Так счастливо все это и кончилось.

В общем, если однажды... Но не буду писать второй раз — прочитайте первые фразы моей исповеди...

А что касается тех, кто держит собак не из-за моды, а по любви, им я хочу пояснить: я собак люблю. Всяких. Но чужих. А заводить свою не могу — нет для этого времени. Ведь любовь выражается главным образом не словами. Я читал в газетах, сколько по городу бегает бездомных собак, которых кто-то однажды завел, а потом выгнал на улицу.

— Трудно поверить вам, папа,— говорит сотрудник.— У нас открытие четвертого измерения запланировано на тысяча девятьсот девяносто пятый год. Но и то мы сомневаемся, что добьемся успеха. Хотя обещали. Ну, что же, приведите нам своего вундеркинда. Пусть покажет, что открыл.

Обрадовался я. Прибежал домой.

— Леша, миленький,— говорю,— идем! Быстрей! Нас в научно-исследовательском институте ждут. С твоим открытием!

— Подождут,— спокойно говорит сын,— вот школу окончу, университет — тогда и приду.

— А почему не сейчас?

— А потому. Нужно читать газеты. В них пишут, что слишком раннее развитие и эксплуатация способностей детей мешают их нормальному росту.

— А исчезать не будешь?

— Посмотрю на ваше поведение,— с самым серьезным видом сказал сын и почесал затылок.— Скучно что-то. Давно не ел мороженого...

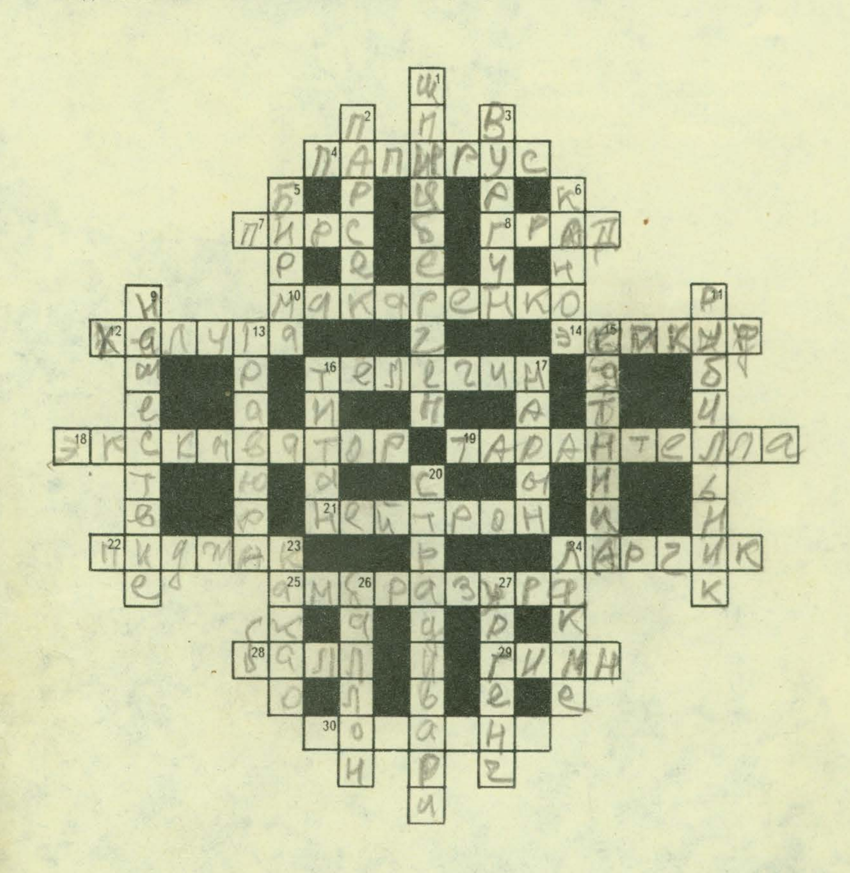
— Бедный сыночек! — наигранно изобразил я на лице скорбь, включил телевизор и пошел за мороженым.

А когда вернулся, застал такую картину: жена бегала по комнатам и искала сына.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Тропическое тростниковое растение. 7. Причальное сооружение. 8. Атмосферные осадки. 10. Советский педагог и писатель. 12. Рыба семейства осетровых. 14. Древнегреческий философ. 16. Персонаж трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». 18. Машина для разработки грунта. 19. Танец. 21. Элементарная частица. 22. Мужская одежда. 24. Басня И. А. Крылова. 25. Бойница. 28. Цифровая оценка успехов учащихся. 29. Торжественная песня. 30. Порт на Дунае.

По вертикали: 1. Архипелаг в Северном Ледовитом океане. 2. Единица расстояний в астрономии. 3. Народный поэт Азербайджана. 5. Государство в Азии. 6. Спортивная лодка. 9. Пьеса Л. М. Леонова. 11. Электрический выключатель с ручным приводом. 13. Оттиск рельефного рисунка. 15. День недели. 16. Роман Т. Драйзера. 17. Река в Средней Азии. 20. Итальянский мастер смычковых инструментов. 23. Питательный напиток. 24. Опера Л. Делиба. 26. Сосуд для жидкостей или газов. 27. Областной центр в Узбекистане.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 4. Примула. 8. Карусель. 9. Аристарх. 10. Графика. 13. Гайдар. 15. Сахара. 16. Филин. 17. Радикал. 18. Сарафан. 19. «Свисток». 21. Амарант. 23. Таран. 24. Белуга. 26. Треста. 28. Ординар. 31. Одинцова. 32. «Громобой». 33. Аполлон.

По вертикали: 1. «Сильва». 2. «Чудаки». 3. Опушка. 5. Патока. 6. Мадейра. 7. «Гренада». 11. Рефлектор. 12. Констанца. 14. Ракетка. 15. Сержант. 20. Вологда. 22. Носорог. 25. Глинка. 27. Рококо. 29. Дракон. 30. Нагель.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 19/V — 75 г. А 00591. Подп. к печ. 3/VI — 75 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1243. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 556.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото А. БОЧИНИНА

БУДУЩИЕ

Вова Алещенко. Запомним этого 11-летнего боксера.

Юные динамовцы, питомцы тренера Наталии Чирковой.

Андрюша Михеев — молодой д'Артаньян.

Футбольный тренер ЦСКА Владимир Четвериков и будущие Федотовы и Бобровы.

Пять лет отделяют нас от тех дней, когда в Москву на Олимпийские игры съедутся лучшие спортсмены мира и над центральным стадионом страны поднимется белое знамя с пятью разноцветными кольцами. Многое предстоит совершить за это время организаторам и строителям: воздвигнуть новые спортивные сооружения, реконструировать старые, построить комплексы гостиниц и подсобных сооружений самого различного назначения. Это большая, сложная задача, но, пожалуй, еще более трудно подготовить будущих олимпийцев.

Впереди немалый срок, но совсем не такой уж большой для того, чтобы успеть создать из сегодняшних мальчишек и девчонок спортсменов самого высокого класса.

Они будут расти год от года, олимпийцы восьмидесятых годов, все яснее понимая, что спорт — это не только удовольствие, но и труд, что во имя будущих больших успехов им надо отказываться от многих маленьких радостей.

С каждым годом увеличивается в нашей стране число детских спортивных школ, и все же они не могут вместить всех желающих: ведь спорт молодеет с каждым годом. Уже сейчас плаванием начинают заниматься чуть ли не грудные младенцы, а гимнасты в 14 лет получают звания мастеров. Но как долог путь от первой тренировки до настоящей победы!

Кого из героев нашего репортажа мы увидим когда-нибудь в составе олимпийских команд СССР! Сегодня ответить на этот вопрос невозможно, и нам остается лишь пожелать удачи тренерам и счастливого олимпийского будущего их питомцам.

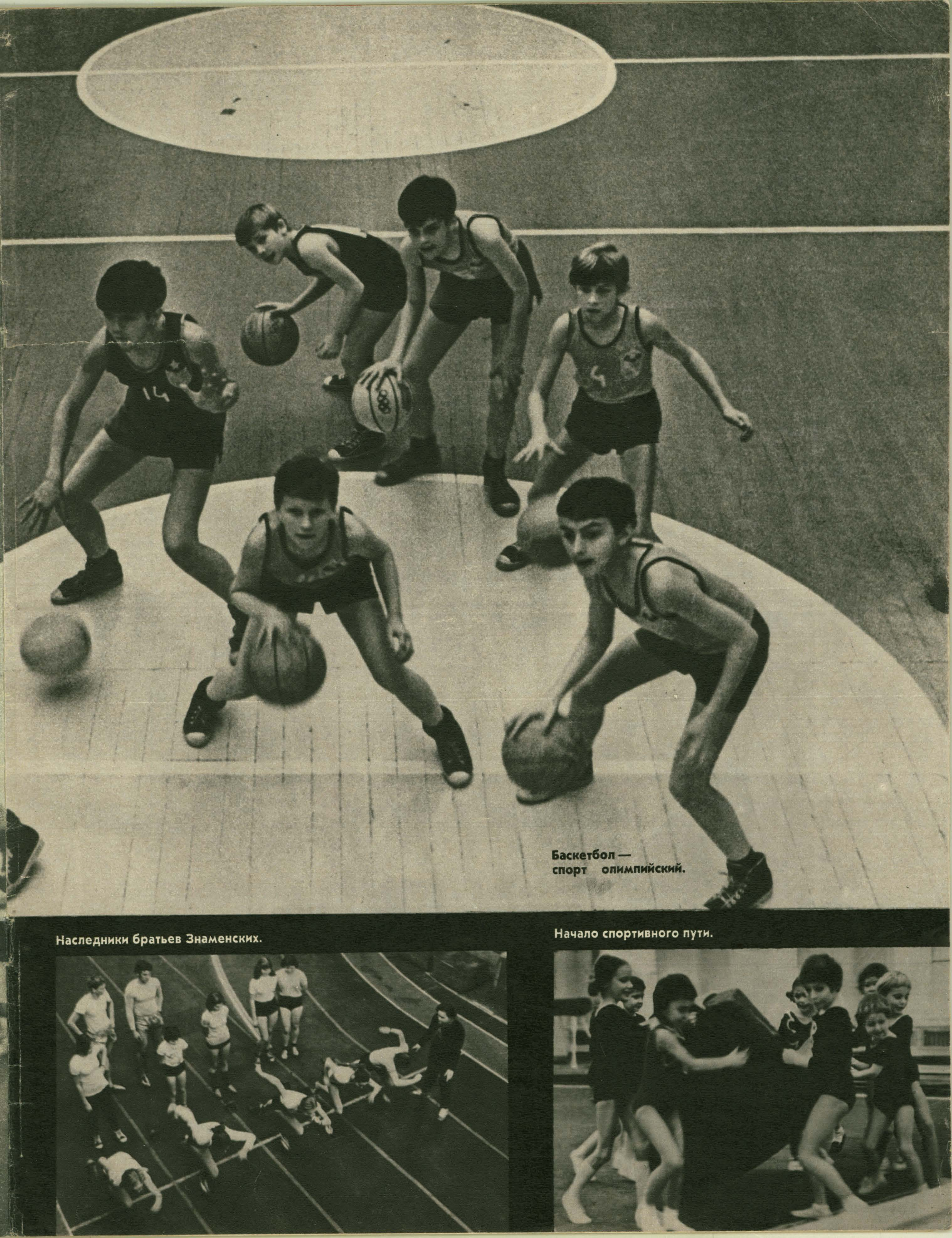
В. ВИКТОРОВ

ОЛИМПИЙЦЫ

Гимнасткам Ирочке Свиридовой и Оленьке Корзун по четыре года.

Самбо — страсть современных мальчишек.

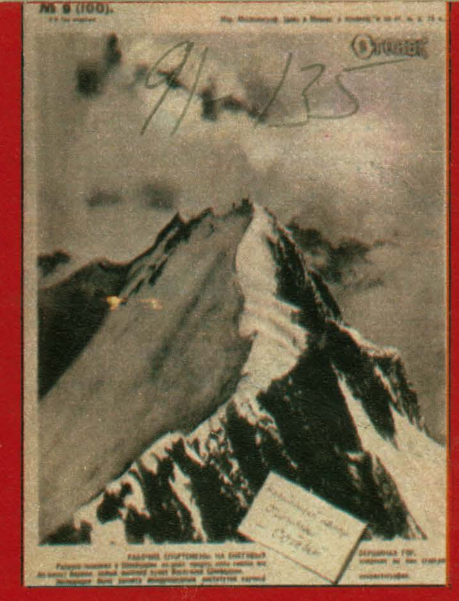

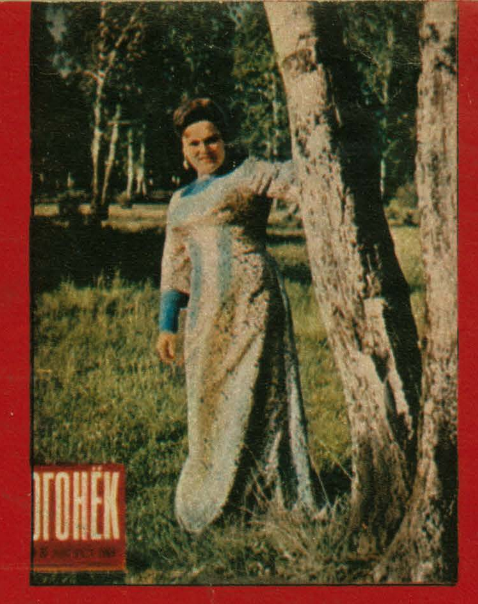
Баскетбол — спорт олимпийский.

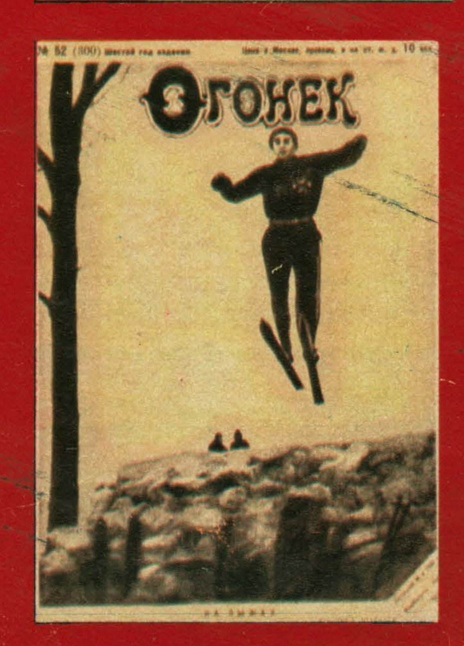
Наследники братьев Знаменских.

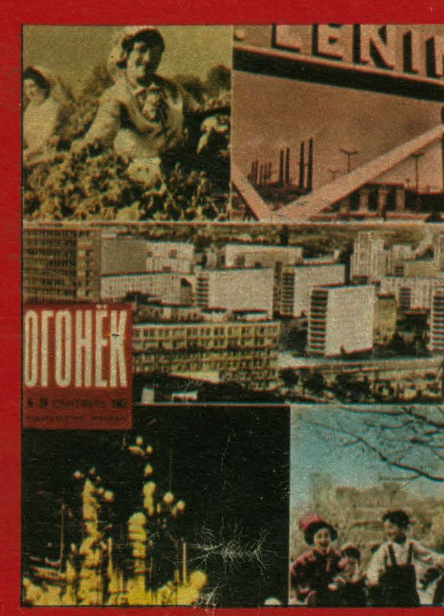
Начало спортивного пути.

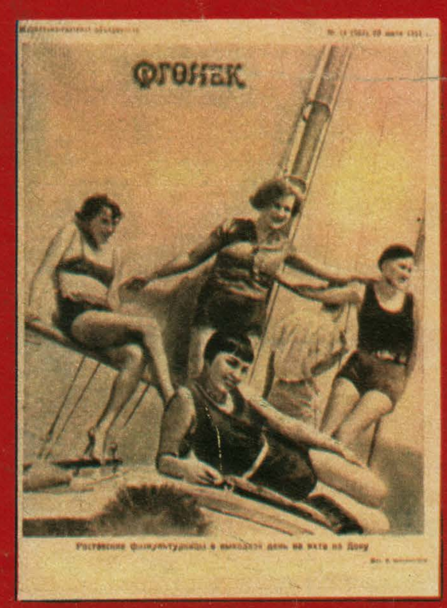

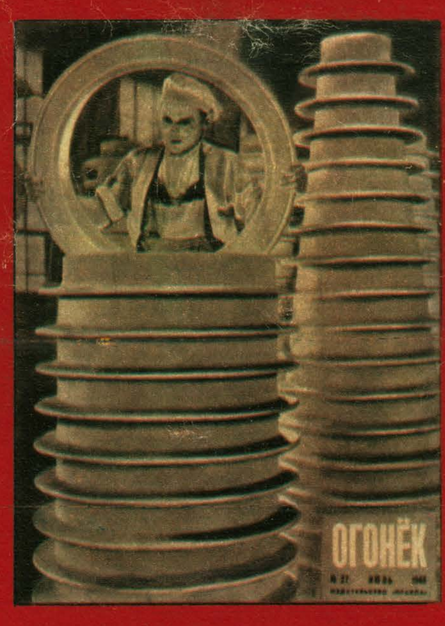

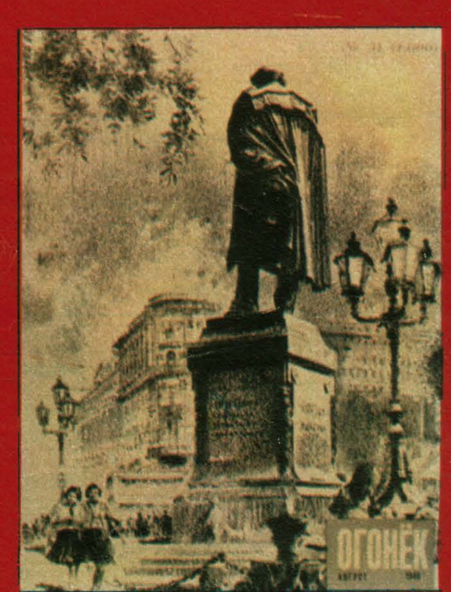

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663